

50 МОДИН ШАГ НАЗАД

ЛИНА МУР

18+

Annotation

Понимать, что ты полюбила, слишком сложно. А если этот человек противоречит всем табу и вызывает страх, подпитанный сильнейшим возбуждением и жаждой идти дальше, то остается только один выход — сражаться. Против него и его привычек, тая надежду на ответное чувство. Бороться против самой себя, понимая, что иначе не выберешься из темноты, которой он окружил себя. Вытащить его и любить. Любить. Тайно. Тихо. Рядом.

---

50 и один шаг назад

Лина Мур

Чтобы познать человека, необходимо двигаться назад. В темноте. Чтобы ещё больше любить его, требуется стать глухой и слепой к окружающему миру. Шаг за шагом. В пучину мрака, который заставил его быть таким. Дойти до конца и выжить. Хотя бы выжить...

Пятидесятый шаг

Было время, когда я запретила себе мечтать о чём-то большем, чем отстранённая и преимущественно серая жизнь. Это время долго крепко держало меня в навязчивом страхе, заставляя покорно подчиняться ему, обрывать все мысли о чём-то ярком на корню. Но один человек, с которым увидела свой максимум, поняла его и приняла, забрал с собой моё прошлое. Подошёл настолько близко, что я увидела этот мир иначе. Чувственно ярким, наполненным борьбой и желанием идти дальше.

Было время, когда объясняла любовь, как нечто глупое и примитивное. А теперь же имею иной взгляд. Насколько можно рушить свои табу, чтобы быть с одним мужчиной, таящим в себе самую главную опасность для меня. Опасность повторения прошлого и боль. Но именно с ним могу двигаться. Жить. Улыбаться и верить. Остаётся только верить в себя, что хватит сил продолжить путь, когда сердце находится в смятении от недавнего открытия. Любовь может быть острой, жалящей и необходимой, чтобы придать сил.

Глубоко вздыхаю от своих мыслей, наслаждаясь поглаживаниями мужской ладони по моим волосам. Открываю глаза, выхватывая окровавленную руку Ника, лежащую на моём плече. По спине пробегает холодок.

— Ник, у тебя тут должна быть аптечка. Давай, хотя бы промоем твою руку, вдруг там мелкие осколки, — говорю, поднимая голову с его плеча.

— Нет там ничего, приедем домой и промою. Успокойся, — он пытается уложить меня обратно, но я сопротивляюсь и сажусь ровнее.

— А вдруг есть? Это же несерьёзно! — Уже возмущаюсь, как замечаю знакомый «Эскалейд», останавливающийся перед нашим «БМВ».

— Отлично, — Ник первый выходит из машины, помогая мне, а затем берёт мою сумку. Из внедорожника выскакивает Майкл, ошарашенно смотря на разбитое стекло, а следом переводит быстрый взгляд на нас.

— Мистер Холд, мисс Пейн, вы не пострадали? — Испуганно спрашивает мужчина.

— Нет, поехали. И вызови службу, пусть заберут машину, — бросая ему просьбу, Ник идёт к автомобилю и укладывает мои вещи на переднее сиденье.

Майкл, сохраняя молчание, только кивает и натянуто улыбается мне, кажется, понимая, что у нас произошёл небольшой спор. Совсем небольшим. Я едва не упала в обморок, Ник покалечился, но те чувства, в которых себе честно и открыто призналась, и те волшебные слова, что услышала от Ника, того стоили.

Наверное, так будет всегда. Боль граничит с наслаждением, и это касается не только тела, но и души. За плохим неизменно придёт что-то хорошее, это и есть реальный мир. Только вот от этих взрывов, последующее спокойствие накатывает так сильно, что сил в теле попросту не остаётся.

Я забираюсь на заднее сиденье, и Ник тут же притягивает меня к себе, словно боясь, что неожиданно раздумаю и пойду пешком до города. Но должна его уверить, что мне не удастся даже сделать и шага от него, потому что мои глаза непроизвольно закрываются, пока я лежу на его груди. А тепло и сила, исходящие от него, дают чувство защищённости.

Парадокс, человек, который заставляет тебя чувствовать себя избитой изнутри, сам же питает своей безграничной энергией.

— Майкл, я возьму её, ничего, — сквозь дремоту слышу приглушённый бархатный голос

Ника, и он подхватывает меня на руки.

Не хочу открывать глаз, ведь сейчас всё настолько хорошо, что становится боязно от этого. Но отрезаю эти мысли и обхватываю рукой шею Ника, оставляя поцелуй на его коже.

— Проснулась? — Шепчет он, когда мы поднимаемся в лифте.

— Нет, тебе кажется, — открываю один глаз и вижу его тёплую улыбку.

— Мне нравится эта иллюзия, Мишель, но у тебя осталось на неё... ничего не осталось, — дверцы лифта открываются, и мы входим в квартиру, точнее, Ник, а я в его руках.

Нам навстречу выбегают перепуганная Лесли, и мужчина средних лет.

— Мистер Холд, чем мне помочь? — Торопливо спрашивает домработница, а я постепенно становлюсь пунцовой оттого, что Ник продолжает крепко держать меня на руках. И это не остаётся незамеченным ни одному из присутствующих, так Майкл, вообще, довольно улыбается.

Тайно. Очень тайно он выражает симпатию, но это до коликов в животе приятно.

— Добрый день, Грегори, пройдем за мной, — снова его уверенный и требовательный тон, обращенный к мужчине, насколько я понимаю, врачу.

Ник несёт меня в спальню, а я как полная идиотка продолжаю лучезарно улыбаться. Он бережно опускает меня на постель, безуспешно пытаюсь возразить, что моя одежда вся в земле, как и ботинки, могу испачкать одеяло, но один его красноречивый взгляд, и поджимаю губы.

— Мистер Холд, на что я должен обратить внимание в первую очередь? — Спрашивая, Грегори входит за нами следом с небольшим чемоданчиком.

— Мишель... она, — он вздыхает и, снимая свою куртку, бросает её на пол.

Понимаю, ему тяжело публично признаться в том, что произошло. И он тщательно подбирает слова, а я согласна на откровенную ложь. Согласна на всё, только бы стереть с лица эту хмурость, которая накрыла его.

— Я ударились... эм, спиной, — перехватываю инициативу.

— Давайте, тогда вы снимите верхнюю одежду до белья, и я осмотрю вас, — предлагает он с улыбкой, и я, кивая, встаю с постели.

— Нет, — резкий голос Ника заставляет меня замереть с пальто в руках. Я и врач поворачиваемся к нему, совершенно не понимая, к чему было это «нет».

— Грегори, я толкнул девушку, ты знаешь мою силу. Она ударилась позвоночником о дерево, затем чуть не упала в обморок, и резко захотела спать. Пока мы ехали сюда, она дремала, — на одном дыхании говорит он, а я приоткрываю рот от его слов.

Наши взгляды встречаются, и вижу в глубине его выразительных глаз, даже с метрового расстояния, безмолвную боль. Не хочу, чтобы он раскаивался в этом, сама напросилась. А он... я виновата, не стоило, вообще, открывать рот, поощрять его мать. Да ничего не надо было узнавать, а только принимать его таким, какой он есть. Помочь ему оставить прошлое там же, и начать новую жизнь.

— Я понял, мистер Холд. Заметил у вас повреждение руки, пока осматриваю девушку, промойте её под водой. Только промыть и ничего более, — монотонно произносит Грегори. Ник, отворачиваясь, идёт к ванной комнате и закрывает за собой дверь.

Пока врач достаёт из своего чемоданчика стетоскоп и другие нужные вещи, я аккуратно снимаю с себя кофту, и всё кладу на постель. Он осматривает мою спину, спрашивает, где болит, как себя чувствую, только чётко отвечаю на все вопросы. Сейчас хочу, чтобы всё

побыстрее закончилось, желая остаться с Ником наедине, и вновь уверить его — я в норме.

Хотя, вру. Я не в порядке. Он не в порядке. Всё полетело к чертям, ведь буквально десять минут назад чувствовала такой подъём внутри, а сейчас тяжесть.

— Можете одеваться, я оставляю вам рецепт на мазь от синяков и успокоительное. Если вы почувствуете тошноту или же головокружение, вам следует связаться со мной по этому номеру, — Грегори кладёт на постель свою визитку, и я киваю.

Ник до сих пор не появился, всё так же пребывая в ванной.

— Я позову его. Он ударился рукой о стекло и...в общем, посмотрите и его, — заминаясь, произношу и как была в одном бюстгальтере, так и направляюсь в сторону двери.

— Ник, — тихо стучу, но ответа не следует.

Нажимаю на ручку и вхожу в комнату, но в ней никого нет. В гардеробную слегка приоткрыта дверь. Там вижу Ника, стоящего у окна и смотрящего туда.

— Теперь твоя очередь быть облапанным, — наигранно весело говорю я, но он никак не реагирует на мои слова.

— Ник, — зову его и подхожу к нему.

— Что он сказал? — Невыразительно спрашивает он.

— Всё хорошо, ничего со мной не случилось, как я и говорила. Отделалась лёгким испугом, — отвечаю, и он поворачивается ко мне.

— Ясно. Подготовил тебе чистую одежду, можешь принять душ и переодеться. Как закончишь, я буду ждать тебя в гостиной, — его тон, такой бездушный и сухой, сильно бьёт по мне. Опуская голову, кривлюсь от ощущений внутри.

— Зачем? — Негромко спрашиваю я.

— Потому что твои джинсы...

— Нет, — перебиваю его и поднимаю голову. — Зачем ты снова становишься им? Зачем опять включаешь свои опции доминанта?

— Мишель, я он и есть, — жёстко отвечает и, обходя меня, идёт к двери.

— Твои слова были ложью? — Чувствую, как мои глаза обжигают слёзы обиды, но сглатываю ком его отчуждения.

Он останавливается, и его крепкие плечи под футболкой напрягаются.

— Нет. Я никогда не лгал тебе и не собираюсь.

— Тогда не поступай... не закрывайся от меня, Ник. Я ведь рядом, тут с тобой. И сама хочу этого, только не отталкивай, как сейчас, — произнося это, делаю шаги к нему.

— Ты глупая, — иронически усмехается он, а я задерживаю дыхание от этих слов и внезапно останавливаюсь в шаге от него.

— Что?

— Ты ещё маленькая, чтобы понимать, какие последствия могли быть, если бы я хоть немного больше применил силы. Ты могла бы остаться калекой или же овощем. Первый раз в жизни чувствую себя полным уродом за то, что заставил тебя прийти ко мне. За то, что впустил тебя в свой мир и сейчас... когда первый шок прошёл, очнулся и понял — не хочу быть тем, кто я есть. Только вот ничего уже не изменить, — он оборачивается ко мне, а в моей груди сердце бьётся настолько сильно и громко, что оглушает меня от страха продолжения его слов.

— Нет, не смотри так на меня, крошка. Не смотри своими чёртовыми доверчивыми глазами, которые сняты мне. Что ты сделала со мной, Мишель? Кто ты? Почему именно ты? Ведь я рассчитывал совершенно на иное, но... — он замолкает, а из моих глаз выкатывается

слеза. Ничего не могу с собой поделать и без остатка отдаюсь истинным чувствам.

Не понимаю его, ничего не понимаю. Эти качели... этот эмоциональный дисбаланс внутри него постепенно передаётся мне, что едва могу стоять на ногах.

— Ты со мной и это наилучшее, что случилось со мной за всю жизнь. Знаю, тебе сложно принять меня, а мне принять то, что у меня есть человек, засевший не только в голове. Теряюсь, вновь первый раз для меня не иметь понятия, как вести себя дальше после всего, что произошло. Подскажи мне, Мишель, подскажи, потому что в этом деле я новичок и сейчас настолько зол на себя, что мне необходимо было подумать и решить, как мне действовать дальше. Но ничего... ничего не придумал, кроме того, что видел перед глазами твоё бледное лицо и огромные глаза, полные печали. Сейчас хочу тебя обнять, только вот эта нежная сладость меня раздражает.

Внутри меня проносится сильный ураган из многообразных чувств, и вырывается из груди громким надрывным вздохом.

— Я могу обнять тебя, Ник, меня нежность и её сладкий аромат не раздражают. А ты сделаешь вид, что терпишь это ради меня, — мягко улыбаюсь и шагаю к нему.

Мои руки обвиваются вокруг его талии, кладу голову на его грудь. Он даже не шевелится, но мне хватает быстро бьющегося бойкого сердца в нём. Теперь оно живое.

— Ты моя крошка, прости меня, что такой, — шепчет он и зарывается одной рукой в мои волосы.

— Оставайся таким, потому что с другим мне будет скучно, — улыбаюсь, а моё глубокое дыхание выравнивается. Душевное равновесие внутри и новый шаг друг к другу.

— Там врач ждёт тебя, — вспоминаю я и поднимаю на него голову. — Он твой друг?

— Он... нет. Он работает на меня, хм... всегда присутствует во время сессией, в случае чего, — медленно объясняет он.

— Понятно, — бормочу.

— Встретимся в гостиной, — он убирает руку из моих волос, и я, кивая, отступаю от него на шаг.

Его глубокий взгляд скользит по моему лицу и плавно опускается к груди, скрытой одним бельём. Моё тело и женское начало моментально просыпаются, заставляя снова сбить ритм дыхания и усилить движение груди.

Ник приподнимает уголок губ в улыбке, понимая, что со мной происходит. Тонко чувствую, как мои мышцы внутри сжимаются и прикусываю губу, чтобы не выдать себя. Он приоткрывает рот, чтобы что-то сказать, но затем тут же закрывает, мотая головой, и вылетает из гардеробной.

Удивлённо моргаю от такой реакции, а затем хмурюсь. Неужели, он теперь будет бояться дотронуться до меня?

Сейчас знаю точно, что Ник чувствует ко мне нечто большее, чем обычное сексуальное влечение. И снова мне становится настолько хорошо, что обессиленно опускаюсь на диванчик и прикрываю глаза.

Я люблю его. Только вот не знаю, что такое любовь? И любовь ли это? Ведь, как и раньше, верю в то, что любовь — химия между мужчиной и женщиной. Но, тогда как объяснить, что моё сердце замирает при виде его, а все его чувства и переживания ощущаю, как отражение на себе? Как назвать невообразимое желание спрятать его за собой и никогда не выпускать из рук? Как описать словами то, что происходит внутри? Оказывается, это не просто химия. Это любовь, которой опасаюсь.

А что будет со мной, когда ему надоем? Когда он поймёт, что я всего лишь эпизод в его жизни и не более? Ведь он полноценен, а я нуждаюсь в нём.

Приняв душ, и покривившись на пощипывание кожи на спине, обнаруживаю пару царапин на ней и удивляюсь, как мне удалось это сделать даже через одежду. Синяки на локте, как и предполагала, появились ожидаемо, только вздыхая, надеваю футболку и джинсы. Выйдя из ванной, направляюсь в гостиную и поняла, что мне чего-то не хватает тут. Чего-то... кого-то. Шторм!

— А где Шторм? — Спрашиваю я, едва успев войти в гостиную, и Ник, моргая от моего внезапного появления, приподнимается с дивана и переставляет ноутбук на столик.

— Он на выставке. Каждые март и сентябрь он ездит в Монреаль за призами, — непонимающе отвечает.

— Понятно, мне он нравится. Никогда бы не подумала, что собаки такие клёвые. Папа мне запрещал, как и мама, да и, вообще, мне всё запрещали. А ещё татуировки... у тебя тоже есть, и я хочу, а...

— Мишель, остановись! — Повышает голос Ник, а я глупо моргаю, сама не ожидая от себя такого словесного водопада.

Куда меня понесло? Боже, какая идиотка. Не желая, чтобы понял, как я к нему отношусь, моё подсознание решило, что пора становиться полной дурой.

— Грегори тебе что-то дал принять? Или же это нервы? — Он едва не смеётся надо мной, а я цокаю.

— Второе, наверное. Но всё же, а больно их делать? — Интересуюсь, сажусь рядом с ним.

— Даже не думай, мы ещё не обсудили твой пирсинг, который мне не нравится. А о татуировке забудь, — отрезает Ник.

— А что с моим пирсингом? Он очень... очень сексуально смотрится на моём плоском животике, — подхватываю майку пальцами и немного тяну вверх, довольно демонстрируя колечко в пупке.

Поднимаю голову, встречаясь с его горящим взглядом. Он смотрит на меня с обольстительной улыбкой, с какой-то незнакомой до этого мягкостью и особой нежностью, что начинаю задыхаться от внутреннего счастья.

— Лесли приготовила нам закуску и ужин. Я отослал её в квартиру, чтобы мы остались одни, — сообщает Ник и закрывает ноутбук.

— Хорошо, — киваю я.

— Ты голодна? — Спрашивает он, отрицательно мотаю головой.

— Тогда мы сначала обсудим всё, а затем поужинаем. Согласна? — Предлагает он, снова киваю.

— Ты не против выпить бокал вина, мне необходимо немного расслабиться? — Ник встаёт, уже не ожидая моего положительного ответа, направляется к бару и достаёт бутылку, быстро наполняя два бокала.

Вот и пришло время говорить, только я совершенно не знаю, что могу требовать от него. Даже понятия не имею, какие у меня есть преимущества. На чём настаивать или же предлагать? Как, вообще, это происходит? Мы будем обсуждать произошедшее? Или же он просто выложит мне свои условия?

Не знаю, Господи, не знаю, как остановить поток этих бредовых мыслей и взять себя в руки. Не бояться категорического отказа и принять реальность такой, какая она есть.

Сорок девятый шаг

Ник с мягкой улыбкой передаёт мне бокал, крепко хватаюсь за него, страстно желая влить в себя алкоголь. Возможно, это поможет мне немного рациональнее мыслить.

— Итак, то, что сегодня случилось, вышло за границы наших отношений. Поэтому полагаю, настало время окончательно решить, как быть дальше, — медленно начинает Ник, а я ожидаю продолжения.

— Понял, что не смогу говорить с тобой о прошлом так, как обещал. Сама видела, что может быть. А для меня это недопустимо. Ты знаешь обо мне больше чем другие. И я... Мишель, помоги мне, чувствую себя идиотом, — фыркает он, и выпивает половину напитка из бокала.

А начинал так уверенно, не могу сдержать тихого смеха от глупости этой ситуации.

— Ты не хочешь появляться в обществе со мной. Не хочешь, чтобы о нас кто-то знал. Ну, с тем, что ты скрываешь свои миллиарды, я уже смирилась. Не могу предугадать, что и как у нас будет. Мы можем ходить в кино или в театр, приходить по отдельности и уходить так же. В городе немало мест, которые не посещают наши общие знакомые, может быть, гулять. Я бы тебя с удовольствием сфотографировала. Не знаю. Наверное, лучше если мы будем плыть по естественному течению, — пожимаю плечами и отпиваю ароматное вино.

— Это то, что тебе интересно. То, как проходят свидания? — Напряжённо спрашивает он.

— Приблизительно да.

— Ясно, с этим более или менее разобрались. Гулять. Если что узнаю у Райли. Всё до тошноты сладенько, — кривит нос, а я прыскаю от смеха.

— Секс, — опережаю его, и Ник, кивая, уже свободней откидывается на спинку дивана. Эта тема ему определённо нравится больше.

— Что вы можете мне предложить, мисс Пейн? — Хитро прищуривается.

— Себя. Готова попробовать с тобой какие-то вещи, но без боли. Я...я просто не смогу, Ник. Для меня это высокое препятствие, и у меня нет храбрости, чтобы перепрыгнуть его. Но знаю, что ты не можешь без своих этих сессий. Ты упомянул, там нет непосредственной близости, а только... только...

— Физические наказания, — подсказывает он, и я киваю.

— Да. Не могу смириться с этим. Как только начинаю думать об этих девушках, о том, что с ними делаешь — меня начинает трясти от жуты. Не могу поставить тебя перед выбором, не имею права, — замолкаю и, запуская руку в волосы, нервно расчёсываю их.

— Хочешь, чтобы я официально отказался от своего мира ради тебя, — заключает Ник. Облизываю губы, не разрешая себе кивнуть. Хотя он всецело прав.

— Знаю, что это невозможно, — шепчу, отпивая вино.

— Кто я для тебя, Мишель? Подопытный, на котором ты проверяешь свои познания психологии, возвращая его из полной темноты на божий свет? Зачем тебе менять меня? — Он отставляет бокал и придвигается ближе, настойчиво требуя ответа.

— А зачем тебе менять меня, Ник? — С вызовом смотрю на него. Замолкает, прожигая меня острыми вдумчивыми глазами.

— Кто я для тебя? — Ещё тверже повторяет вопрос.

— Не знаю, но больше, чем любовник, Ник. Да, я сильно волнуюсь за тебя. Да, каждый

твой рассказ быстро приводит меня в полуобморочное состояние. Да, боюсь тебя, когда ты неуправляем. Да, хочу быть рядом с тобой, потому что мне тепло. Ты моё внутреннее тепло, Ник, — кладу руку на его щёку и поглаживаю её, улыбаясь своим словам.

— Сегодня день чистосердечных признаний, да? Хорошо, Мишель, я готов... готов усмирить собственного зверя, но пока чётко не представляю как. И у меня есть одно особое условие, — он накрывает мою руку своей и убирает её от своего лица.

— Вставить кляп в рот? — Живо интересуюсь я.

— Какие у вас познания, мисс Пейн, — смеётся он. — Может быть, вы разрешите мне со временем заткнуть ваш очаровательный ротик, но, думаю, легко могу найти совершенно иной, более глубокий способ, — его лучистые глаза снова накаляются магической силой и сексуальной электрической энергией, что жмурюсь от этого и мотаю отрицательно головой.

— Я хочу, чтобы ты выбрала себе стоп-слово, Мишель, — серьёзно произносит Ник, я отставляю бокал с вином, и опускаю голову.

— Зачем? Я... мы же договорились... я не хочу, — выдавливаю из себя слова.

— Должна, — он поднимает мой подбородок указательным пальцем.

— Почему?

— Ты должна иметь силу против меня. Я сросся со своим миром, тем, которого ты боишься. И это единственное, что может остановить меня, если ты ощутишь боль. Хоть какую боль, даже душевную, как сегодня. На каждое чудовище есть своё противоядие. Для меня это стоп-слово. Я не услышу ни твои мольбы, ни твои слёзы, ничего. Только его. Привык к этому. Пожалуйста, Мишель, крошка... не хочу больше раскаиваться в том, что сделал. Не хочу видеть тебя такую, как сегодня. Боюсь этого. Боюсь за тебя, и это сильно бьёт по мне. Я... мне кажется, чувствую тебя. Твои слёзы... твои глаза... моё. Это словно всё моё. Ты моя. Помоги мне, Мишель. Помоги мне остаться с тобой, не ходить туда. Сейчас меня трясёт от желания причинить боль, так скажи стоп-слово. Забери меня, я так устал.

Неоднократно пытаюсь вздохнуть, но грудь полна различных эмоций и бурных чувств к нему. Мои глаза бегают по его лицу, искажённому безмолвной болью и в то же время взволнованному ожиданием.

Боже, способна ли я на что-то невообразимо сильное внутри, чтобы до конца... до окончательной победы быть с ним и не сдаться? Ради него. Ради себя. Ник... он другой, он ведь совершенно другой. Я не знаю, что мне преподнесёт судьба через пять минут в его компании. Вдруг он снова решит или же поменяет мнение?

— Мишель, — шепча, закрывает глаза, в которых успеваю прочесть острое разочарование.

— Теренс, — выпаливаю я, а он распахивает глаза.

— Моё стоп-слово — Теренс, — уверенней говорю. Ник отворачиваясь от меня, смотрит в тёмный экран телевизора, а затем вскакивает с дивана.

Вот говорила же, и пяти минут не прошло, как он завёлся.

— То есть, ты хочешь в постели называть имя парня, в которого была влюблена и который погиб? Ты откровенно издеваешься сейчас, Мишель? Потому что если это шутка, то у тебя отвратительное чувство юмора, — сердито цедит он.

— А ты мне уже собрался делать больно в постели? И нет, я не издеваюсь.

— Это к слову пришлось. Тогда внятно объясни мне этот выбор. Ты до сих пор его любишь? — Он садится обратно и опирается локтями о колени. Только сейчас подмечаю, что рука у него забинтована. Надо же, была так поглощена собственными эмоциями, что даже не

спросила его об этом.

— Я любила его как брата, но не как мужчину, Ник. Насколько я знаю, стоп-слово — это апогей твоей выдержки и порога боли. Так вот, для меня Теренс стал моим... мне было непередаваемо больно в ту ночь, и пережитый последующий ужас никогда не забуду. Поэтому, если произнесу это ключевое слово, значит, это мой максимум.

Он тяжело вздыхает и снова хмурится, что-то тщательно обдумывая. Но я ничего не успела придумать кроме имени парня. И сейчас чётко понимаю, что это действительно моё стоп-слово.

— Теренс, — произносит он, а я жду вердикта.

— Хорошо, пусть будет это, — облегчённо вздыхаю и откидываюсь на диван.

Мы молчим, Ник продолжает пристально смотреть впереди себя, а я усмирять учащённое дыхание. Боже, у меня больше нет сил. Почему в жизни всё до такой степени сложно? Почему так нелегко приходиться к разумному компромиссу?

— Ты слышала, да? — Внезапно спрашивает он, даже не поворачиваясь ко мне.

— Что слышала?

— Мой прямой разговор с Люси, — уточняет он.

— Эм... да, я не подслушивала. Ладно, подслушивала, но, правда, направлялась в ванную, а дверь была приоткрыта, расслышала своё имя, и мне стало любопытно. Только, пожалуйста, не злись, — тихо признаюсь я.

— Она знает обо мне всё, буквально обо всём. Она успокаивала маму, когда я отсутствовал и врал им. Она просто хотела уберечь меня, а не обидеть тебя, всё ещё не понимая, что я старше, — он внезапно замолкает, а потом стремительно набирает побольше воздуха и продолжает: — Долго мучился кошмарами... очень долго, и Зарина услышала в одну из ночей, когда осталась у меня, перед тем, как я ей предложил свои условия. Она слышала, как мучительно переживал своё детство во сне, хотела поговорить об этом на следующий день. Но я не желал. Никого не впускал в свой мир, ни с кем не встречался, не водил на свидания, не ухаживал, не дарил цветы. Они жили по моим правилам — сессия и секс, очень редко секс, а я за это плачу. Даже в то время уже разграничивал их, хотя открыто делился своими достижениями с девушками, хвалился ими. Я не занимаюсь сексом с нижними, у меня две женщины. Одна только для секса, другая только для моего мира. Хотя и в постели предпочитаю использовать девайсы. Зарина любила боль, она была идеальна, любовница и нижняя в одном лице. Но предложил ей только роль рабыни. Она начала кричать, открыто признаваясь в любви и прося большего. Выставил её, сказав, что меня это абсолютно не интересует. Она обещала подумать, взяла с собой свои вещи и пропала. Я спокойно уехал, и вот, что получилось. Она отомстила мне таким способом, желая иметь меня в парнях. Люси переживает, что снова это повторится. Только вот я живу отдельно от мира, спокойно наслаждаясь другим, который сотворил только для себя. И мне было комфортно, пока не появилась ты.

От неожиданности его откровенных слов даже не дышу, и как только он умолкает, заставляю себя возобновить жизненные процессы.

— И ты не хочешь, чтобы мама знала о твоём материальном состоянии лишь потому что...

— Потому что тогда она всё легко поймёт. Она узнает, что я ничего не забыл, как мучился все эти годы, и её просто убьёт то, кем я стал. Она открыто осуждает людей, причиняющих боль, как ты. Презирает их. Наверное, поэтому ты ей так понравилась. У неё

слабое сердце, нарушена психика, но пока Арнольд рядом, всё хорошо. Я не открываю своей прямой причастности к корпорации частично из-за неё, отчасти из-за страха, что меня публично осудят вновь и сейчас это повлечёт за собой крах и унижение, преследование и, возможно, смерти тех, кому обещал защиту. Уверен, что мои знакомые, старые приятели, которые знали меня в двадцать, тут же появятся. И вся грязь ляжет на тебя, как и на мою семью. Не могу этого допустить.

Ник оборачивается ко мне, и я вижу все внутренние переживания на его лице, его наибольшие опасения и главное желание — не навредить своим родным.

— Но ведь можно держать свою причастность к теме втайне, а жить, как нормальный человек для всех, — невольно напоминаю я.

— У нас различные понятия о нормальности бытия, Мишель. Не имею права даже на такие мысли. У меня тёмное прошлое, как и я сам. Оно излишне... оно разительно отличается от этики морали, принятой обществом. Я сотворил однажды то, в чём до сих пор не раскаиваюсь. Даже рад этому. Начинал зарабатывать не так, как ты предполагаешь. Был связан с преступным миром и синтетическими наркотиками. Я помогал их распространять, а потом прекратил, когда накопил нужную сумму для другого.

— Что? — Переспрашиваю я.

— Да, был молод, полон личных амбиций и желания разбогатеть, доказать уродам, которые смотрели на меня свысока, что ничем не отличаюсь от них. И не нашёл ничего лучше, чем наркотики. Думаешь, меня бы взяли куда-то без образования? Нет. Никому не нужен парень из глубинки, с сумасшедшими идеями. Райли сидел на наркотиках, глубоко завяз. Когда я уловил эту зависимость, то вытаскивал его из этого дерьма, затем предложил ему иной способ полного расслабления, который знал. Мой мир. И это помогло ему, как и многим. Говорил, что не могу тебе предложить будущего, потому что негативные последствия прошлого всегда приходят. Хотя максимально обезопасил себя, но не могу предугадать побочных действий. Так что ты промахнулась, Мишель, я недобрый и нехороший. Твой парень умер из-за наркотиков, которые распространяет в Торонто одна крупная банда, на которую в далёком прошлом работал я.

— Но ты... я... господи, — закрываю лицо руками, чтобы хоть как-то прекратить дрожь в теле. Хоть как-то успокоить себя и уверить, что это только прошлое. И ему пришлось так поступить... пришлось. Но не могу ничего с собой поделать.

— Райли же был из обеспеченной семьи, как он подсел на них? — Нелепо спрашиваю я.

— Теренс тоже, — напоминает он. — В том-то и парадокс, что только обеспеченная золотая молодёжь может позволить себе это, а кто беднее, они недолго держатся на самодельных наркотиках. Быстро умирают и на них нельзя делать деньги.

— И ты опасаясь, что тебя могут шантажировать?

— Нет, те люди, которые знали меня, мертвы уже. Но об этом знала Зарина, хотя и она в земле, но её жажда денег и мщения могла развязать ей язык. Не хочу рисковать.

— И ты будешь жить так до конца дней? Один? Без семьи, детей?

— Я не люблю детей, не переносу их. Откровенно ненавижу писклявых и надоедливых малышей, даже с племянницей не встречаюсь, только по праздникам и то ненадолго. Мне хватило сестры в детстве, и вряд ли из меня выйдет родитель с моими испорченными генами. Кто согласится быть со мной всю жизнь, узнав обо мне всю голую правду? Ведь могу сорваться и повторить судьбу отца. А что станет с этой женщиной и её детьми? Поэтому да, планирую жить один.

Никакой перспективы.

Закрываю глаза и опускаю голову, чтобы пережить это жёсткое заявление. Да, тоже не хочу ни детей, ни мужа. Но отчего-то сердцу так зверски больно, а в груди глубокая тёмная резаная рана, начавшая кровоточить.

— А ты рассчитывала на большее? — Горько усмехается он.

— Нет, — шепчу. — Нет, но... не знаю, Ник. Слишком много информации и ужаса. Но я прекрасно понимаю тебя, ты хотел лучшей жизни после всего, что тебе пришлось пережить. Ты хотел вырваться оттуда, и тебе было плевать на всех, кроме своей мечты. И ты добился её. Поздравляю, — мой голос бесцветен, а я сама будто бы сдулась.

— И ты согласна после всего этого быть со мной? — Спрашивает он.

— Да, это ничего не меняет. Это прошлое, а о будущем думать не хочу, — качаю я головой и открываю глаза.

— И утверждаешь, что не испытываешь ко мне чувств больше, чем сугубо человеческое беспокойство?

Сглатываю оттого, что загоняет меня в критический угол. Но ведь ему не нужна моя открытая любовь, он хочет чего-то другого, а у меня вряд ли это есть.

— Чувство эмоциональной привязанности и не более. Я не собираюсь в тебя влюбляться или же любить, это излишнее. И ты знаешь мои взгляды на эти слова. Это только усугубит положение, — хладнокровно лгу, спокойно смотря в его выразительные глаза.

— Рад, что ты всё прекрасно понимаешь. Значит, не ошибся в тебе с первого взгляда. Мы похожи, и ты идеальна для меня сейчас. У нас есть настоящее, в котором я проголодался, — он довольно улыбается, удовлетворённый чётким ответом, пока внутри меня всё тухнет, гаснет и постепенно уменьшается.

— Где моя сумка? Хочу проверить телефон, вдруг отец звонил, — встаю, чтобы уйти и немного подумать над сказанным.

— В спальне, — быстро отвечает он.

— Хорошо, — киваю я.

Быстрым шагом иду по направлению к спальне и, найдя свою сумку, достаю телефон. Просто сажусь на пол и, притягивая ноги к груди, утыкаюсь в них лбом.

Не смогу так жить, зная, что он уйдёт. Это непередаваемо больно отчётливо слышать, как раскладывает всё наше знакомство до определённой даты. И даже меня не особо трогает его прошлое, как то, что никогда не получу от него ответных глубоких чувств.

Мне хочется вернуться и ударить его за это, причинить ему боль, какую испытываю сейчас после его слов. Но ведь он не виноват в том, что я глупая. Позволила себе нежелательные эмоции и чувства, которые так долго прятала в себе. Он вошёл в мою жизнь сочно, а уйдёт холодно и по-английски.

Вздыхаю и смотрю на экран «BlackBerry», где два пропущенных звонка от Амалии, три от отца, один от матери и ещё сообщения.

Папа: «Мишель, где тебя черти носят? Сюю минуту собирайся домой! Живо!»

Гласит последнее сообщение от него, и я хватаюсь за эту спасительную соломинку, чтобы уйти отсюда самой с видимой причиной. Дать себе немного свободного кислорода и подумать, как вести себя с Ником.

Неожиданно меня обнимают сзади, из-за чего вздрагиваю и всхлипываю одновременно. Ник, располагаясь за моей спиной, придвигает меня к себе между раскинутых ног и прижимается к моему виску своими нежными губами.

Господи, да почему мне так скверно и хорошо в одну секунду? Он постоянно путает меня, чередуя свой тотальный контроль с мягкой нежностью, и я безвозвратно теряюсь, срываюсь со скалистого обрыва снова и лечу в пропасть. К нему.

— Крошка, моя Мишель, ты обманщица. Ты готова бежать от меня сейчас, правда же? — Вкрадчиво шепча, он отбрасывает мои волосы назад и оголяет шею.

Молчу, не знаю, что мне ответить. Не могу сказать, что он прав. Полностью прав. Напугана. Растоптана. Люблю его.

— Знаю, можешь не объяснять. Интуитивно чувствую это, только вот... чёрт, Мишель, не уходи, пожалуйста, не уходи. Я должен максимально обезопасить себя так, как знаю. Не имею права на безрассудные чувства. Мы оба прекрасно понимаем, что это лишь острый период опасного эротического возбуждения между нами и не более. Но мне спокойно, когда ты рядом со мной. Ты нужна мне сейчас. И насильно заставляя тебя остаться, тоже не имею права. Хочу слышать твой ответ, — он плавно поворачивает моё лицо к себе, и я упираюсь взглядом в тёплые лучики солнца в шоколадных глазах.

— Я его уже дала, Ник, — отвожу взгляд от его лица, смотря мимо него.

— Тогда почему не верю тебе?

— Потому что ты не веришь никому, даже самому себе. Ты уверяешь себя в своей чудовищной сущности, не давая даже возможности на проявления хоть чего-то человеческого. Это пробивается только тогда, когда случается что-то плохое... со мной или же в те моменты, когда мы кричим друг на друга. Хочу немного, всего чуть-чуть твоей веры в самого себя. Не загоняй меня и себя в отработанные рамки. Твои тесные рамки.

— Знаю, что ты абсолютно другая, Мишель. И мы всё прояснили, это требовалось, теперь можем идти дальше.

— Да, конечно, — вздыхаю я.

— Врёшь, чёрт возьми, ты снова врёшь мне, — он хватает меня за плечи, встряхивая, и круто поворачивает к себе.

— Прекрати, — даже не делаю попыток освободиться, мне отчего-то стало всё равно. В душе поселилась апатия.

— Посмотри на меня. Посмотри в мои глаза, Мишель. Что ты хочешь от меня ещё? Что мне ещё сказать? Я не знаю!

— Обними меня, просто обними, — прошу, он выдыхает и прикрывает глаза на секунду, чтобы затем открыть их и убить меня тёплым взглядом без будущего.

— Ты со мной, и я постараюсь... обещаю, Мишель, постараюсь, — говорит он и в следующий момент крепко обнимает меня, желая задушить в своих руках.

Наслаждаться им и не планировать. Любить его и не слышать ответа. Согреваться в его руках и леденеть с каждым новым днём изнутри. Предавать всех, кроме него. Никого больше нет, и не будет, только он.

— Не убегай, — тихо говорит он, и одновременно мой телефон начинает вибрировать в руке. Я, протискивая его между нами, смотрю на абонента. Папа. Затем перевожу взгляд на Ника, ожидающего от меня ответа, и вновь на входящий.

Одно движение пальцами, и, отключая телефон, отбрасываю его в сторону и возвращаюсь в его руки.

— Я останусь, как и обещала. Сегодня останусь на ночь с тобой, — шепчу, вбирая его уникальный аромат, и поворачиваюсь теперь всем корпусом, чтобы хоть так, телом, передать ему всю свою любовь.

— Ты нужна мне, крошка, нужна, — его нежный поцелуй в волосы, и сердце наполнилось иллюзией.

Разве обычно придаёшь значение времени, отведённому на любовь? Многие даже не знают, как долго судьба позволит вам быть вместе. Есть ли возможные варианты обмануть её, этот злой рок? Или же я снова ловко обманываю себя?

Но знаю... уверяюсь с каждой минутой, что важный вывод, сделанный сегодня, крепче и крепче расцветает внутри меня. Смогу. Вытащу из него того мужчину, который прячется за всеми своими стенами. И тогда... когда он будет передо мной реальным, скажу ему, как глубоко он мне дорог.

Сорок восьмой шаг

— Кто это был? — Интересуется Ник, а вилка с кусочком мяса замирает прямо перед моим ртом.

— В каком смысле? — Натянута улыбаюсь и насильно заставляю себя продолжить ужинать в этой ненавистной тишине, как и последние двадцать минут.

— Тебе кто-то позвонил, ты выключила телефон и теперь молчишь, — он отодвигает тарелку и откидывается на стуле, подхватывая пальцами бокал с вином.

— Отец, — упираюсь гипнотизирующим взглядом в полупустую тарелку и глубоко вздыхаю.

— Мишель, ты же прекрасно понимаешь, что у тебя могут быть... нет, будут большие проблемы с твоим отцом из-за меня? — Его голос настолько серьёзен, что кривлюсь от него, не желая продолжать этот колючий разговор.

А что мне делать? Хочу быть с ним, не могу разорваться, и я выбрала Ника, как главного человека в моей жизни. У меня нет выбора. Никакого выбора, только проигнорировать семейные ценности, отцовский авторитет и поступить так, как сама хочу. Ведь раньше только плыла по холодному течению, и руководили этим потоком мои родители. А сейчас... сегодня я решаю сама за себя. Готова взять ответственность за свои поступки.

— Это мои проблемы, — передёргиваю плечами и, поднимая голову, невидящим взглядом смотрю на огоньки пламени в камине напротив.

— Крошка, — выдыхает Ник, а я сжимаю зубы от глухой досады из-за его нежного тона.

— Мишель, — уже громче зовёт он. Нехотя, поворачиваюсь к нему.

— Ник, какая разница, кто мне звонил, какие будут проблемы у меня? Я сама разберусь с ними, тебя это не касается, — довольно резко произношу, а он крепче сжимает ножку бокала.

— Снова, — усмехается и поднимает голову к потолку. — Снова, чёрт тебя возьми, не касается!

— А что... что ты можешь сделать? Ничего, поэтому прекрати так возмущаться, и давай продолжим ужинать, — прикрываю глаза на секунду, а мой голос звучит пусто и обречённо, потому что сил больше не осталось спорить. — Разберусь.

— Как? Расскажи мне, как? — Властно требуя, он впивается в меня характерно острыми говорящими глазами.

— Скажу, что была у Сары. Это не впервой. Скажу, что батарея разрядилась, или же придумаю что-то ещё, — перечисляю я. Прищуривается, наблюдая за моими нервными действиями, такими как прокручивание бокала пальцами.

— Вы с ней помирились?

— Нет. Но это не помешает мне соврать, — пожимаю плечами.

— Почему? Ты до сих пор ей ничего не простила? Я же говорил тебе...

— Хватит, Ник! И отчего ты так защищаешь её? Почему так стоишь на её стороне? Бесит, — перебиваю его и, отшвыривая от себя салфетку, бросаю её на стол.

— Мишель, тебе не стоит ревновать к Саре. Тебе нужна она, вы знакомы слишком долго, чтобы обходиться друг без друга, — его авторитетный тон с сурового меняется на более ласковый, но это ещё больше выводит меня из себя.

Мне ужасно хочется расплакаться от вопиющей несправедливости. Почему? Почему он

так к ней относится? А я неоднократно получаю от него только дерзкую агрессию, изредка грубую ласку и совершенно не понятное будущее? Что между ними было или же осталось?

Обида. Она, как кислота, разъедает глаза так, что они слезятся. У меня есть возможность спрятать слёзы, лишь отвернувшись от него, а лучше убежать. Только вот не хочу больше бегать.

— Не желаю больше говорить о ней. И мне противно. Да, Ник, знаешь, мне противно постоянно слышать, с какой особой нежностью ты говоришь о ней. Мне неприятно неоднократно сравнивать это отношение к ней и ко мне. За что? Почему со мной ты не можешь быть таким же, как с ней? Почему не смеёшься со мной, не сидишь в ресторане... забудь, — отмахиваюсь от него и подсакиваю со стула.

Во мне бушует адреналин так сильно, что хочется взять, например, вазу и немедленно бросить в него. Или попрыгать. Необходимо деть куда-то эту чрезвычайно неприятную дрожь тела.

— Крошка, какая ты опасная в период ревности, — его глухой смех отдаётся болезненным стуком в висках, что я сжимаю руки в кулаки от неукротимой злости и, резко разворачиваясь, иду в спальню.

Не знаю, что буду делать. Не знаю, как контролировать эти безрассудные чувства внутри. Это неприятно и необычно. Они чужие, не для меня. Любовь не для меня, она выбивает почву из-под ног, невольно заставляет разум отключиться и стать отупевшей белкой, готовой за орешек продать душу. Не могу и люблю.

Останавливаюсь посреди спальни, и вся злость мигом улетучивается. Веду себя, как избалованная принцесса, которой не разрешили съесть кусочек торта. И от этого теперь стыдно. Сажусь на постель и рассматриваю свои кеды... его кеды, которые он купил мне. Кем я стала? В кого быстро превратилась? Разве об этом мечтала?

Моя безнадёжная любовь к нему постепенно разрушает меня по кусочкам, делая совершенно не адекватной. Как люди так живут, да ещё и радуются этим чувствам? В них нет ничего необычайно красивого.

— Успокоилась? — Мягкий сочный голос раздаётся от двери, а я даже не поднимаю голову, чувствуя себя ещё больше идиоткой.

— Это ты виноват, — бубню себе под нос.

— Согласен. Это моя вина, что ты даже понятия не имела о своём бешеном темпераменте до моего появления. Рад был сделать это историческое открытие, — Ник подходит ко мне и садится рядом.

Круто поворачивая к нему голову, вижу лукавую улыбку и смеющиеся глаза, заставляющие меня невольно усмехнуться и вернуться к любованию кедами.

— Итак, вернёмся к разговору. Мишель, меня непосредственно касается всё, что происходит в твоей жизни. Мне кажется, уже раз показал тебе, что может быть за твои слова и заверения. Я несу за тебя ответственность, даже перед твоим отцом. И даже подумать не могу, что тебе достанется от него за твоё решение и мой эгоизм. Поэтому не вижу другого выхода, кроме... — он внезапно замолкает и тяжело вздыхает.

Моё сердце начинает дико биться в навязчивом страхе от досрочного расторжения нашей тайной связи. Резко поворачиваюсь к нему, заметив хмурое лицо и неприятные ощущения, что он словно сейчас принимает особо важное решение только для него.

— Кроме? — Надрывистым шёпотом напоминаю я.

— Кроме как сказать ему правду. Ты со мной, вот и всё. Объясню ему, что не хотел бы,

чтобы это стало достоянием общественности.

Его слова эхом отдаются в груди, и я то открываю рот, то закрываю в глубоком удивлении от этого решения. Господи, пусть это будет та же самая затяжная болезнь, от которой мучаюсь. Пожалуйста, не забирай его. Дай мне безграничные силы сделать его только своим.

— Нет, — мой негромкий и бледный голос проносится, как раскатистый гром в спальне, и Ник приподнимает брови.

— Нет, не надо. Не хочу, чтобы ты открывал наши отношения, пусть останется всё так, как и есть, — добавляю я.

— Что?

— Я не хочу, чтобы отец знал, что ты и я связаны... постелью. Да и, вообще, что между нами хоть что-то есть. Тогда будет ещё хуже.

— Ничего не понимаю. То ты против тайных отношений, то теперь полностью за. Объяснишь? — Нотки в его уникальном тембре мгновенно превращаются в ледяные стрелы, пронзающие меня. Ещё бы, представляю, насколько ему было сложно даже произнести это, и в итоге получить отказ.

— У меня нет слов, чтобы объяснить это, но я тебе благодарна за то, что решил помочь. Не волнуйся, справлюсь, для меня это не ново. Отец поорёт и успокоится, возможно, запретит снова выходить из дома по вечерам, но и в этом случае найду выход, — поясняю приглушённо.

— Ты же знаешь, что у него проблемы? — Жёстко спрашивает он, и я киваю.

— Компания тонет быстро, половина... уже больше работников уволены, — продолжает он, сглатывая от неприятного подтекста этого разговора.

— Есть надежда? — Выдавливаю из себя.

— Нет, сейчас кризисная ситуация с ценой на нефть, компания работает себе в убыток. Максимум месяц, а то и меньше, — спокойно произносит он, а я кривлюсь от новостей.

— Понятно, — слабо говорю и отворачиваюсь от него.

— И ты ничего не попросишь? Никакой помощи, как у Райли? — Едко спрашивает он.

— Нет. Ты бизнесмен, уже просчитал все за и против. И если ты ничего не делаешь, значит, это гиблая компания, — бесцветно отвечаю я.

— Ты же понимаешь, что твой отец останется без работы. Если учесть его возраст, то ему сложно будет найти такое же высокооплачиваемое место в Торонто. Вся роскошная жизнь, которую вела, закончится. Не будет дорогой одежды, украшений...

— Что ты от меня хочешь?! Чтобы умоляла тебя вложить деньги в компанию или же взять на работу моего отца? Зачем говоришь об этом? Я осознаю все последствия, буквально все, и проживу без этой мишуры! Да я буду рада! Ни за что на свете не стану подстилкой ради прибыли и денег, понял?! Теперь тебе ясно, почему я не хочу, чтобы ты раскрывал наши отношения перед отцом? Он получит то, к чему склонял меня. Стану шлюхой, которая спит с тобой из-за того, что ты помог ему. И даже вот эта одежда... всё твоё, я словно для вас кукла, которую вы можете использовать в своих целях. Но я не она, Ник! — Срываюсь на крик, воинственно подскакивая, и смотрю на него. Воздуха не хватает, а лёгкие горят от такого всплеска эмоций.

— Крошка.

Ожидаю ведь снова от него взрыва, но он только мягко улыбается и встаёт, резко притягивая к себе и обнимая.

— Мишель, у меня довольно много денег... хм, очень много денег, скорее всего, ты не представляешь, что все покупки, сделанные для тебя, капля в море. А для тебя, для твоего комфорта мне ничего не жалко. Я знал, что хочет твой отец. Не дурак. Хотел услышать это от тебя, что ты понимаешь всю серьёзность ситуации. И никогда не смей себя обзывать шлюхой, поняла? Ты лакомый кусочек для него. Юна, полная жизненной энергии, приятна и воспитана. Только вот для меня ты другая. Яркая, сильная и пылкая. Я не рассматриваю тебя, как подношение мне за что-то. Но хочу, чтобы ты запомнила... запомнила навсегда. Что бы ни произошло в будущем, если тебе будет сложно, начнутся проблемы, я хотел бы знать, что наступишь на свою гордость и придёшь ко мне за помощью, какая бы она ни была. Всегда помогу тебе, это моя обязанность.

— Ты прощаешься со мной? — Шепчу я.

— Нет, не сейчас. Но когда-нибудь придёт время, мы разойдёмся, и, уверен, что это будет громко. Знаю точно. Ты будешь обижена, зла на меня. Будешь отвергать все мои попытки объяснить, уйдёшь, а я продолжу жить, как и прежде. Но хочу взять с тебя обещание, что ты хотя бы пришлёшь мне сообщение о том, что у тебя проблемы. Хорошо? — Он поднимает мою голову к себе, теряюсь от его слов.

— Почему я буду на тебя обижена и зла, Ник? Что ты захочешь мне объяснить?

— Потому что всё закончится раньше, чем ты себе придумаешь. Это защитная реакция у всех представительниц женского пола. И ты в их числе. Поэтому пообещай мне.

— Не могу. Не хочу обещать того, чего не решусь выполнить. Когда всё закончится, сотру тебя из памяти, как и все твои контакты. Человек уходит навечно из жизни, без возможности вернуться. И я никогда не позволю себе о чём-то просить тебя, потому что я верю в свои силы и в себя, — мне сложно проговаривать уверенно свои слова, но делаю это, несмотря на его печальное лицо.

— Я тоже в тебя верю, крошка. И не собираюсь вкладывать деньги в компанию твоего отца, по причине...

— Нет, даже знать этого не хочу. У нас не деловые отношения, Ник. У нас интимные, лучше говорить о нас, чем о моём отце. А с ним разрулю, не волнуйся, — мотая головой, снова перебиваю, и его губы едва заметно улыбаются.

— Хорошо, но если он позволит себе хотя бы руку на тебя поднять, то пусть пеняет на себя.

— Отец никогда меня не бил, Ник, — заверяю его, и он кивает.

— Чем займёмся? — Спрашивает он.

— Хм, ну я рассчитывала узнать что-то новое, — игриво произношу, дотрагиваясь до его шеи, провожу по ней ногтем.

— И что же ты хочешь узнать нового? — Улыбается он.

— Например, что-то из твоего мира, только без крови, боли и тому подобного. В общем, не знаю, — пожимаю плечами.

— Мишель, ты такой хамелеон. Мне казалось, что ты расплачешься, а уже просишь о сексе. Я не успеваю за тобой, — он поглаживает меня пальцами по пояснице, забираясь под футболку.

— Ты точно такой же, Ник. Этому научилась у тебя. Так что, покажешь мне свои извращения? — Склоняю голову набок.

— С удовольствием, моё тело уже болит от желания к тебе. Разденься и жди меня, скоро вернусь. Надо снять повязку, — он отстраняется от меня.

— Рука болит?

— Нет, пара царапин, но врачи любят преувеличивать, — пожимает он плечами.

— Хорошо, тогда иди, — улыбаясь, разворачиваюсь к постели.

— Мишель, — зовёт меня Ник, и я оборачиваюсь.

— Да?

— Это наши извращения. Твои и мои, потому что ты и я сейчас одно целое. Спасибо тебе за это, — он немного кивает и быстрым шагом выходит из спальни.

Слабая улыбка играет на губах, а в голове до сих пор стоят слова об отце. Знаю, что это не подобает хорошей дочери. Но это не должно касаться меня, а в таких ситуациях чувствую себя лицемерной. Я должна была сказать это. Ведь так чувствую, а денег нам хватит, чтобы прожить и папа... чёрт, он же должен думать о будущем и о семье. Это его обязанность, но никак не моя решать за него проблемы. Не хочу, чтобы Ник думал иначе, чем я ему объяснила. Он необходим мне вот такой: в обычной футболке, босой и непонятный. Любимый.

Сорок седьмой шаг

Не знаю, куда он ушёл и зачем. Дышу поверхностно и быстро, облизывая губы. Ведь терпеливо жду его в одном нижнем белье, ожидая того самого нового, о чём я его просила. Мои мысли лихорадочно бегут в голове, активно перебирая возможные варианты его долгого отсутствия.

Звук мягких шагов, поднимаю голову, когда в спальню входит Ник, раздетый по пояс. В одной руке держит белую верёвку, а в другой чёрную маску для сна и ещё что-то, не могу отчётливо разглядеть. Мои глаза распахиваются шире. Неторопливо подходит ко мне, сглатываю от высокого напряжения внутри.

— Крошка, не бойся, я не сделаю ничего того, что тебе причинило бы моральный вред или же не понравилось, — кладёт эти его девайсы, или как он их обычно называет, на постель рядом со мной. Тяжело смотрю на него, остро ощущая внутри нарастающую безудержную панику.

— Мишель, — подхватывая мой подбородок двумя пальцами, поднимает голову к себе.

— Для чего это?

— Для твоего чувственного наслаждения, только для тебя, — надавливая большим пальцем на мою нижнюю губу, приоткрывает рот и проводит по нижнему ряду зубов, его глаза загораются дьявольским ослепительным светом.

— Ты свяжешь меня? — Шепчу я.

— Да, но лишь руки, сегодня они тебе не понадобятся, — Ник улыбаясь, заверяет, что ничего нет для меня заведомо неприемлемого.

— Хорошо, я доверяю тебе, — слабо киваю, и он, отходит в сторону и берёт в руки то самое, что я не разглядела.

— Протяни ко мне руки, — просит он, чётко выполняю.

— Это мягкие накладки, чтобы завтра у тебя не было синяков на коже, — поясняя, Ник натягивает на мои запястья две полоски ткани, похожие на напульсники, какие используют в спорте.

От высокого напряжения вперемишку со страхом и лихорадочным интересом, не могу совладать с затруднённым дыханием и капельками пота, образовавшимися над губой.

— Теперь сядь на колени в постели и сложи руки за спиной, — его приказной тон с нотками мягкой нежности дают мне дополнительный толчок исполнить всё, как он того требует.

Забираюсь с ногами на постель и сажусь к нему лицом, как и просил, постоянно сглатывая. Во рту становится сухо, прикрываю глаза, когда он обходит кровать и сбрасывает с себя джинсы, располагаясь сзади меня.

— Я это делаю не первый раз, крошка, но с тобой будто бы неопытен, — его горячее дыхание проходит по моему плечу и заканчивается мягким беглым поцелуем на коже, что я вздрагиваю от приятной неожиданности.

— Если ты почувствуешь дискомфорт в плечах или же в суставах, сразу же произноси стоп-слово, развяжу тебя. Не хочу, чтобы тебе было плохо, только твоё безграничное наслаждение. Помнишь, как мы танцевали? — Бархатный ленивый шёпот окутывает меня. Плыву в своих эротических безумных фантазиях, пока он завязывает узлы на моих запястьях, проверяя их на прочность.

— Да, помню, — выдыхаю я.

— Тогда и понял, что в тебе столько особой страсти и сексуальной энергии, которая многим будет только сниться. А теперь она моя, правда, Мишель? Только моя, — его рука проходит по моему позвоночнику. Невольно выгибаясь, запрокидываю голову назад. Через его изящные пальцы передаётся токовый судорожный разряд, заполняющий мой позвоночник и летящий к бёдрам.

— Твоя, Ник, только твоя, — быстро отвечая, облизываю губы и закусываю нижнюю.

— Закрой глаза.

Они и так у меня закрыты. Ник надевает на меня маску и помещает резинку между прядями, затем поднимает их. Чувствую, как он, завязывая их в узел, крепко хватается за волосы и оттягивает голову назад.

— А это ты помнишь? — Хриплый шёпот у пульсирующей вены и мягкое дуновение ветерка.

— Да.

— Что было дальше? — Его рука проходит по плечу и опускается к груди, сжимая её под тканью лифчика.

— Поцелуй... твой поцелуй, — едва могу сказать что-то, как далёкое воспоминание становится реальным, и меня пронизывают иголочки в том месте, где были его губы, плавно сосредотачиваясь в тугом узле между бёдер.

— В моём воображении было продолжение. Хочешь узнать его? — Его влажные губы трутся о мою щёку, и я киваю.

— Вот так хотел тебя.

Ник языком проходится по сгибу шеи, закусывая мочку уха. Мой всхлип, и он отстраняется, резко запрокидывая мою голову назад. Боль такая сладкая, что не хочу соображать, полностью глубоко погружаясь в тягучий водоворот страсти.

Лёгкие укусы и тут же его язык зализывает рану. Новые беглые поцелуи и множество других, восторженно отзываются в мучительном огне между ног. Непроизвольно медленно двигаюсь. Этому мешают верёвки на моих руках. Беспомощная и в его абсолютной власти. Тону в его губах и поцелуях, опускающихся к ключице.

Пальцы грубо обнажают грудь, и сосок замирает между ними. Дрожь в теле, сильнее выгибаюсь, подставляя себя под его язык, проходящий к уху. Всю себя. Его полностью.

— Ник, — закусываю губу, чтобы не закричать.

Плавиться под его умелыми действиями. Грубость зубов на нежной коже и захват волос, поворачивающий мою голову, чтобы открыть ему доступ к другой стороне шеи.

— Чувствуй меня, — шёпот прямо в ухо, и мои пальцы затрагивают его твёрдый член сквозь ткань.

Не могу больше дышать, уже легко постанывая от его хищных и глубоких поцелуев на коже. Моё тело само живёт, двигаясь в каком-то невообразимом танце, массируя бёдрами накалившийся кровью клитор. Моя голова вдруг кружится от совершенно немислимых внутренних ощущений, теряя связь с реальностью.

Пальцами стараюсь как можно мягче поглаживать его член через ткань и слышу чертыханья, слетающие с его губ.

— Тише, Мишель, — шепчет он, сжимая рукой мою грудь и отпуская волосы, что моя голова падает на его плечо.

Не могу видеть его, но чувствую вкрадчивый аромат, который будоражит во мне всё до

палящей лавы.

Что-то холодное проходит по моему плечу, вздрагивая, облизываю губы и одновременно всхлипываю.

— Ты же не против, если я сниму с тебя бельё? — Ник задаёт риторический вопрос, потому что в следующий момент ясно слышу хруст разрываемой ткани, и бретелька бюстгалтера падает.

— Знаешь, чем я это делаю? — Новый сладкий поцелуй в шею, и тело дрожит от садомазохистского возбуждения.

— Нет, — честно отвечаю, потому, что разум совершенно не соображает, скопившись сладостной влагой, впитываемой трусиками.

— Ножом. Он острый, может запросто проткнуть твою кожу, — холодное лезвие проходит по плечу, замираю... должна замереть от чувства страха, но его нет. Абсолютно ничего нет, кроме сокращающихся напряжённых мышц внутри.

— Боишься? — Лезвие подхватывает вторую бретельку.

— Я доверяю тебе, Ник, — шепчу, и новый хруст.

— Спасибо, крошка. Не допущу, чтобы тебе было неправильно больно, — мягкий поцелуй в щёку и лезвие проходит по груди.

Эти скользкие и невидимые нежные прикосновения металла к горячим кожным покровам заставляют меня шумно дышать, пока с губ не срывается приглушённый стон вместе с треском разорвавшейся ткани между полушариями груди. Бюстгалтер падает позади нас, и Ник подхватывает его, скорее всего, отбрасывая в сторону.

Невыразимое острое ощущение, когда тебе остаётся только интуитивно чувствовать и не знать, что будет дальше. Это заводит так дьявольски, что ты становишься попросту сумасшедшей с единственной бессвязной мыслью: *«Хочу его. В себе»*.

— Проверим, насколько ты мокрая, Мишель? — Зазывной полушёпот, и Ник продолжает водить ножом по моему животу, сокращая мышцы и заставляя меня до боли прикусить губу.

Его рука ласкает мою грудь, играя с соском, то царапая его, то нежно поглаживая. Не могу больше. Мне кажется, могу умереть от сильного возбуждения без возможной полной разрядки.

— Пожалуйста, — шепчу, когда его язык с напором проходит по моей шее, а нож, опускаясь к трусикам, забирается под ткань сбоку.

— Что, пожалуйста, Мишель? — Насмешливый голос отдаётся в висках, что они начинают неумолимо пульсировать, разгораясь с каждым мощным толчком быстро бьющегося сердца.

— Трахни меня, Ник, пожалуйста... войди в меня, — всхлипываю, когда нож оттягивает ткань моих трусиков, и она медленно поддаётся ему, освобождая меня, всю истекающую под ними.

— Хорошая крошка, — остриё скользит по животу к другой стороне трусиков и быстро разрывает её, ткань падает между моих разведённых ног.

Тут же слышу звон металла. Ник отстраняется от меня, оставляя связанную и пылающую от заветного желания. Готова сойти с ума. Кричать или хоть как-то двигаться, чтобы снять это напряжение, пульсирующее между ног, но ничего не могу сделать, только покорно ждать, когда он вернётся.

— Мишель, моя Мишель, моя прекрасная крошка, — ласковый шёпот Ника и грубое сжатие волос, заставляющее забыть, как дышать и простонать так обречённо и покорно.

— Я держу тебя, а ты наслаждайся, — лёгкий поцелуй в шею, и Ник надавливает на мою спину, нагибая вперёд.

У меня нет опоры, ничего нет, только ноги раскрываются шире, а он крепко хватается за узел на моих запястьях.

Его рука проходится по одной ягодице, а палец, словно нечаянно, скользит к возбуждённой плоти. Один всхлип. Дрожь в теле. И снова нахожусь балансирующая на грани, готовая упасть в нирвану, но мне не позволяют.

— Мокрая... очень мокрая, — его голос отдаётся в моём нарушенном сознании где-то далеко, потому что уши словно забиты ватой, а я сильнее выгибаю спину, приглашая его.

— Ник... я... придушу тебя, — шиплю, и получаю лёгкий шлепок по ягодице, что вздрагиваю снова, и тепло растекается по венам, невольно заставляя крепче сцепить зубы.

— Как ты хочешь его, — он приставляет ко мне головку своего члена. Улыбаясь, жадно облизываю губы.

Он водит им по моим складкам, замирая у клитора, и я уже бесстыдно стону, двигаясь, и пытаюсь поймать его в себя.

— Сама, — командует он и немного входит в меня. Задыхаюсь от приятных ощущений и этим разрешением, что, не медля ни секунды, подаюсь назад, и он глубоко входит в меня.

— Ник, — вырывается из моего горла удовлетворённый крик, а он делает восьмёрку бёдрами, шумно выдыхая.

Боже, он затрагивает всё во мне, заставляя подаваться вперёд и снова насаживаться на него. Толчок и стон. Толчок до основания и новый удвоенный стон. Он вроде контролирует меня, крепко удерживая за верёвку, но я задаю темп. Быстрый и такой поглощающий, что мотаю головой из стороны в сторону, желая ещё острее. Он полностью во мне, и могу крутиться на нём, ощущая его ответы. Это будоражит куда сильнее.

Жарко. Становится невероятно жарко, по вискам скатывается пот, а его рука ложится на мою ягодицу, отталкивая от себя и грубо притягивая.

Дикие стоны и кипящая кровь от пальчиков ног к клитору током проходит по телу, задерживаясь внутри и снова по кругу, пока мой голос не срывается на крик, а тело беспорядочно не начинает двигаться в его руках.

Чувственные импульсы внутри настолько сладострастно яркие. Он ласкает меня, заставляя стать безумной и сумасшедшей, только выкрикивая его имя. Сходить с ума и забывать, как дышать, взрываться мелкими фейерверками, ожидая самый большой, подбирающийся ударной волной и сжимающий всё внутри.

— Готова, — прерывистый голос Ника, и он убыстряет темп, поднимая с моих глаз повязку.

Глаза открываются. Пропать передо мной. Он отпускает мои руки. Лечу лицом вниз с кровати, одновременно сотрясаясь в сильнейших конвульсиях. Ещё секунда до смерти, жмурюсь так сильно, что глаза болят, и он подхватывает меня, пока тело безжалостно трясёт в оргазме, а с пересохших губ срываются хриплые стоны. Решающий толчок, и он наполняет меня ещё острее, чем ранее.

Мышцы внутри сокращаются чаще, чувствую его член полностью, и новая волна во мне, обрушивающаяся на меня, вырывающая душу из тела. Его рука, обхватывающая меня за талию и его губы, шепчущие моё имя.

Рваное прерывистое дыхание его... моё, и всё затихает, кроме гулко-го шума в голове и ярких точек перед глазами, охватывающими край постели, на которой я стою. Максимум

наслаждения и максимум адреналина приводят меня в полный и безграничный восторг.

Сильнейшая усталость тела, и его затихающие содрогания внутри меня, от которых я могу лишь слабо улыбнуться и откинуть голову на плечо Ника.

— Как же хорошо с тобой, — тихо говорит он, хрипло дыша в мою шею и касаясь кожи кончиком языка. Дрожь... такая приятная срывается с губ тихим вздохом. Закрываю глаза, наслаждаясь этой тишиной и его телом, прижатым к моей спине, пока он развязывает верёвки и медленно выходит из меня.

Нет сил двинуть руками, и падаю назад. Ник бережно подхватывает меня и как куклу укладывает на постель. Губы искусаны в кровь, прохожусь по ним кончиком языка, ощущая металлический солоноватый привкус.

— Понравилось? — Тихо спрашивает Ник, пальцами убирая прилипшие пряди волос с лица.

— Очень, — одними губами говорю и, медленно раскрывая глаза, вижу его, улыбающегося лежащего рядом на боку.

Никаких препятствий, поворачиваюсь к нему, утыкаясь носом в его грудь. Он ложится, подкладывая мне под шею руку.

Поцелуй в волосы, и я, улыбаясь ему, провожу рукой по его груди, и останавливаюсь на влажной спине. Ни единого слова. Тишина. Но такая комфортная. Слышу быстрый стук его сердца и теснее прижимаюсь к нему. Ник второй рукой обнимает меня, глубоко вздыхая. Не знаю, сколько мы так лежим, но времени не ощущается больше. Каждый в своих мыслях, коих у меня даже нет. Только он. Мой любимый садист.

— Ничего не болит? — Спрашивает он. Открывая глаза, поднимаю голову к его лицу, которое так близко.

— Не знаю, даже не чувствую тела, — признаюсь, улыбаясь ему благодарственно и... чёрт, влюблённо.

— Ванна?

— С тобой?

— Со мной.

— Согласна.

Ник отстраняется от меня, вставая с постели, и я наблюдаю, как от меня удаляются вкусные ягодички. И снова это желание укусь его. Больная извращенка. Но только улыбаюсь своим мыслям, ожидая приглашения и закрывая глаза. Незвестная мне музыка в голове, и я растворяюсь в ней.

— Мишель, — Ник кладёт на моё плечо руку, и я нехотя открываю один глаз.

— Понесу тебя, — он подхватывает меня на руки, обнимаю его шею, просто наслаждаясь его близостью и заботой.

Он опускает меня в тёплую воду, и сейчас я чувствую, как тянет каждую мышцу ног, спины, рук и кривлюсь.

— Затекло, — констатирует факт Ник, садясь позади меня.

— Наверное, но тогда ничего не чувствовала, только желание, чтобы ты трахнул меня, — усмехаясь, двигаю болезненно шеей.

Нет ни повязки, ни резинки. А я даже не помню, когда он снял с меня это. Да и плевать.

— Сейчас сделаю тебе массаж, — он легко нажимает на мою спину, заставляя сесть ровнее.

Ник тянется к гелю для душа и выдавливает себе на руку ароматную субстанцию. Его

ласковые и в то же время сильные движения на плечах, и я выдыхаю от приятного покалывания внизу живота.

— Только массаж, крошка, — тихо смеётся он.

Он продолжает разминать мои плечи, проводя ладонями до кистей рук и массируя запястья, под которыми уже всю разгоняется кровь для нового желания ощутить на себе мощь его возбуждения.

— Лучше? — Его шёпот рядом с ухом.

— Да, — на выдохе произношу, и Ник перестаёт массировать моё тело, опуская ладонь на талию и укладывая на себя.

Ногтями прохожусь по его бёдрам и рисую замысловатые узоры на его коже, ощущая, как это отдалось движением его члена, упирающегося в мой копчик.

— Не возбуждай меня, крошка, — он находит мою ладонь и убирает с себя, переплетая пальцы, и опускает наши руки на мой живот.

— А то что? — Хитро спрашиваю, поворачиваясь к нему.

— А то точно ходить не сможешь, — улыбается он. Но всё же свободной рукой успеваю провести по его другому бедру, хватая мою ладонь, проделывая то же самое, что и с первой, и теперь обнимаю себя двумя парами рук.

— Мишель, — он улыбается, а я влюбляюсь ещё сильнее в его тёплые кофейные глаза с чистым золотом внутри.

— Наверное, здесь здорово встречать рассвет? — Поворачиваюсь к окну с видом на город.

— Не знаю, никогда этого не делал, — отвечает он.

— Только представь: тёплая вода, пузырьки вокруг, а за окном занимается алый рассвет, а под тобой, таким расслабленным, просыпаются люди, спешащие на работу, кто-то от любовника, а кто-то целуется, не желая расставаться. Это же так невероятно, — с энтузиазмом говорю, поворачиваясь к нему.

Наши глаза встречаются, задерживаю дыхание от интереса в его затаенном взгляде. Неважно. Пусть думает всё, что хочет, только улыбаюсь ему.

— Мишель, — его рука отрывается от моей и ложится мокрым мазком на мою полыхающую щеку, непонятно отчего.

— Ник, — шепча, закрываю глаза, и сама ласкаю свою кожу его ладонью, словно кошка.

— Не открывай, — быстрый шёпот, и я едва заметно киваю, пока сердце внутри меня громко отдаётся в ушах.

Его учащённое дыхание на моих губах, приоткрываю их, не веря своему счастью. Неужели?

Невесомое прикосновение огня к верхней губе и следом чувствую поцелуй на кончике носа, затем на одном веке, следом на втором. Готова расплакаться от счастья, от этого шага ко мне навстречу. Люблю его безвозвратно. Изошрённо. Необходимо и болезненно.

Он одним движением укладывает мою голову на его плечо и кладёт свою на мою макушку, зарываясь пальцами в мои мокрые пряди. Его пальцы крепче сжимают мои, покоящиеся под водой на животе, а я задыхаюсь от этих секунд. Только бы не умереть от него. Только бы не отпускал.

Мы молчим. Разве нужны слова в такие долгожданные моменты? Нет. Никакие слова не заменят чувственности этих минут.

— Мы встретим рассвет, крошка. Ты и я с бутылкой шампанского. Это будет твоя

приторная нежность, которая раздражает меня, — тихо говорит он, прикусывая губу, чтобы не рассмеяться.

— Тебе придётся терпеть мою приторность, Ник. Потом можешь снова связать меня, как сегодня. Мне понравилось, — говорю я, и он поднимает голову, сжимая мои волосы, запрокидывает лицо к себе.

— Ты извращенка, Мишель. Даже не отрицай, — улыбается он.

— Даже не буду. С тобой мне это нравится, — подтверждаю свои слова слабым кивком.

— Спасибо за доверие, — серьёзно произносит он.

Снова красноречивое молчание, и его глаза, наполняющие меня искрящимся светом.

— В постель?

— С удовольствием, — отвечаю, и он убирает с меня руки.

Немного отодвигаюсь, пока Ник встаёт, а я впитываю в себя его длинные мускулистые ноги, даже его полуэрегированный член выглядит прекрасно.

— Хватит, Мишель, я действительно сейчас стану чудовищем, — он понимает, куда направлен мой взгляд, и тут же оборачивает бёдра полотенцем.

— Может быть, я смотрела на твои колени, Ник, — смеюсь, облакачиваюсь руками о ванну и поднимаюсь на дрожащие ноги.

— Интересная мысль трахнуть тебя коленями, — он подхватывает меня за талию и, вытаскивая из ванны, быстрым движением закутывает меня в полотенце.

Чувствую, что сейчас упаду от напряжения в ногах и хватаюсь за его плечи. Ник качает головой и смеётся своим мыслям, снова подхватывая меня на руки. Может быть, мне стоит почаще быть слабой? Тогда он будет постоянно носить меня так. Ник одной рукой откидывает покрывало вместе с одеялом и опускает меня на постель, хватаясь рукой за полотенце, которое легко падает с меня.

— Мне хочется чувствовать всё твоё тело рядом, крошка, — поясняет он свои действия.

— Я не против.

Ник собирает покрывало и бросает его на пол, оставляя неярко, уже привычный полумрак. Он забирается ко мне в постель и ложится на спину, ожидая меня на его груди.

Не могу высказать, насколько мне хорошо сейчас и, немедля более, удобно устраиваюсь на его руке, закидывая ногу между его бёдер. Он укрывает нас одеялом и дарит мне новый поцелуй в лоб, обнимая руками, и я моментально проваливаюсь в сон, полный сладостных переживаний.

— Я рад, что ты со мной. Осталась и решила, — последние приглушённые слова, которые расслышала, прежде чем полностью уплыть.

Сорок шестой шаг

— Мишель, — сладостный хриловатый бархатный голос медленно выводит меня из безмятежного сна.

Лёгкое прикосновение губ к плечу и многочисленные мурашки полетели по спине, щекоча поясницу. Пребывая в полудрёме, упиваясь, возможно, сном, всё ещё не отпустившим меня. Мягкие и горячие, нежные губы скользнули по шее, а язык обвёл вену.

Приглушённый глубокий вздох сорвался с моих губ, сильная ладонь накрыла грудь, и пальцы начали теревить возбуждённый сосок.

Когда я успела так завестись? Когда мне стало настолько жарко? Как долго пребываю в этой неге?

Ощувив между бёдер что-то крепкое и приятное, инстинктивно подаюсь назад, и стон срывается с губ. Не моих. Внизу живота резко теплеет, делаю ещё одно движение, скользя, как догадалась уже, по готовому к работе члену. Шикарному члену. Его.

— Боже, Мишель, продолжай, — шёпот прямо у горла и зубы цепляют кожу.

Медленные и чувственные движения вперёд и назад, массирующие меня даже не проникая, и кладу ладонь на руку Ника, сжимая свою грудь.

— Быстрее, — он хватается зубами за мочку уха и начинает её посасывать, срывая полностью остатки моего сна.

Моя рука движется по животу и опускается к головке мокрого от моих соков мужского органа. Ник дёргается от этого движения и утыкается в мои волосы, шумно дыша.

Неудобно. Невозможно двигаться так дальше, слыша громкое дыхание Ника на затылке, и немного подаюсь вперёд, чтобы пальцами подтолкнуть его в себя.

— Боже, — выдыхая, ощущая, как медленно поглощаю его сантиметр за сантиметром.

Язык Ника продолжает ласкать мою шею, а рука щипает сосок, я резко и до упора насаживаюсь на него, издавая стон.

— Помочь? — Ник хватается за мои волосы, и пальцами, играя по моей талии, обнимает за неё.

— Да, — выдыхаю от болезненного рывка волос к нему. Но это снова пускает колющие импульсы по телу.

Больше не соображать, а только двигаться, подстраиваясь под быстрый темп, который задаёт Ник, крепко удерживая меня за бедро. Тело подобно волнам изгибается. Прилив и отлив. Снова горячий прилив и отлив, опустошающий меня.

Хриплые стоны его сливаются с моими сумасшедшими. Его пальцы глубже зарываются в волосы, и голова запрокидывается назад, обнажая шею, которую тут же покрывают губы влажными и дикими поцелуями.

Мокро и скользко. Приятно. Словно танец на двоих. Он двигается во мне так красиво чувственно с привкусом жёсткости, на что моё тело безмерно отвечает, делая движения резче, садясь на него до основания и полностью освобождаясь от его члена.

И снова. Вперёд. Назад. Стоны. Шлепок и огонь в венах. Струны натянулись до предела во всём теле. Голова мечется по подушке, металась бы, если бы меня за волосы крепко не удерживала рука, а другая, не давая дышать, сжимала грудь, то лаская её, то грубо вытягивая сосок.

Знакомая тяжесть начала подниматься от кончиков пальцев, сосредотачиваясь во всех

внутренних точках. Слышать его хриплое дыхание и своё, найти его руку и вместе наслаждаться друг другом.

— Мишель, — моё имя вырывается из его горла подобно рыку зверя, обладающего жертвой, и пальцы сильнее впиваются в нежную кожу бедра, чтобы начать рваные движения.

Чувствую, как моя смазка хлюпает с каждым толчком и это отзывается во всём теле сильнейшей дрожью. Мне нравится чувствовать себя так открыто и свободно. Естественно, рядом с ним.

— Ник, быстрее... давай, — молю, слыша приятные и огненные покалывания внутри меня.

— Так? — Он трахает меня, как и прошу. Без чувств, словно животное, наслаждаюсь этим.

— Да... да... так... Ник, — каждый стон сопровождается рывками к нему и от него, заполняющего меня до основания.

Мои трясущиеся пальцы находят его шею, и я хватаюсь за неё, выгибаясь сильнее, ощущая каждую тянущую мышцу в теле. А внутри... чёрт, внутри даже вижу, как он трахает меня, как его прекрасный и идеальный член поглощается мной, заглатывается и выходит, блестящий и мокрый.

От бессвязных фантазий. От его дыхания и поцелуев, куда придётся: то в волосы, то в ухо, то в щёку, — больше не могу контролировать себя, выкрикивая слова... какие-то слова благодарности и, сотрясаясь в конвульсиях, которые то напрягают тело, то освобождают его.

Мало. Мне мало этого и я ещё резче двигаюсь к нему навстречу, дабы получить порцию потрясного взрыва.

Ещё не отойдя от первого оргазма, ощущаю новые волны приятного колебания внутри. Судорожно сжимаюсь, обхватывая его быстродвигающийся член в сильнейшие сладостные тиски. И словно он этого ждал, потому что в следующий момент мы оба издаём гортанный стон, и мои ногти впиваются в его шею.

Тело дрожит, вторя мужскому. Дыхания не найти. Открыть бы глаза, да сил нет, только покачиваюсь в нежном танце с Ником, немного ослабевая хватку и безвольно опуская руку.

— С добрым утром, крошка, — бархатистый шёпот опалает ухо и задерживается долгим поцелуем на шее.

— Прекрасное утро, вот бы так всегда, — блаженно выдыхаю, а рука Ника обнимает меня за талию.

Мне нравится чувствовать его внутри себя, словно я теперь полноценная. Вот так вместе наслаждаться этим днём и не думать ни о чём.

— Твоё желание — закон для меня, крошка, — тихий смех Ника раздаётся в мой затылок, и он лениво выходит из меня, а я разочарованно вздыхаю и поворачиваюсь в его руках, чтобы открыть глаза и встретиться с глубокими чёрными бриллиантами зрачков. Вот так встретить этот мир в новом дне. И это непередаваемо прекрасно.

— Который час? — Зевая, спрашиваю я.

— Семь, — незамедлительно отвечает он.

— Не хочу никуда, лучше вот так лежать. Может быть, получу ещё порцию неожиданного счастья, — улыбаясь, словно ненасытившаяся кошка, провожу пальцем по его подбородку и быстро целую в него.

— Выберем день и проведём его в постели, не одеваясь, — обещает он, и чувствую себя настолько окрылённой, что теснее прижимаюсь к нему и оставляю поцелуй на его груди.

— А сейчас в душ, — Ник отстраняется от меня, сажусь на постели, прикрывая одеялом грудь.

— Я могу с тобой? — Спрашиваю, и он оборачивается, бросая взгляд на мою руку, придерживающую одеяло.

— Мишель, ты только что кончила, я трахал тебя вчера, сегодня, завтра... а всё ещё стесняешься, — журит он меня и, применяя силу, тянет на себя одеяло, которое вырывается из моих рук. Остаюсь сидящей на постели совершенно обнажённой и с капельками спермы между ног, которые успеваю увидеть, перед тем как охнуть от неожиданности.

— Ник! — Возмущаясь, пытаюсь прикрыться руками.

— Разрешу принять со мной душ, если прекратишь это делать. Мне нравится твоё тело, оно прекрасно, крошка. И у меня на этот счёт есть одна очень пикантная фантазия. Так что решай, — он беззастенчиво встаёт и отбрасывает одеяло на пол.

— Первобытный человек ты, и наглый, а ещё безумно сексуальный, — томно шепчу и, убирая руки, поворачиваюсь к нему, красноречиво останавливаясь взглядом на спокойном члене.

— Извращенка, — смеётся он, но продолжает так стоять и даже упёрся руками в бока, ожидая моего решения.

— Ты хороший учитель, Ник, — подползаю к краю постели и, спуская ноги с неё, встаю рядом.

— Ты прилежная ученица, Мишель, и безумно жаждущая принять со мной душ, — он неожиданно притягивает меня к себе за талию, обнимая, кладу руки на его плечи, счастливо улыбаясь.

— Всё для вас, мистер Холд, — шепчу, а он закатывает глаза, и одним движением подхватывает меня за талию, взваливая на плечо.

— Ник! — От неожиданности ударяю его по голой ягодице, и он вторит мне, шлёпая меня следом.

— Молчать, крошка, — новый удар, и, уже смеясь, висну на его плече вниз головой. Не могу ничего с собой поделаться, как мои пальцы тянуться к его ягодице, он получает щипок от меня и мой довольный возглас.

— Да ты равнодушна к моей заднице, Мишель, — новый шлепок по оголённой ягодице... моей, дёргаюсь, кривясь, но тепло уже катится медленными покалываниями к бёдрам.

— Ты преувеличиваешь, — качаю головой, когда он ставит меня в прозрачной кабинке душа.

— Ни капли. Я это заметил, давно заметил. Маленькая и хитрая лгунья, — он щёлкает меня по носу, показывая ему язык.

Включает воду, настраивая прохладные струи, и закрывает дверцу, хватая меня за руку и ставя прямо под напор, что я жмурюсь и одновременно смеюсь, выплёвывая воду.

— Я помою тебя, — шепчет он, немного отдаляясь, берёт губку для душа, выдавливая на неё гель.

— Откуда у тебя женский аромат? — Удивляюсь, читая надпись на бутылочке. — Да ещё и мой любимый?

— Всё предельно просто, — хитро произносит он и его рука ложится на моё плечо, покрывая знакомым ароматом и пеной.

Таю... уже растаяла в таком Нике. Вчера было много эмоций, которые заставляли меня

постоянно бояться его следующего шага. А сейчас, смотря, как он нежно, омывая меня, проходится по каждой частичке тела. Не могу поверить, что этот мужчина может быть холодным и грубым. Садист. Не верю, не могу даже этого представить.

Ведь вот он опускается передо мной на колени и несильно нажимает на ноги, приказывая их раздвинуть, и я, подчиняясь, с интересом смотрю на него. Его рука проходит по моей промежности, я закусываю губу от приятных чувств внутри. Он ласков и в то же время требователен, впитываю в себя эти минуты. Пока он не поднимается и с улыбкой смотрит на меня, прислонившуюся к прохладной стенке кабинки душа.

— Моя очередь, — говорю, перехватывая из его рук губку и смывая с неё пену, чтобы через несколько мгновений выдавить на неё его аромат и повернуться к нему, сжимая в руках губку и заставляя её вспениться.

Ник разводит руки и низким приглушённым шёпотом произносит:

— Весь твой, Мишель.

— У вас сегодня хорошее настроение, мистер Холд. Интересно почему? — Делаю шаг к нему и получаю по ягоднице, отчего невольно вскрикиваю и толкаю этого смеющегося засранца в плечо.

— Больно же, — надо бы возмутиться, но мурчу ему прямо в ухо, привставая на цыпочки и цепляя зубами его мочку.

— Так тебе и надо, не будешь дразниться, — его руки скользят по спине и сжимают мои ягодницы, теснее приближая меня к себе.

— А я буду это делать, мне нравится, — отклоняюсь от него, и он, качая головой, выпускает меня из своих рук.

Полностью увлекаюсь своим занятием, проходя губкой по его сильным плечам, груди, когда он поворачивается то по спине, опускаясь к пояснице и уже вставая на колени перед его невероятной выпуклостью. Шумный вдох срывается с моих губ, когда провожу ладонью по аппетитной ягоднице.

Ну что я могу с собой поделаться? Против сильного желания не пойти. Мои зубы впиваются в кожу, а Ник... взвизгивает?

— Мишель! С ума сошла? — Он поворачивается ко мне. Смеюсь, гляжу на него снизу вверх.

И это очень весёлое зрелище, полностью голый Ник с членом перед моим лицом и возмущением на своём.

— Прости, — не могу остановиться и хохочу, как сумасшедшая.

— Я так и знал. Хватит трогать мою задницу, Мишель. Она неприкосновенна, — его плечи подрагивают, но он пытается сказать это строго, из-за чего заваливаюсь на ягодницы и прячу лицо в ладонях.

Да, я сделала это и облизываю губы от удовольствия. Какой он сладкий, везде сладкий. Мой любимейший десерт. Поднимаю голову, всё ещё хихикая, и возвращаюсь обратно на колени, приступая к самой важной частичке... да что уж там, части тела Ника.

— Только здесь не кусайся, — предупреждает он меня, снова заливаюсь смехом, бережно обмывая его член, лаская руками и наслаждаясь этой тяжестью между ног.

— Мишель, ты опоздаешь, если продолжишь в том же духе, — говорит Ник, когда настолько увлекаюсь, что даже не замечаю, как его орган уже проснулся к новому приключению, окреп и увеличился.

— Да и ладно, — бормоча, чувствую, как мои глаза загораются, отбрасывая губку, беру в

ладонь его член и только подношу ко рту, как Ник хватает меня за плечи и резко поднимает на ноги.

— Крошка, кто ещё из нас чудовище, — качает он головой и выключает воду, обиженно выпячивая губу.

— Позже, — он быстро целует меня в нос и открывает душевую кабинку, подхватывая полотенце, и обматывая бёдра, а затем предлагает мне руку и подаёт другое полотенце.

Мы молча вытираемся и это новое... совершенно новое чувство во мне отдаётся безудержным и умиротворённым теплом внутри сердца.

— Кстати, я купил тебе зубную щётку. Розовую, — говорит он, подходя к одной из раковин, и указывая на вторую, где лежит новая упаковка с гаджетом.

— Неужели, сам? — Усмехаюсь, а он бросает на меня взгляд, говорящий, что я его уже достала своими комментариями.

— Неужели, да, — он подходит к коробочке и вскрывает её, устанавливая для меня личное место. — В тумбочке фен, расчёски и тому подобное.

Смотрю в отражение зеркала, пока мы чистим зубы, словно семейная пара. И теряюсь в собственных мыслях. Каким он будет мужем? Уверена, что за своё он порвёт, а по утрам вот так видеть его хитрый взгляд и любить глубже, на миллион шагов в пустоту.

Никогда не смогу налюбоваться на него... вот такого расслабленного, улыбающегося и на удивление домашнего. Почему он?

Закрываю кран и вытираю лицо полотенцем.

— Мне самому выбрать для тебя одежду? — Спрашивает Ник, открывая дверь в гардеробную.

— А моя? — Интересуюсь, иду следом за ним.

— Твоя, в общем, я её выбросил. Там вряд ли отстираются пятна крови, земли и грязи. Помню, Мишель, о твоих словах. Ты для меня не кукла, а живой человек, но мне приятно так заботиться о тебе, раз другого не позволяешь, — серьёзно говорит он, и я киваю.

— Выбери сам, — произношу, облокачиваясь спиной о косяк двери.

Он с готовностью приступает к делу, доставая белое нижнее бельё, затем синие джинсы и рубашку светло-розового цвета в тонкую голубую полоску. За ними идут носки и синие ботинки. Далее, белый чехол, как я догадалась, с верхней одеждой, и он оборачивается ко мне, а в его глазах пляшут чертёта.

— Я помню твоё замечание по поводу аксессуаров, поэтому и это теперь есть, — гордо произносит он. Только улыбаясь, наблюдаю, как он отодвигает нижний ящик и достаёт оранжевую коробку с известным брендом.

— Господи, Ник. Я ведь специально тогда сказала, потому что была обижена, — шокировано шепчу, подходя к нему.

— В следующий раз будешь думать прежде, чем говорить, — пожимает он плечами и, открывая коробку, достаёт сумочку в чехле.

— Я не могу взять её, — качая головой, смотрю на новенькую «Hermes Kelly» нежно-розового цвета.

— Вернёшь, сдаю в аренду, если тебе так проще, — он вкладывает сумочку в мои руки, а я просто сажусь на диванчик, отставляя её от себя.

— И много ты их купил? — Интересуюсь, беру трусики и надеваю.

— Достаточно, — он издаёт смешок и теперь выбирает для себя одежду.

Сбрасываю полотенце и тянусь к бюстгалтеру, пока он натягивает на себя чёрные

боксеры и поднимает голову, когда пытаюсь застегнуть нижнее бельё.

— Давай помогу, — предлагает он. Кивая, поворачиваюсь к нему спиной.

Он ловко справляется с застёжкой, и неожиданно проводит пальцем по моему позвоночнику, посылая приятные импульсы по всему телу. Его рука находит мою, он резко поворачивает меня к себе, что мне приходится ухватиться за его плечи, дабы не упасть.

— Что ты делаешь? — Удивлённо произношу я, когда он обнимает меня за талию, а другой рукой продолжает держать мою, прижимая её в своей груди.

— Танцую, — спокойно объясняя, он начинает двигаться.

— Ник, — смеясь, вторю ему.

Мы так и переминаемся с ноги на ногу. Без музыки. В тишине. Глаза в глаза. Падаю в его темноту. Приятно. Он поворачивает меня вокруг моей оси, смеясь, откидываю голову назад.

— Что с тобой? — Спрашиваю я.

— Ничего просто решил потанцевать. Не нравится? — Улыбается он.

— Нравится. Только вот как-то странно, — делюсь впечатлениями.

— Да я, вообще, странный парень. Неужели, до сих пор не поняла? — Он придвигается ближе ко мне и целует меня в кончик носа.

— Нет, до сих пор привыкаю к твоим странностям, — шепчу, продолжая танцевать вместе с ним.

— Тебя отвезёт Майкл, — говорит он, прекращая наше единение, и отпускает меня.

Снова эта складка между бровей.

«Нет. Пожалуйста, не вспоминай, кто ты есть. Не сейчас. Не включай ненавистную мне опцию».

Поздно. Его лицо меняется, не остаётся ни следа от бывшего веселья, пока он надевает джинсы.

— Хорошо, — тихо отвечая, отворачиваюсь от него, и сама одеваюсь.

— Сколько у тебя пар?

— Четыре, но мне надо заехать домой. Пусть он отвезёт меня туда, вот и всё, — пожимая плечами, застёгиваю джинсы.

— Пообедаем вместе?

Удивлённо поднимаю голову, даже прекращая теревить пуговицы на рубашке.

— Эм... да, с удовольствием, — киваю ему.

— Хорошо, я тебе напишу. А сейчас собирайся, и пойдём завтракать, голоден как волк, — он дарит мне фальшивую улыбку и выходит из гардеробной, оставляя меня в его аромате и собственном одиноком мире.

Почему он так боится того, что может быть нежным? Почему опасается этих чувств? Не могу ему позволить вернуться в его темноту, придётся попытаться затянуть в свою. Только как? Как это сделать, если он противится? Делает ко мне шаг и назад сразу несколько.

Медленно. Буду учить его медленно любить меня. Может быть, мне и удастся, ведь столько уже сделано навстречу друг к другу, столько сказано слов и отпустить это невозможно.

Горько усмехаюсь собственным мыслям и бросаю взгляд на сумочку. Да и ладно, аренда так аренда. Уступка за уступку, ведь он сам предложил встретиться после.

Подхватываю сумку и достаю из чехла синее пальто, вешаю его на локоть и выхожу из комнаты, направляясь в гостиную.

— Доброе утро, мисс Пейн. Кофе, как обычно? — Спрашивает меня Лесли, когда я

кладу вещи на диван, а Ник уже завтракает.

— Доброе утро. Да, спасибо, — кивая, подхожу к столу и сажусь на стул.

— Приятного аппетита, — обращаюсь к Нику, который медленно разрезает омлет и жуёт.

— Благодарю, крошка, взаимно, — кивает он.

Лесли приносит мне мою порцию и кофе, и я тоже принимаюсь за еду. Мы завтракаем молча, пока домработница уходит в сторону спальни, чтобы убрать за нами.

— Мне нравится твоё лицо без косметики, — неожиданно говорит он, давлюсь порцией омлета с грибами.

— Спасибо, — прочистив горло, отвечаю и поворачиваюсь к нему.

— Скажи, почему ты так удивляешься каждому моему комплименту? — Интересуется он.

— Не знаю. Может быть, потому, что не жду этого. Ты мне кажешься холодным и неприступным, а иногда... как сегодня... как будто мир перевернулся вверх тормашками. Ты другой, — объясняя, откладываю вилку и беру в руки чашку с кофе.

— Мишель, я же говорил, что обычный, только в интимной жизни у меня есть свои предпочтения. Делаю комплименты, помню твой укор вчера по поводу свиданий, поэтому решил, что придётся тебе испытать на себе моё хвалёное обаяние, — улыбается он, замираю от его слов.

— Ты это делаешь ради меня? — Уточняю.

— А ради кого ещё? Ну, возможно, ради твоих сочных стонов, или же яркого желания откусить мой член, — он уже смеётся, начинаю улыбаться.

— Это называется минетом. Неужели, не слышал о таком? — Поддеваю игриво его, отставляя чашку.

— Никогда. Ни разу в жизни даже не мог подумать, что каннибализм теперь зовётся этим словом. Вы открыли для меня новый мир, мисс Пейн.

— Тогда придётся вам, мистер Холд, испытать на себе мою животную тягу к познаниям, — уже смеюсь.

— Это будет занимательный урок, мисс Пейн. Но мы вернёмся к этой увлекательнейшей теме позже, а сейчас вас уже ожидает машина, чтобы отвезти вгрызаться в гранит науки, — он подмигивает мне и встаёт, предлагая руку.

Хватаюсь за неё, и Ник помогает мне подняться, затем так же крепко удерживая меня, он ведёт меня к лифту, предлагая одежду.

— Все твои вещи уже в машине Майкла, он ожидает при входе. Хорошего дня, Мишель, — официально произносит он, но при этом улыбается.

— Спасибо. И тебе хорошего дня, Ник. До встречи, — целую его в щёку и вижу, как он на секунду прикрыл глаза, чтобы открыть их и подарить мне тёплый взгляд.

Дверцы лифта раскрываются, и я, отстраняясь от него, продолжаю улыбаться.

— Думайте обо мне, мисс Пейн, как я буду думать о вас, — он немного кивает. Смеясь, нажимаю на кнопку нижнего этажа.

— Задница у вас отличная, мистер Холд, вот об этом и буду думать, — говорю перед тем, как дверцы закрываются, и слышу его смех.

Прислоняюсь спиной к стене и провожу рукой по волосам, всё ещё пребывая в этой ауре, которую он сотворил для меня. Обожаю шоколад.

Выхожу из здания, и меня встречает улыбающийся Майкл.

— Доброе утро, мисс Пейн, — кивает мне.

— Доброе. Вы можете отвезти меня домой? — Спрашивая, иду рядом с ним к машине.

— Но мне даны указания...

— Мы уже это обсудили с Ником. Вы оставите меня дома, а там я возьму свою машину, — пожимаю плечами.

— Хорошо, как прикажете, — произносит он и открывает передо мной дверцу.

Забираюсь внутрь, и сейчас мой разум постепенно возвращается, остывая и вспоминая о том, что вчера я сбросила вызов отца, и отключила телефон. И теперь он будет рвать и метать.

Страшно? Ну, немного, да. Но разве не справлюсь? Совру. Хотя, скорее всего, он уже на работе, мама, как обычно, где-нибудь с подругами.

Такие мысли крутятся в моей голове, пока Майкл везёт меня домой. Не желаю возвращаться, жадно хочу поглощать Ника каждую минуту... секунду, чтобы не упустить тот момент, когда придётся уйти первой.

— Ваши вещи, — машина останавливается перед моим домом, и Майкл передаёт мне две сумки.

— Спасибо, — распределяю в руках вещи.

— Может быть, помочь вам?

— Нет, всё хорошо. Пока, — разворачиваюсь и быстрым шагом иду в сторону центрального входа.

Так ничего и не придумала в случае встречи с отцом, да и телефон не включала, а надо бы. Ведь Ник должен мне написать. Ради него... я ловлю себя на мысли, что теперь даже дышу ради него.

Глубоко вздохнув, достаю ключи и пытаюсь тихо щёлкать замком, пока дверь не открывается. Просовываю голову и прислушиваюсь. Тихо. Это хорошо. Уже свободней вхожу домой и только закрываю дверь, как слышу шаги и кривлюсь, ожидая крика отца или же матери.

— Мишель! Где ты была? Твой отец просто с ума сошёл вчера. Они ходили к Ллойдам, — раздаётся обеспокоенный голос Лидии, и я оборачиваюсь.

— Ты меня не видела. Я призрак, меня тут не было и притворись слепой, да ещё и глухой, — приказывая, проношусь мимо остолбеневшей домработницы.

Перепрыгивая через ступеньки, поднимаюсь к себе. Влетев в спальню, бросаю сумки и начинаю второпях собирать конспекты и всё необходимое для учебного дня. Затем подхватываю ключи от машины и документы и уже лечу вниз.

— Не видела, — кричу всё там же стоящей Лидии, захлопывая за собой дверь.

Мне смешно сейчас, позволяю себе расхохотаться в лифте, словно нашкодивший ребёнок. Давно не ощущала этого. Запретное чувство, как и всё, что испытываю сейчас. Так почему нет? Раз уже нарушила все правила свои и родительские, зачем разворачиваться и возвращаться к амебной жизни? Ни за что. У меня есть Ник, если я попрошу, он поможет мне. Ведь вчера предлагал. Да, всё так и есть.

Забираюсь в машину и резко срываюсь с места, ведь уже опаздываю. Да важно ли это?

Нет. Ничего не важно, когда сердце поёт и на губах играет глупая улыбка, а мысли возвращаются к одному-единственному мужчине, который ради меня пытается не быть монстром. Бросаю «Ауди» на стоянке и бегу к университету. Пары уже идут, и я тихо пробираюсь в аудиторию, это не остаётся не замеченным ни преподавателем, ни однокурсниками. Опустив голову, бормочу слова извинения и поднимаюсь на две ступеньки, садясь с краю.

Достав тетрадь и телефон, даже не вникаю в бизнес-планирование, а решаюсь включить «BlackBerry».

Папа: *«Мишель Пейн, вечером предстоит серьёзный разговор. Только попробуй не появиться к семи часам!»*

И вот оно гневное сообщение от отца, на которое цокаю. Переживу.

Следующие от Сары и Ами с вопросами, где я.

Удалить.

И новое.

Мои губы растягиваются в улыбке, и я щёлкаю на абонента.

Ник: *«У тебя всё хорошо?»*

«Да, сижу на скучнейшей паре», — отвечаю ему.

Мигом приходит конвертик, и готова попрыгать от радости, что всё даже с утра превосходно.

Ник: *«Сиди. Знания — это сила»*

— Нудный, — шепчу экрану телефона и, откладывая его, поднимаю голову на лектора.

Интересно, а чем Ник занимается в будни? Если он не ходит в офис, то он дома. Он дома. Один дома. Домашний.

Эти слова крутятся, не переставая, в голове, пока я невидящим взглядом смотрю на профессора.

А почему бы не уйти? Сегодня простые лекции, потом скачаю из интернета. А жизнь... моя любовь происходит сейчас, и не хочу терять этих минут.

Да, решаю сбежать из университета и сделать сюрприз. Надеюсь, что всё же приятный, иначе я, мало того, что прогуляю, так ещё и Ник снова разозлится.

Сложно действовать и планировать что-то, когда не знаешь ответной реакции. Ты можешь лишь предположить, но не с Ником. Он странный. Извращено красивый и непредсказуемый. Может кричать, а через несколько минут уже целовать тебя, обнимая своей нежностью.

Мне кажется, что вчерашний день стал для нас поворотным. Его признания. Мои чувства. Правда. Она причиняет одновременно боль и сладость. Боюсь вспоминать его слова, потому что не смогу сдержать потока сочувствия к нему. Хочу поцеловать каждую ранку на его губах, залечить и залатать искалеченную душу и передать ему всю себя.

Говорят, когда ты находишься в эйфории под названием влюблённость, то становишься тенью своего господина. Нет, это совершенно не так. Когда ты любишь, а не влюблена, то будешь продолжать стоять на своих убеждениях, как и раньше. Только вот компромисс найти сложнее в этой ситуации. Но мы ищем его, он и я. Я знаю, что он говорит об ограниченном времени. Но интуиция, или же это просто моя фантазия, нащёптывают мне совершенно другие слова практически схожие с моими внутренними размышлениями.

Признаваться в своих слабостях сложно. Это делает тебя уязвимой, поэтому необходим другой человек, который в случае опасности заслонит собой. Это и есть любовь. Непросто

слово, используемое людьми слишком часто. Глубже. Навсегда. Я не верю, что сердце может испытывать такие чувства ещё раз. Нет. Только единожды. А остальное... остальное лишь влюблённость, которая потухнет, оставляя после себя пепел, подхваченный ветром и другим приключением. А человек, которого выбрала судьба для определения любви, станет твоим внутренним якорем и одновременно палачом. Идеалом, с которым будешь сравнивать каждого и довольствоваться малым, потому что он для тебя недостижим.

Звонок раздаётся над головой, и я вздрагиваю, возвращаясь в аудиторию из собственной лекции. Подхватив сумку, вместе со студентами неторопливо направляюсь к выходу.

— Мишель, — зовёт меня знакомый голос, и я, оборачиваясь, улыбаюсь Амалии.

— Привет, — говорю я, когда девушка подходит ко мне.

— Привет? Ты где была? Не отвечала вчера, — обиженно произносит она.

— Прости, была занята. Очень занята.

— Хм... скажи, ты что, с моим братом была занята? Марк вчера не вернулся домой, как и ты, насколько я поняла из разговора твоего отца, даже не собиралась, а отключила телефон.

— Эм, нет. Я была не с Марком, — смеюсь я.

— Ну ладно. Твои сегодня пригласили нас. Будешь дома? — спрашивает она.

— Ага, буду получать от папочки нагоняй, — кривлюсь я.

— О, твоя сучка идёт, тогда до встречи, — Амалия чмокает меня в щёку и уходит, проталкиваясь мимо студентов.

— Миша, блять ты с ума сошла? — В коридоре меня за руку хватает Сара, и я, закатываю глаза, поворачиваясь к ней.

— О чём ты? — спрашиваю я.

— Твой отец вчера орал так, что я думала, мои уши лопнут! Ты могла предупредить меня о том, чтобы прикрыла тебя? Нет, блять, я ни хрена об этом не знала и пришлось сочинять на ходу, что ты дрыхнешь в восемь вечера! — Она срывается на возмущённый крик, а я недовольно цокаю.

— Ага, спасибо, — кивая, огибаю её, чтобы уйти.

— Миша, твою мать! Да что с тобой? Что, вообще, происходит? — Она вновь догоняет меня и хватается за локоть.

— Ничего не происходит, Сара.

— Детка, надеюсь, ты никуда не влипла? — Её взволнованный голос отдаётся забытым чувством в сердце, и я зажмуриваюсь.

— Нет, никуда. Просто была занята, — отвечаю я.

— Будь осторожна, пожалуйста. И...я устала извиняться, но буду делать это постоянно. А твоя Амалия мне не нравится, я была первой, и ты не можешь так просто бросить меня, переключившись на неё, — обвинительно говорит она.

— Слушай, мне сейчас не до твоей ревности к Ами, она клёвая. И... короче, мне надо идти, — сбрасываю её руку с локтя и делаю шаг от неё.

— Но у нас ещё три пары.

— У вас да, а я решила, что сейчас самое время свалить, — не могу сдержать смеха и уже быстрее ухожу от шокированной подруги.

Всё, на сегодня с меня встреч хватит. Я практически добегаю до своей машины и, забираясь внутрь, завожу мотор. Включив радио, я подпеваю песне и стараюсь не думать о плохом исходе моего появления. Поэтому радостно паркуюсь возле комплекса, я выскакиваю из машины и прохожу мимо охраны, которая спокойно меня пропустила.

Пароль от лифта, кажется, уже высечен на подкорке моего головного мозга, и я снова нахожусь в этом маленьком пространстве, оглядывая себя в зеркальные двери.

Взбив руками волосы, покусав губы, и пощипав щёки, я довольно киваю себе, и двери открываются.

В квартире тихо. Очень тихо.

А вдруг его нет? Вдруг он уехал и занимается своими делами?

Сейчас я чувствую себя полной идиоткой, снимая пальто и вешая его на руку.

— Мисс Пейн? — Удивлённый голос Лесли раздаётся справа, и я поворачиваюсь к ней.

— Ник дома? — Спрашиваю, и она, кивая, хмурится и протягивает руки, чтобы взять у меня вещи.

— У вас что-то произошло? — Обеспокоенно задаёт она вопрос, и мы двигаемся к гостиной.

— Нет, просто решила вернуться, — пожимаю плечами.

— Господин работает. В эти моменты я не имею права заходить в его спальню, поэтому не смогу доложить о вас, — она искренне улыбается мне.

— Ничего. Я подожду.

Прохожу и сажусь на диван, чувствуя, что тут мне намного комфортнее, чем дома. И он рядом. Да, через стенки, но рядом. Его аромат вокруг меня, и я дома. В нём мой дом.

— Лесли, скажите, а вы видели Ника, когда он проводит сессии? — Неожиданно даже для самой себя спрашиваю я, пока домработница протирает телевизор.

— Простите, мисс Пейн, мне нельзя...

— Знаю, но помогите мне, пожалуйста, я хочу знать, против чего бороться. Не скажу ему, обещаю, — перебиваю её и сажусь ровнее.

На лице женщины пробегают различные мысли, она то открывает рот, то закусывает губу, хмурясь и мотая головой.

— Пожалуйста, — настаиваю мягко я, и она глубоко вздыхает, кивая мне. Она проходит и присаживается рядом, теребя в руках тряпочку.

— Да. Я видела, но я не была с ним. Вы спрашиваете, какой он в момент сессии? Он Господин, Мастер. Он очень опытный и хорошо читает язык тела, в наших глазах видит то, что нам принесёт наслаждение. Он жесток. Не разговаривает с нижними, только указывает жестами. Никто не смеет поднять голову, когда проводится сессия. И это заставляет трепетать и ждать от него действий, которые он непременно сделает. Его описать сложно, потому что это надо видеть. Замирает всё, когда он там. Когда он снимает все переживания с себя, и ты боишься его. Но этот страх так возбуждает, что у тебя отключаются все мысли, только желание получить от его руки наказание. Кровь или же ток, возможно, плеть или бандаж. На его лице не отзывается ни один мускул, просто смотрит за рабыней, получающей оргазм, а потом уходит. Он таинственный и опасный, а это так прекрасно для нас. И я всё отдала, чтобы тоже испытать его удары на себе, но место тут мне ещё дороже.

Сглатываю неприятную ревностную горечь внутри. С какой страстью она говорила, с каким почитанием, что мне стало неприятно. Они ведь видят всё это совершенно иначе, нежели я.

— А где это всё проходит? — Выдавливаю из себя.

— Мне надо идти, Штурма привезут в понедельник и его спальня ещё не готова, — Лесли резко подскакивает с места и быстрым шагом выходит, оставляя меня одну.

Убежала.

Страшно. Страшно оттого, что не знаю, какой образ для Ника реальнее. Садист или же он играет в это? Почему наказывает их и не спит с ними? Отвращение? Но зачем тогда он живёт так?

Ничего не понимаю. Никакой логики. Он говорил, чтобы вымещать злость и это наследственное. Возможно, после сессии и этих всех ухищрений испытывает раскаяние, и воспоминания давят на него? Не знаю, но так хочу узнать. Обещала себе, что больше не спрошу его. Если захочет, то сам всё расскажет.

Встаю и, уже не думая ни о чём, ни о каких предупреждениях иду в сторону спальни. Мне необходимо его увидеть, посмотреть в его глубокие глаза и удостовериться, что та жизнь не его. Она чужая. Она будет забыта.

Тихо распахиваю створки и слышу его голос. Стук сердца убыстряется, когда я прохожу к приоткрытой двери, ведущей в его кабинет.

— Нет, Райли, скажи им, что мы высказали свои условия. Они не хотят, то мы ничем им не поможем. Мы и так снизили ставки до восьмидесяти семи процентов, — резкий голос Ника раздаётся по всему пространству, и я улыбаюсь.

Знаю, что это может быть глупо, но я толкаю дверь и прислоняюсь плечом к косяку, замирая при входе.

Ник сидит в кресле и что-то щёлкает в ноутбуке, тут же записывая. И он в очках. Боже, какой же он красивый. Меня изнутри затапливает любовью, и я тихо насыщаюсь сильнейшими магнитными полями.

Он переводит взгляд на другой монитор, проходя глазами мимо меня, а затем замирает. Его голова медленно возвращается, а рот удивлённо приоткрывается.

— Райли, возьми перерыв на пять минут. Скажи, что для них это необходимая пауза, чтобы дать нам ответ и ни секунды более. Срочно, — говорит он в прозрачный микрофон и нажимает на кнопку блютуза в ухе.

— Мишель? Что ты здесь делаешь? — Шокировано спрашивает он, поднимаясь с кресла.

— Прогуливаю, — улыбаюсь так широко, что, кажется, губы потрескаются.

Но не могу иначе, просто люблю его. Вот такого. Восхищаюсь им.

— Я работаю, — как-то отстраненно говорит он. И вот теперь осознаю, что сделала. Ворвалась в его мир без предупреждения. Без разрешения. Дура.

— Прости, знаю. Лесли сказала, но мне захотелось увидеть тебя. Если можно, то подожду, когда ты закончишь или же могу уехать. Прости, наверное, не следовало... — замолкаю и отвожу от него взгляд.

Глупая. Ты лишняя в его мире, ты мешаешь ему.

— Прости, — шепчу, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Крошка, иди сюда, — ласково зовёт он, и я расцветаю. Мне даже кажется, что это можно увидеть невооружённым взглядом.

— Я не хотела мешать. И первый раз вижу тебя в очках. Тебе они очень идут, ты так похож на сексуального преподавателя. Жаль, что в нашем университете таких нет. А вот...

— Мишель, не нервничай. Ничего страшного, подойди, покажу тебе, чем я занимаюсь и как, — перебивает моё бессвязное бормотание.

Он обходит стол и протягивает мне руку, в которую вкладываю свою. Нет, ему безумно идёт эта модная широкая оправа очков, он такой... такой... дыхание перехватывает от мыслей в голове.

Ник возвращается в кресло и тянет меня себе на колени, усаживая так, что я сижу полубоком и могу всё видеть.

На макбуке висит видео, словно на стоп-кадре: длинный стол и стулья, похоже на конференц-зал. И это в четырёх ракурсах. А на аймаке открыты какие-то отчёты, где множество расчётов и цифр, стол просто завален папками и бумагами.

— Итак, это мой обзорный пункт, сейчас у нас проходит встреча с представителями одной компании, которую могу спасти. Переговоры пока в тупике, но я, то есть ты своим появлением, дала им пять минут на раздумья, — говорит Ник.

— Не поняла, — мотаю я головой.

— Райли — глава компании, но он ни черта не смыслит в бизнесе. Он хорош на конференциях или же там, где надо показать товар лицом. Поэтому благодаря наушнику и видео, могу следить за каждым словом и диктую ему, что хочу получить. Любой важный разговор проходит в тех местах, где стоят камеры. Слежу за всем вот таким образом, — поясняет он, а я, моргая, осмысливаю его слова.

— Ничего себе, — шепчу восхищённо. — Здорово.

— Вот сейчас сама увидишь, — он указывает пальцем на экран, где замечаю троих мужчин, появившихся в комнате.

— О, это Райли! — Восклицаю я, от этого тот, кого узнала, вздрагивает и морщится, а Ник смеётся.

— У меня микрофон включён, Мишель. И у него в ухе «таблетка», он прекрасно тебя слышал. Тише, — кладёт руки так, что нахожусь между ними и словно маленькая девочка, начинаю ёрзать и мотать ногами.

Райли на экране поднимает голову к видеокамере и, сдержанно улыбаясь, немного кивает.

— И тебе привет, — понимаю его движение.

— Теперь приступим, — серьёзно произносит Ник. Замолкаю, ведь на моих глазах сейчас будет происходить то, о чём никто и никогда не узнает. Это таинство, в которое он позволил мне шагнуть. И я затаиваю дыхание, слыша, как Райли повторяет слова Ника.

— Спроси их, что они решили и скажи у нас мало времени, если они хотят выплыть из их говна.

Происходят невероятные переговоры, где я только успеваю следить за ходом мыслей Ника, и как он мастерски раскладывает им последствия их отказа. И в итоге он получает своё, как, думаю, и всегда. Вот, куда надо ходить на лекции. Вот, у кого надо учиться, а не просиживать штаны. Реальность намного больше даст познаний, чем нудные и старые данные, которые никому не пригодятся.

— Вот и всё, — Ник выключает видео, открывая окно со скайпом, и я улавливаю его никнейм.

«NHC000», — вот так просто.

Надо будет добавить его к себе.

— Я в шоке, Ник. Ты... это просто было потрясно, — восхищённо говорю.

— Спасибо, — улыбается и подносит руку к лицу, чтобы снять очки, но успеваю перехватить её.

— Оставь, мне очень нравится, — прошу я, и он кивает, откидываясь в кресло.

— Я тебе ничего не отдала? Может быть, встану? Что ещё будет? — Сыплю вопросами, Ник глубоко вздыхает и кладёт руку мне на спину.

— Ничего не отдавила, слегка возбудила. Нет, сиди. Будет Райли, — отвечает он.

— Ну, ты тоже меня возбуждаешь вот такой. Порочный преподаватель, — хихикаю я, а он закатывает глаза.

— Выпороть бы тебя, да вот не за что, — улыбается он.

— Да, я хорошая девочка.

— С этим я бы поспорил, — усмехается он, и одновременно с его словами играет мелодия, знакомая всем, оповещающая звонок на скайпе.

— Прими вызов, пожалуйста, — просит он, и я, кивая, щёлкаю на зелёную кнопку.

Видео тут же включается, где я вижу Райли с широкой улыбкой.

— Неожиданно, Мишель. Привет, — говорит он.

— И снова привет, — отвечаю я.

— Ты почему не на занятиях?

— А она прогуливает, — за меня отвечает Ник, и Райли ближе придвигается к экрану, а затем сжимает губы и, хрюкая, начинает смеяться.

Недоуменно перевожу взгляд на Ника, спокойно ожидающего, когда его друг успокоится. Но смех Райли не прекращается, он уже вытирает глаза.

— Что ты ржёшь? — Не выдерживаю я.

— Ты ещё жива! — Продолжает он хохотать, а я уже хмурюсь.

— Довольно, Райли, — строго произносит Ник, и мужчина глотает смешки.

— Мишель, прости. Ты увидела его в очках, при этом, как я понимаю, присутствовала на заседании, да ещё и прогуливаешь, — объясняет он.

— Ну и что? Очки ему идут, — пожимаю плечами.

— Вот и я об этом.

— Как дела? — Перевожу тему.

— Нормально. Сегодня определённо хороший день. Ты знаешь, что прогуливать нехорошо?

— Иногда полезно, — улыбаюсь я.

— Знаешь, ты права, — неожиданно говорит Ник и выпрямляется.

— Райли, я сегодня тоже прогуливаю. Отмени все совещания, перенеси на завтра и пока, — он так быстро всё произносит и отключает звонок, что я не успеваю даже попрощаться.

— А вот теперь, крошка, вставай. Иначе трахну тебя на столе, — он подталкивает меня, нехотя поднимаюсь.

— Ты серьёзно про прогул? — Спрашиваю я.

— Да. Сейчас переоденусь и поедem... куда-нибудь, — кивает он, выключая компьютеры.

— Правда?

— Мишель, сейчас отлуплю, — бросает на меня косой взгляд, но при этом улыбается.

— А я тебя укушу, — снова начинаю хихикать, как больная влюблённая идиотка, на это он лишь качает головой.

— Укусишь, укусишь, только сначала я всё же тебя трахну.

— Запомню. Можно и на столе, никогда не пробовала, — хлопаю в ладоши, и он смеётся.

— Попробуешь. Со мной. И да, ты ненормальная.

— Как и ты.

— Тогда пошли, — хватает меня за руку и тащит из кабинета.

— Иди в гостиную и одевайся, я быстро, — бросает он, оставляя меня стоять и переваривать этот неожиданный виток судьбы.

Ник скрывается за дверью в ванной, и я поднимаю голову к потолку.

— Спасибо, — шепчу, резко поверив в судьбу и всевышнего. — Помоги мне ещё немного, пожалуйста. Не забирай его у меня, дай сил, чтобы жить в этом мире. В новой реальности, которую создам я для нас. Не оставляй меня.

Сорок четвёртый шаг

— Куда мы едем? — Живо интересуюсь я, а Ник выкруливает с подземной парковки на «Ламбогини».

— Раз сегодня у нас получается такой немного странный день, то я решил продолжить твоё знакомство с моим миром, — он на пару секунд поворачивается ко мне, одаривая своей выразительной улыбкой, и возвращает всё внимание на дорогу.

— Хм, у тебя очень необычный мир, несколько странный, и вот сейчас ты говоришь о...

— Нет, Мишель, ты думаешь не в том ключе. Хотя я не против показать тебе больше своей доминантной богатой натуры, но не сегодня, — он отрицательно качает головой от своих слов, и я свободно вздыхаю.

Ведь я уже нарисовала себе наказания, какие-то вещи, которые не дадут мне отступить, если же я решу это. Я пока не готова шагнуть в его тёмные безумные увлечения, хотя и отнекиваться оттого, что мне до умопомрачения понравилась эта ночь, нет смысла. Да, я ни капли не боялась его. Полностью доверилась и не прогадала.

И в эти желанные мгновения, сидя рядом с ним, в моей душе плещется поразительное спокойствие, меня не заботит ничего, кроме этих новых ощущений.

Ник на руле регулирует музыкальное сопровождение, и, на удивление, из колонок льётся не классика, а модные тенденции настоящего времени. Мы едем молча, я в предвкушении сделать ещё один шаг в его жизни, а он...

Поворачиваю голову и с откровенной любовью смотрю на его выразительный профиль. При первой встрече он был другим. Чуждым. Холодным. Чересчур контролирующим всё. Да, даже внешность отличается. Сейчас у него отросшая щетина, а в тот день он был гладко выбрит. Только вот я легко растворяюсь в новом Нике, улыбающемся одной мне.

— Хватит на меня смотреть, Мишель. Не могу сосредоточиться на дороге, в голове крутятся мысли остановиться, развернуть тебя спиной к себе или же посадить на капот, опустить джинсы и трахнуть, — не отрывая взгляда от дороги, говорит он, и я, моргая, резко поворачиваю голову к пейзажам за окном.

— Испугалась, — смеётся Ник, а я качаю головой из-за такой шутки.

— Нет, не хочу заболеть. На улице не лето, — напоминаю, но всё же не испытываю судьбу, ведь с ним никогда не знаешь, что ему взбредёт в голову.

Отмечая про себя, что мы выехали за пределы города, я уже с интересом рассматриваю дорогу, когда Ник сворачивает в сторону «Грин Ривер». Никогда не ездила сюда, не было причин, да и смысла. Но сейчас... сейчас я только и успеваю отмечать, как красиво вокруг, а летом должно быть ещё ярче из-за лесопарковой зоны, которую мы огибаем.

Ник снова сворачивает, и мы теперь несёмся по узкой улочке между деревьями. Впереди я замечаю высокую каменную ограду серого цвета и тёмно-зелёные сплошные ворота. Он останавливается перед ними, ожидая, когда нас впустят. И через несколько мгновений, мы уже въезжаем на закрытую территорию. Ник останавливается у кабинки с охраной и опускает стекло. Двое мужчин наперебой здороваются с ним и желают хорошего отдыха, на что он только сдержанно кивает, и мы едем дальше по дороге, ничем не отличающейся за воротами.

Если они сказали отдыха, возможно, это какой-то элитный гольф-клуб, ведь папа упоминал, что однажды встретил там Ника. Мы миновали вторые ворота, и перед моими

глазами раскинулись огромная площадь, украшенная зелёными искусственными фигурками по бокам дороги, большой белоснежный фонтан и трёхэтажное здание, скорее похожее на особняк богача.

— Где мы? — Спрашиваю Ника, когда он помогает мне выйти из машины.

— В моём особом мире, крошка, — улыбается он, обнимая меня за талию, ведёт к входу.

Он распахивает дверь передо мной, и мы оказываемся в холле с мраморными полами, высокими потолками, и я задерживаю дыхание от этой красоты. На стенах, кроме каких-то старинных картин, описывающих охоту, висят головы животных. Вот от этого я немного кривлюсь.

— Мистер Холд, сэр, как мы рады вас видеть, — восклицает незнакомый женский цыплячий голос, и я поворачиваю голову, а Ник берёт меня за руку и ведёт к длинной бежевой стойке, выполненной из стекла и мрамора.

Даже не заметила, что тут, оказывается, кроме нас ещё, три девушки как на подбор. Каждая из них могла бы быть моделью, но сейчас вся доброта к ним мигом испаряется. Мне кажется, что у них изо рта начнут капать слюни, глядя на Ника.

— Добрый день, девушки. Как ваши дела? Всё хорошо? — С улыбкой интересуется он, и они как дурочки без остановки кивают.

Меня никто не замечает, и я демонстративно кладу руку на грудь Ника. Три девицы, словно коршуны, вылавливают моё мимолётное движение и тут же наши глаза встречаются.

— Сегодня все на месте? — Продолжает Ник, и они снова кивают, пока беззастенчиво разглядывают меня.

— Тогда мы пошли развлекаться, — весело бросает им он, совершенно не реагируя никак на мою молчаливую борьбу с этими пигалицами.

Ник ведёт меня по широкому коридору, и я убираю руку с его тела, рассматривая картины английских королей с собаками, то голову медведя, то оленя.

— Где мы? — Вновь задаю я вопрос, поворачиваясь к нему.

— Это своеобразный мужской клуб, — медленно произносит он, продолжая вести меня вперёд, теперь мы проходим большие окна, открывающие вид на зелёный луг и озеро вдали.

— Бордель?

— Нет, иногда здесь бывают женщины, но не древней профессии, как ты решила. Вот справа и слева от нас двери, ведущие на территорию релаксации, там располагаются русские бани, массажные комнаты, бильярдные, два бассейна, в общем, всё для спокойного отдыха.

— То есть это что-то вроде «СПА» для мужчин и редко женщин? — Уточняю я, двигаясь с Ником по лестнице на второй этаж.

— Отчасти да, только вот они расслабляются в основном вечером, после того самого занятия, ради которого приезжают сюда, — кивает Ник, и мы выходим на этаже.

Он распахивает передо мной две двери, где открывается огромный зал с хрустальными люстрами и витражными большими окнами, в стиле Версаля, и у одной стены расположена импровизированная трибуна, только с дорогими креслами и столиками.

— Здесь проходит обучение и соревнования по фехтованию, «кендо», «арнис-де-мано», — говорит он, и я хмурюсь, совершенно не понимая значения двух видов спорта.

— «Кендо» — бой на мечях. «Арнис де мано» — это бой на палках. Ты видела мою тренировку, это «бо-дзюцу». Занимаюсь им пять лет, отлично третирует тело и координацию.

— Да, мне понравилось, — улыбаясь, вспоминаю тот вечер.

— Не один я увлекаюсь этими видами спорта, сюда приходит много людей, желающих обучаться, — продолжая, он закрывает двери.

— Элитный спорткомплекс, — делаю я вывод, и Ник улыбается.

— Верно, только и это ещё не всё. Это лишь небольшие отклонения от главной темы этого места. Над нами ресторан, мы в него зайдём чуть позже, а сейчас спустимся на самый нижний этаж, где располагаются другие развлечения, — загадочно произносит он, и теперь мы спускаемся обратно, только ещё на три пролёта ниже, оказываясь в зеркальном коридоре.

— Господи, чувствую себя в фильме про спецарента, — хихикаю я.

Ник проходит немного вперёд и нажимает двумя пальцами на матовый защитный круг, и зеркальная панель выдвигается на нас, уходя в сторону.

Мы входим в тёмное помещение, и дверь за нами автоматически закрывается. Не единого лучика света, и моё сердце бешено скачет от такого контраста. Перед глазами пляшут яркие огоньки из-за света за пределами этого места, и я жмурюсь, чтобы прогнать их.

— Мишель, мы находимся в одной из мной любимых тренировочных комнат. Я использую это для расслабления, другие для игр и адреналина. Пошли, — Ник берёт меня за руку и ведёт куда-то.

— Давай пальто, ты сейчас попробуешь себя на реакцию, — его сладкий шёпот проходит по уху, и он сам вытаскивает меня из верхней одежды, оставляя одну.

Слышу щелчок, и надо мной появляются яркие лучи, словно я в клубе. Благодаря им могу рассмотреть, что в этой комнате нет ничего, кроме чёрных стен.

— Возьми. Надеюсь, в детстве у тебя были игрушечные пистолеты, и ты умеешь с ними обращаться, — он подходит ко мне и вкладывает в руку оружие, больше похожее на автомат.

— Ник... я...

— Попробуй, крошка, я буду здесь. И запомни, всё вокруг нас иллюзия, — он с нежностью проводит рукой по моей щеке и отходит назад.

Его поглощает темнота, и я опускаю взгляд на свою руку, сжимающую оружие. Вокруг меня начинает грохотать музыка, словно фон для чего-то, и я поворачиваюсь осматриваясь. Лучи бегают всюду, то попадая на меня, то на стены, боковым зрением вижу, как что-то белое летит на меня. От страха, шока и непонимания я просто падаю на пол, и призрачный, но объёмный мужчина в кимоно и маске с мечом пробегает надо мной, растворяясь во мраке.

— Стреляй, крошка, — из динамиков, сквозь музыку раздаётся голос Ника. И я, опасливо озираясь, встаю на ноги, теперь уже крепче сжимая пистолет и выставляя перед собой.

Новое появление, зато теперь я уверенно нажимаю на курок, раздаётся выстрел, и мужчина падает на пол, исчезая прямо перед моими ногами.

— Сзади, — новая подсказка от Ника, резко поворачиваюсь, снова метко стреляя, на этот раз уже в женщину и с ней происходит то же самое.

Теперь мне это настолько нравится, что я с особым нетерпением ожидаю новых нападений. Словно в компьютерной игре, бегаю по залу, спасаясь от двух мужчин, пытающихся поймать меня. Я не хочу стрелять, а веселюсь. Но всё же мне приходится избавиться от них, как появляется ещё трое.

Нет больше смеха, сил у меня не хватает, противостоять им, даже с пистолетом, потому что они то подпрыгивают в воздух, уклоняясь от пули, то кувыркаются, как ниндзя. Они пытаются проткнуть меня своими кинжалами, и мне приходится чуть ли не падать от них, убегая и пытаясь прикончить их.

— Ник, они убьют меня! — Панически кричу, уже без разбора стреляя по нападавшим, окружающим меня и прижимающим к стене.

От него нет никаких подсказок, я не знаю, где он. Адреналин бурлит в крови, мотаю головой, рука дрожит от усердия, чтобы попасть по ним. Лёгкие горят от физической нагрузки. Но паника туманит глаза, уже кричу, потому что на меня прыгают двое с длинными кинжалами, закрываю лицо руками, визжа от страха.

Неожиданно наступает тишина, и я выглядываю из-за рук. Снова в темноте. Она пугающая. И я одна в ней.

— Ник? — Тихо зову его, но никакого ответа. Ни шуршания шагов. Ни движения, да и вряд ли бы я его разглядела, ведь снова огни потухли.

— Ник, ты же тут, да? Это не смешно, — поднимаюсь на ноги, не смея двинуться куда-то.

Судорожно сжимаю пистолет, всматриваясь в темноту. Мне становится не по себе. Немного жутко, и я готова расхныкаться, словно на меня выскочит монстр.

— Ник, пожалуйста, включи хоть что-то. Мне страшно, — едва слышно говорю я, пока моё сердце разрывает тишину своими мощными ударами.

— Никогда. Ничего. Не бойся, крошка. Страх управляют нами сильнее, чем мы думаем. И я рядом, — раздаётся напротив меня, я всё же издаю писк и подпрыгиваю на месте.

— Зачем ты выключил всё? Меня убили? — Нахожу руками мужское тело и сжимаю ткань кофты, как мои руки накрывают тёплыми ладонями, и я сейчас чувствую себя в полной безопасности.

— Знаешь, пока ты бегала, мне захотелось подойти к тебе в темноте... услышать, как ты рада чувствовать меня рядом... и взять тебя у стены, — шепчет он, отрывая мои руки от своей одежды и отбрасывая пистолет в сторону. Он со стуком падает на пол и вроде ломается. Но я сейчас поглощена его тембром, новым теплом, гуляющим по телу.

— Извращенец, — улыбаюсь я.

— Да. И ведь я уверен, что ты не против этого. Если я сейчас тебя трахну, возьму тебя, ты разрешишь мне это, потому что ты сама наслаждаешься экстремальным сексом. Мне это безумно нравится, крошка. Ты мне нравишься, поэтому я привёз тебя сюда. Это моя тайна, никто не знает, что это всё принадлежит мне. Они думают, что я всего лишь управляющий. А сейчас я бы хотел тебе показать ещё кое-что. Моё любимое, — таю от его голоса, оттого, что он перестал бояться меня и открывается, как умеет. Но ведь он полностью прав, я готова отдаваться ему столько, сколько он пожелает и где угодно. Потеряла ту самую грань запретов для страсти. Да и их не существует. Хочу жить сейчас и с ним, с каждой секундой и шагом, рядом с Ником, я люблю его ещё дальше.

Он берёт меня за руку, снова удивляюсь, как ему удаётся так точно двигаться в темноте. Мы выходим на свет, и я жмурюсь от него, но Ник продолжает меня вести за собой, пока привыкаю к яркому освещению. Мы быстрым шагом, практически мне приходится бежать рядом с ним, поднимаемся на первый этаж и огибаем замысловатую лестницу.

Ник открывает двери, и мы оказываемся на улице, направляясь к другому зданию. По ходу приближения к нему, слышу ржание лошадей и догадываюсь, что это конюшня.

— Сейчас расскажу тебе о главной цели этого места, — оборачиваясь, бросает он.

Мы заходим в помещение, где вижу лошадей разных мастей и цветов. К нам выходит мужчина, расплываясь в улыбке.

— Мистер Холд, рад вас видеть. Желаете прокатиться? — Спрашивает он.

— Да, Иман, как обычно. Девушке принеси шлем и выведи Звезду. И пусть наши вещи заберут из второй игровой, — требовательно отвечает он, и наш собеседник, кивая, удаляется к стойлам.

— Ты умеешь управлять лошадьми? — Интересуется Ник, поворачиваясь ко мне.

— Лет в пять было дело, но сейчас... — замолкаю, не найдя больше слов.

— Тогда поедешь со мной, — говорит он.

— Мы, правда, будем кататься на лошади? — Уточняю я, всё ещё приходя в себя от быстро меняющихся впечатлений.

— Да, — кивает он. — Иман, только мою, — уже громко говорит Ник, и мы слышим положительный ответ из глубин конюшни.

Мужчина выводит под уздцы чёрного жеребца и передаёт мне шлем. Пока я надеваю его, Ник спрашивает Имана о состоянии лошадей и другие вопросы, которые я просто пропускаю мимо ушей.

Не могу поверить в происходящее, ведь это романтично. Он и я на конной прогулке, и плевать, что я в одной рубашке, а на улице не так уж и тепло. Меня согревают чувства внутри.

Ник помогает мне взобраться на лошадь, и сам садится позади, берёт поводья. Не могу дышать и стараюсь не расплакаться от сентиментальности, полноты ощущений рядом с ним.

Мы выезжаем из конюшни и двигаемся в сторону озера обычным шагом.

— Давно ты увлекаешься всем этим? — Спрашивая, поворачиваю голову к нему.

— Как только, появилась возможность позволить себе это.

— А Люси знает об этом всём?

— Нет, только Райли, теперь ты, — с улыбкой отвечает он, и у меня в груди разрастается триумф оттого, что я всё же знаю больше, чем его сучка-сестра.

— Ты обещал рассказать мне о главном, — напоминаю я.

— Да. Основная цель этого места — охота.

— Но ведь запрещено, — удивляюсь я.

— Верно, поэтому у нас располагаются игровые, тренировочные, ресторан, как ты назвала «СПА для мужчин», — кивает он.

— И... охота, она же подразумевает убийство, — расстроено шепчу я.

— Не всегда. Недалеко располагается ферма, где выращивают лис, уток, куропаток для этих игр. И только одно воскресенье в месяц происходит настоящая охота с жертвами. Один раз. А в основном люди не убивают животных. В ружьях, которые мы предоставляем в аренду, содержатся пули со снотворным. Они просто засыпают, и мы их меняем на новых, — спокойно поясняет Ник.

— А правительство? Неужели никто не сдал это место? И тебя могут посадить, — сглотнув волны отвращения к убийцам, произношу я.

— Правительство само развлекается здесь, Мишель. И у моего подставного человека, по документам, владеющим этим местом, имеются крепкие связи. К тому же членство в моём клубе стоит приличных денег, и число желающих прибавляется. Сюда приезжают люди, особенно в летнее время, не только из Торонто, но и со всей Канады, Америки, даже Европы и Китая. В закрытых кругах это развлечение определяет границы богатых VIP-персон, как и сообщество БДСМ.

— Ужасно, — едва слышно говорю я, когда Ник останавливается у озера и спрыгивает с лошади, помогая и мне спешиться.

— Что именно ужасно? — Усмехаясь, он отпускает меня.

— То, что вы просто так, для своего больного развлечения убиваете животных, — я обнимаю себя руками, оставаясь стоять.

— Ты носишь шубы. А это тоже убийство. Также я не заметил, что тебе было противно надевать их и наслаждаться роскошью. Не лицемерь, Мишель. Ты косвенно принадлежишь к убийцам, — обличительно произносит он. От жестокости и правдивости его слов, над смыслом которых я даже не задумывалась в жизни, я кривлюсь и отворачиваюсь от его лица.

— И ты тоже, да? Также любишь убивать их?

— Не люблю, но иногда, примерно пару раз в год охочусь, только усыпляю их. Мир не так прекрасен, кто-то умирает, а кто-то зарабатывает на этом.

— Как ты. Зачем тебе это? Не хватает денег? — Ужасаюсь я с каждой минутой этой призрачной красоты, окружающей меня.

— Пока моя компания развивалась и только укрепляла свои позиции, мне необходимы были финансы, чтобы вкладывать. Большие финансы. И это приносило отличные вливания. А сейчас продолжает существовать, как побочный бизнес, и мои увлечения. Я здесь расслабляюсь, могу сбросить с себя гнев и раздражение. Это помогает мне.

— Понятно, — я тру ладонями плечи, чтобы теперь согреться от холода внутри.

— Скажи, ты теперь относишься ко мне иначе? Не хочешь разрешить мне обнять тебя и передать своё тепло, чтобы твои губы не синели сейчас? — Вкрадчиво спрашивает он, и я поднимаю на него голову.

— Нет. Только это не перестаёт быть отвратительным. Да, я ношу шубы, но не самолично убиваю этих животных. Возможно, я косвенный убийца, но не делаю это ради забавы. Не знаю, Ник, это... я даже не могу сформулировать всего, что хочется сказать, — приглушённо отвечаю я.

— Тогда позволь мне согреть тебя, — он раскрывает руки, ожидая от меня движения.

А я не могу. Я стою и смотрю на него. Да, разумом я понимаю, что это не он всё делает. Всего лишь зарабатывает так. Но... всё же остаётся, но, которое не разрешает мне шагнуть к нему.

— Что ж тогда, думаю, я отвезу тебя обратно, и мы попрощаемся, — он складывает руки на груди, прищуривая глаза. А от его слов меня обдаёт жутчайшим холодом, что душа переворачивается от страха, и я испуганно выдыхаю.

— Что?

— Ты не можешь принять меня полностью, Мишель. Выходит, что ничего у нас не получится даже кратко. Я открыл тебе часть своей жизни, а ты отвергаешь меня. Ты забываешь, кто я. Ради тебя я пообещал умерить своё желание причинять боль, а ты не желаешь даже понять меня.

— Дело не в этом, Ник! — Возмущаюсь я от его речи. — Совсем не в этом. Я... мне необходимо время, чтобы переварить всю информацию. Я не робот, который может быстро сориентироваться в обстановке и смеяться над этим всем. Я принимаю тебя, какой ты есть. Я стараюсь. Честно стараюсь, но подводные камни, которыми ты наполнен... сложно, — я поднимаю голову к потемневшему небу и громко выпускаю из себя воздух.

— В разговоре с Люси, тот, который я подслушала. Ты обещал, что когда-нибудь расскажешь мне всё. Много этого «всё» осталось? — Спрашиваю я, возвращая свой затуманенный от переживаний взгляд на него.

— Тебе нужны все мои демоны, которые окружают меня. Да, Мишель, этого «всё»

достаточно, чтобы заставить тебя бежать от меня. Только ты к этому не готова, — он приподнимает уголок губ в усмешке.

— Насколько это «всё» неприемлемо для меня? — Выдавливаю я из себя опасный вопрос.

— Я для тебя неприемлем, крошка. И я не держу тебя, хотя не хочу отпускать. Но необходимо это сделать ради тебя. Всё это слишком глубоко засело во мне. Даже сейчас вся эта природа и богатство на фоне твоего лица становятся блёклыми. А раньше я гордился этим. Но сейчас понимаю, что гордиться-то и нечем.

— Я принимаю тебя, Ник. Только дай мне время, чтобы смириться с этим. Я не хочу уходить, — делаю шаги к нему и останавливаюсь напротив.

— Ты смелая, Мишель. Не дай моей черноте заполнить тебя. Я никогда себе этого не прощу, — его горячая ладонь накрывает мою щеку, а другой рукой он обхватывает меня за талию, резко притягивая к себе.

Он был прав, его тепло окутывает меня. И я растворяюсь в нём, выбрасывая из головы все переживания. Я уже смирилась со всем, потому что потерять его намного хуже.

Сорок третий шаг

— Прости меня, Мишель. Прости, — шепчет он, сильнее стискивая меня в своих руках.
— За что? — Спрашиваю я.
— Просто прости без каких-либо причин, — он отодвигает меня, продолжая удерживать за плечи.

Поднимаю голову и всматриваюсь в его живые глаза, которые сейчас блестят от... я не знаю отчего в них такой лихорадочный блеск. Он пугает меня. Словно что-то нагрет непременно и разрушит нас. Придавит своей тяжестью и сломает.

Ник на секунду закрывает глаза и открывает их, уже не выражающие никаких эмоций.

— Не делай этого, — прошу я, зная, что он поймёт меня.

— А сейчас прокатимся быстрее? — Он игнорирует мои слова, отпуская меня, подходит к ожидающей лошади, щиплющей траву.

Я только могу вздохнуть и принять его правила, по которым теперь живу.

— Давай, — отвечаю я.

Ник подсаживает меня, а сам теперь садится спереди.

— Обними меня. Держи меня крепко, крошка. Не отпускай, — говоря, он берёт в руки поводья. Но я слышу совершенно иной смысл слов и обхватываю его талию руками, прижимаясь к спине щекой.

— Не отпущу, — тихо произношу, и он ударяет ногами по лошади.

Мы резко стартуем, что я ещё крепче обнимаю Ника и чувствую новый всплеск адреналина в крови. Ветер треплет волосы под шлемом, но я только плыву в своих эмоциях.

Он и я. Закончится ли наша история хорошо? Ведь хорошо можно интерпретировать по-разному. Я люблю его, не могу бросить и уйти, что бы он ни скрывал. Буду пытаться понять все его мотивы, ведь и ему сложно впускать меня в свой мир. Но... вот так дышать его ароматом и терять сознание от новых и невозможно извращённых чувств. Любить и проверять свои чувства на твёрдость.

Ник сбавляет скорость, и мы теперь легко скачем, а вокруг нас зелень и лес. Его рука ложится на мои, и он сжимает захват его талии. Безмолвные жесты. Без слов. Но я понимаю их и улыбаюсь, целуя его в спину, возвращаясь щекой к горячей коже под тонкой тканью.

— Сейчас я остановлюсь, Мишель, и ты сделаешь то, что я попрошу. Без вопросов. Поняла? — Спрашивает Ник, натягивая поводья, чтобы лошадь прекратила движение. А я освобождаю его от своих рук.

— Да.

Он спрыгивает с лошади, поворачиваясь ко мне. Я непонимающе смотрю на его серьёзное и сосредоточенное лицо.

— Перекинь ногу ко мне, — требовательно произносит он, и я, сглотнув от неведомого страха, выполняю.

— Теперь повернись спиной и перекинь левую ногу обратно, — он пальцами показывает мне действия.

Сейчас я сижу неправильно, спиной к ходу движения. Ник снова забирается на лошадь, что она двигается от таких танцев на ней, а мне приходится ухватиться за седло.

Ник быстрым движением перебрасывает мои ноги на свои и притягивает меня за талию, что теперь мы сидим лицом друг к другу, и я практически расположилась на нём.

Наши глаза встречаются, и я замираю от решимости в потемневшем взгляде. Что-то неведомое происходит с ним, и я замираю.

— Вот так, — шепчет он, проводя внешней стороной пальцев по моей щеке.

— Так ты ближе ко мне. Сейчас мне это требуется. Я хочу, чтобы ты обняла меня настолько крепко, насколько сможешь, крошка, — он сам кладёт мои руки на его шею, и я киваю, улыбаясь ему.

— Готова? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я, ещё теснее прижимаясь к нему, выполняя указания.

Ник делает движение ногами, и лошадь от неожиданности встаёт на дыбы, что я испуганно жмурюсь и, дрожа всем телом, всхлипываю, утыкаясь носом в его шею.

Он словно не замечает моего состояния, а животное срывается с места, распыляя мою душу на потоках ветра. Мы скачем ещё быстрее, как будто Ник пытается убежать от кого-то. Я стараюсь дышать, но это с трудом получается, я просто мёртвой хваткой цепляюсь за него, пока Ник выпускает пар. Поняла, что ему что-то не нравится в его состоянии, поэтому он так себя повёл.

В груди зарождается надежда, что он умеет чувствовать, умеет испытывать те же ощущения, что и я. И это причина его поведения. Мне остаётся только терпеть, пока мы скачем непонятно куда и зачем. Я не знаю, как долго продолжается этот бешеный ритм, потому что я уже обессилена от силы, с которой сжимаю его шею.

— Ник, — шепчу я, целуя его в шею, и закрывая глаза.

Слышу его быстрое дыхание. Его стук сердца наравне с моим. Шум в ушах и цветные точки перед закрытыми веками.

— Я полностью доверяю тебе, крошка, — сквозь гул и ветер до меня доносятся его слова, и он снова ударяет по лошади, несясь ещё быстрее.

— Не предай меня, — новая фраза заставляет меня покачать головой на его плече и снова поцеловать в шею, ощутив под губами его сильную и пульсирующую вену.

— Никогда, — отвечаю я, но вряд ли он меня слышит.

Ник сосредоточен на скачке. Минуты пролетают мимо нас. Я не хочу никуда уходить от него, даже оторваться не в силах. Через некоторое время он сбавляет ход, и мы уже медленней идём. Я расслабляюсь, открывая глаза и замечая, что вокруг нас сгущаются сумерки, а мы подъезжаем к конюшне.

Нас встречает Иман, я отодвигаюсь от Ника, чтобы он спешил. Он не смотрит на меня, буквально затерявшись в своих раздумьях. Я так и сижу на лошади, боясь двинуться, всё ещё не отойдя от произошедшего.

— Мисс, я вам помогу, — говорит Иман, и Ник отмирает, зло отталкивая мужчину от животного и меня.

— Иди ко мне, — говорит он, протягивая руки ко мне. Я опираюсь на его плечи, и он снимает меня с лошади.

Мои ноги дрожат, что я невольно издаю стон и цепляюсь за его шею.

— Сейчас пройдёт, — ласково шепчет он, удерживая меня за талию и гладя по волосам.

И правда, через некоторое время я лучше ощущаю своё тело, но теперь понимаю, как всё у меня болит между ног.

— Поужинаем? — спрашивает Ник, и я киваю.

— Можешь идти или тебя понести?

— Могу, только буду держаться за тебя. Для меня это было непривычно, — отвечаю я.

Он продолжает обнимать меня крепко за талию, пока я еле двигаю ногами от усталости. Но этого ему не следует знать. Буду для него только сильной, какая нужна ему.

Мы входим обратно в поместье и молча, поднимаемся на третий этаж. Я даже не обращаю внимания на роскошную обстановку вокруг. Поистине, королевскую. Жажду только сесть и протянуть ноги. Мы достигаем столика, и Ник помогает мне расположиться в кресле, а сам садится напротив.

— Мистер Холд, добрый вечер, — перед нами появляется официант и услужливо кладёт меню перед нами.

— Не надо. Принеси воду без газа, девушке с лимоном. Лобстера и тартар из тунца обоим, — произносит Ник в своей повелительной манере, и я не могу сдержать улыбки, понимая, что у меня так никогда не получится.

Официант кивает и оставляет нас. Только сейчас я отмечаю, что мы тут одни.

— А почему никого нет? Ты снова выкупил всё? — Интересуюсь я.

— Нет. И мне нет нужды выкупать, по моему требованию они всех выведут, — усмехается он, откидываясь в кресле. — Сегодня понедельник. В будни здесь мало людей, не считая летнего сезона. И все в основном заказывают в комнату отдыха.

— Мишель, я бы хотел поговорить о том, что произошло, — он сжимает губы в тонкую линию, а я отрицательно мотаю головой.

— Не надо. Ты сам предупредил: без вопросов. Если тебе стало легче, то я переживу, — с мягкой улыбкой отвечаю.

— Мать спрашивала о тебе, — неожиданные новости заставляют меня напрячься.

— И?

— Покорена тобой и хочет ещё пригласить нас. Но теперь с меня хватит этих шоу, после которых я могу покалечить тебя. Поэтому сказал, что мы расстались. Поругались, я высказал тебе, что это всё было лишним, — продолжает он.

— Хорошо. Раз ты так решил, я не против, — пожимаю плечами, официант приносит нам воду, и я с жадностью выпиваю половину.

— Знаешь, мне понравилось в игровых. Они все такие? — Спрашиваю я.

— Нет. Там пятнадцать комнат такого типа, только я отвёл тебя к новичкам. В других есть препятствия, канатные мосты. Пять комнат это тир с разными видами оружия. Две для любителей стрельбы из лука, — поясняет он.

— Здорово. Я в который раз восхищаюсь тем, что ты это смог придумать, — говорю я.

— Прекрати. Нечем восхищаться. Ты знаешь правду, поэтому не хочу этого слышать...

— Это ты прекрати, — твёрдо перебиваю его. — Да, знаю для чего это всё. Но, помимо этого, ты создал прекрасное место, где можно провести время настолько незабываемое, что это будет сниться, и даже не в кошмарах.

Он хмурится, отворачиваясь от меня, смотря куда-то вдаль.

— Ник, пожалуйста, не надо. Мне понравилось, даже эти скачки. Я доверяю тебе, поэтому знаю, что ты не причинишь мне вреда, — напряжённо произношу я, и он резко поворачивается в мою сторону.

Его глаза горят от огня, живущего в нём, но я не отвожу взгляда. Привыкла.

— И ты снова не поняла ничего. Я показал тебе, что могу с лёгкостью покалечить тебя...

— Зачем? Зачем ты мне это показываешь? Я даже не спорю, ты сильнее меня. Да и это глупо как-то. Одной левой придушишь. Так зачем ты сейчас мне врёшь? Ты обещал быть

честным, сам признайся, что никогда бы не позволил мне упасть. И я слышала тебя. Я с тобой, поэтому заткнись и не порть мне день, — зло говорю, складывая руки на груди.

— Заткнулся, — теперь он улыбается, поднимая ладони вверх, а я фыркаю от смены его настроения.

Наконец-то, нам приносят ужин, и мы, молча, начинаем трапезу. Только сейчас я понимаю насколько была голодна, даже не различая прекрасного вкуса пищи. Не могу смаковать, а только заглатываю, жалея, что так мало.

— Какой у вас аппетит, мисс Пейн. Мне даже страшно, — поддевает меня Ник, а я кривлю рожицу ему, запивая водой съеденное.

— Это вы во всём виноваты, мистер Холд. Хотя думаю, все калории вы из меня вытащите, когда я всё же начну познавать каннибализм, — отвечаю я, а он смеётся, откладывая приборы.

— С удовольствием, — кивает он, когда нам меняют блюдо.

Теперь утолив первую волну голода, я уже неторопливо пробую лобстера со сливочным соусом и отдаюсь полностью гастрономическому оргазму.

— Я наелась, — довольно говорю, откидываясь на спинку кресла.

— Это хорошо, крошка. Очень хорошо, — улыбается он, продолжая неторопливо ужинать.

Я, как замороженная, смотрю на него. Бывает, что человек делает всё настолько красиво, что сердце щемит от этих движений? Никогда бы не подумала, что меня будет заводить кушающий мужчина. Скорее всего, просто все были не теми самими.

— Который час? — Зевая, спрашиваю я.

— Половина девятого, — отвечает Ник, бросая взгляд на наручные часы.

— Блять! — Восклицаю я, вспоминая об обстоятельствах этого дня.

— Мишель, — с укором говорит Ник на мои ругательства, обмакивая губы салфеткой. Я подскакиваю на ноги, даже не обращая внимания на тянущую боль в ногах.

— Мне срочно надо домой. Отец сказал быть к семи, а я забыла совсем, — быстро проговариваю я.

— Ох, крошка. Почему же ты мне этого не сказала? — С возмущением спрашивает он, вставая с кресла и хватая меня за руку.

— Забыла, говорю же, — мямлю я, пока мы практически бежим к выходу.

— Никакой ответственности, Мишель. Нельзя так, — отчитывает он меня, когда мы подходим к девушкам, тут же встрепенувшимся.

— Наша одежда. Быстро, — бросает им Ник, и одна из них, подходит к зеркальному гардеробу, которого я не заметила и достаёт вешалки с одеждой.

Ник выхватывает их у неё, помогая мне одеться, и сам набрасывает на себя пальто, бросая вешалки на стойку.

В спешке мы забираемся в машину, и Ник стартует.

— И всё же подумай, чтобы я поговорил с твоим отцом, — произносит он, когда мы выезжаем за пределы вторых ворот.

— Подумала и ответила тебе, — отвечаю я.

— Мишель, чёрт возьми, и я теперь должен волноваться за тебя?! — Повышает он голос, а я улыбаюсь от его слов.

— Не волнуйся, я разберусь. К тому же говорила сегодня с Сарой, и она сказала отцу, что я была у неё. Совру, что занимались и забыли о времени, — спокойно произношу я.

Он только выпускает воздух сквозь стиснутые зубы и сильнее надавливает на газ, несясь по дороге.

Да, мне придётся получить великий нагоняй от отца. Но всё это стоит того. Я ни о чём не жалею и даже не раскаиваюсь. Совершенно нет страха внутри, только одна решимость отстоять своё.

Ник паркуется рядом с домом, и помогает мне выйти.

— Чёрт, моя... то есть твоя сумка осталась в квартире, а там конспекты. Кстати, и телефон, с моими документами, — вспоминаю я о вещах, и Ник закатывает глаза.

— Во сколько пары?

— В десять завтра.

— Майкл привезёт утром к университету, будет ждать при входе в главный корпус. А теперь иди, — он подталкивает меня к дому.

— Спасибо, — киваю я. — За всё спасибо, Ник. Мне всё очень понравилось, надеюсь, это не в последний раз. А особенно утро.

— Уходи, а то я верну тебя в свою крепость и не выпущу, — с улыбкой говорит он.

— Когда-нибудь так и будет, — заверяю я его или же себя и, разворачиваясь, быстрым шагом иду к дому.

Не могу переживать, сохраняя глупую улыбку на губах, пока еду в лифте. Глубоко вздохнув, ощутив всю силу, обрётённую благодаря одному садисту, я открываю квартиру. До моего слуха тут же доносится смех, и я снова хочу ударить себя по лбу из-за своей забывчивости. Ллойды.

— Мишель, — Лидия появляется у входа, с немым укором смотря на меня, а я только жму плечами, мол, разве я виновата, что мне с Ником намного лучше, чем дома.

— Все в гостиной, — говорит она, когда я передаю ей пальто.

Я вхожу в комнату, и первым меня видит Марк, сидящий на диване рядом с Амалией. Он складывает руки на груди, пытаюсь о чем-то сказать мне взглядом, но не успеваю.

— Вот и она, — тянет Тейра, и я хочу показать ей средний палец, потому что раздражает она меня.

— Добрый вечер, прошу прощения, — я киваю гостям, а отец встаёт с кресла, резко меняясь в лице.

— Милая, ты задержалась.

— Мишель, наконец-то!

В один голос говорят мама и Амалия, а я только могу извиняюще улыбнуться.

— Мишель, быстро за мной, — командует отец, и я покорно следую за ним на кухню, где он хватает меня за локоть и разворачивает к себе.

— Почему ты не предупредила, что не будешь ночевать дома? Совсем отбилась от рук. Что ты творишь? Подставляешь меня. Вчера. Сегодня. Сколько времени, Мишель?! Попробуй ещё раз сбросить мой вызов, отключить телефон, и я не знаю, что сделаю. Но придумаю жестокое наказание для тебя. Ты наказана, теперь ты, вообще, отсюда не выйдешь, — зло шипит он.

— Выйду. И я уже взрослая, чтобы самой принимать решения, где мне быть и с кем быть. Хватит. Наказания? Накажи себя в первую очередь, а потом уже тех, кто просто пытается выпутаться из этого всего. Ненавижу эти улыбки, это для тебя, но не для меня, — уверенно отвечаю я, снимая его руку с себя, а папа начинает ещё сильнее закипать.

— Что ты сказала? Да как ты, вообще, смеешь так со мной говорить?! Снова мне

разгребать потом твои проблемы! С кем ты была, Мишель?! — Он уже срывается на крик.

— С Сарой, она же сказала тебе, — пожимаю равнодушно плечами.

— Хватит, Мишель, хватит врать, — раздаётся голос от двери, и я оборачиваюсь на него, встречаясь с глазами Марка.

— Что? — Переспрашиваю я, а сердце просыпается, ускоряясь в своём отчаянии.

— Да, думаю, пора закончить эти тайные встречи. Не думаешь? — Продолжает он, медленно подходя к нам, а я сглатываю от страха.

Откуда? Откуда он может знать? Следил за мной?

— Марк, а ну-ка рассказывай. Какие встречи? С кем она проводит время? Ну, держись, Мишель, теперь ты крупно попала, — цедит каждое слово отец, а я опускаю голову, не веря, что этот парень оказался куском говна, как и все.

— С удовольствием, мистер Пейн. Потому что и мне это уже надоело. Ненавижу врать, — ухмыляется Марк.

Ублюдок.

— Дорогая, не обижайся, но я так больше не могу. Дело в том, что Мишель была со мной. Между нами... мы встречаемся, — улыбается парень, а я удивлённо приоткрываю рот, но тут же беру себя в руки и натягиваю улыбку.

— Правда? — Переспрашивает отец.

— Да. Простите, мистер Пейн, мы не хотели, чтобы кто-то знал. Ведь вы и мой отец так жаждали видеть нас вместе, а у нас характеры не из лёгких. Это нас раздражало... сильно раздражает до сих пор, словно мы глупые дети. Но сейчас я не могу слушать, как вы отчитываете Мишель из-за меня. Я попросил её вчера остаться рядом со мной, — продолжает Марк и подходит ко мне, обнимая за талию.

— Понимаю, я тоже был таким. Ну что ж, дети, я очень рад. Надеюсь, у вас всё сложится. Обрадую всех, — довольно произносит отец и оставляет нас одних.

— С ума сошёл? — Шепчу я, поворачиваясь к Марку.

— Молчи, Мишель. Потом поговорим, а сейчас играй роль, — обрывает он мои возмущения и подталкивает к гостиной.

Как только мы входим, тут же слышим восклицания отцов, смех матерей, и обиженные Амалии.

— Так поэтому ты, Марк, решил снять отдельное жильё? — Спрашивает Адам.

— Да, нам необходимо своё место, — спокойно отвечает Марк.

— Тогда я совершенно не против. Может быть, я лучше куплю вам квартиру, чтобы вы жили вместе? — Предлагает Адам.

— Они же не женаты, — возмущается мама.

— Ой, Сессиль, да брось, сейчас такая молодёжь пошла своенравная, что отрицают узы брака, предпочитая сожительство. И им нужно узнать друг друга в быту, а там и свадьба, — смеётся Кейтлин.

— Что? — Восклицаю я.

— Мы ещё не загадывали так далеко, поэтому не торопите нас. Нам и признание далось очень сложно, — Марк крепче стискивает мою талию, и я поджимаю губу.

Какая на хрен свадьба?! Какое сожительство?!

— Простите нас, мы отойдём. Я так по нему соскучилась, вы ведь понимаете, — говорю, хватая Марка за руку и таща к себе.

Я даже не получаю на это разрешения, потому что слишком зла на такой поворот

событий. Я влетаю вместе с парнем в спальню, закрывая дверь, и оборачиваюсь к нему.

— Совсем охренел? — Зло цежу я.

— Это ты идиотка, твой отец бы разорвал тебя, Мишель. Что мне оставалось делать? —

Разводит он руками.

— Я бы справилась, — заявляя, складываю руки на груди и воинственно смотрю в карие глаза.

— Ага, я видел. Ещё чуть-чуть и тебя, вообще, в клетку посадили. А так, я помог тебе.

— Смысл? Тебе-то что от этого? — Подозрительно прищуриваюсь я.

— От меня тоже отвалят. Отец задолбал своими нравоучениями, и мне нужно место, где я могу жить один. Я не хочу снимать отели, а эта ситуация выгодна нам обоим.

— Мда, — цокаю я.

— Брось, Мишель. Ты будешь со своим, а я буду развлекаться, как хочу. Только надо будет обговаривать время и место, где мы были. Для правдоподобности, — он так легко говорит об этом, что мне становится уж слишком не по себе от такой удачи. Ведь в жизни не может быть всё настолько просто.

— У меня нет своего. Я была у Сары, а сегодня мы занимались, — лгу я, а он недоверчиво изгибает бровь.

— Мне плевать, с ним или с ней. И вряд ли с ней, я уже понял тебя и твоё отношение к твоей бывшей подруге, — насмешливо говорит он.

— И как долго продержимся?

— Если будем друг друга предупреждать, то нам хватит времени для наших развлечений.

— Ладно. Только без поцелуев и тому подобного. Понял? — Воинственно выставляю палец впереди себя, а Марк закатывает глаза.

— И не собирался. Так всё же решила попробовать попкорн? Какой вкус выбрала? — Интересуется он, а я улыбаюсь его памяти о моём сравнении.

— Да, меняю наполнители в зависимости от ситуации, — отвечаю я, сбрасывая с себя все маски, и меня накрывает от усталости.

— Хорошо, только будь осторожна.

— Как и ты, — киваю я.

— Ну что, пошли развлекать публику, мы сегодня приглашённые звёзды, — он протягивает мне руку, улыбаясь ободряющей улыбкой.

Вкладываю в неё свою и позволяю этой нелепице течь по течению. Возможно, это и правильно, так у меня будут развязаны руки для встреч с Ником. Никаких преград, и я смогу хоть каждый день быть с ним по ночам. От такой перспективы я ещё шире улыбаюсь, когда мы входим обратно в гостиную.

Сорок второй шаг

— Доброе утро, Майкл, — говорю я, подходя к мужчине, ожидающему меня у входа в главный корпус университета.

— Доброе утро, мисс Пейн. Вам просили передать, — кивает он, указывая на вчерашнюю сумку в его руках.

— Ага, спасибо. Я сейчас переложу вещи, и отдайте это ему. Аренда закончилась, — я беру из его рук «Hermes Kelly» и достаю свои конспекты, документы, личные вещи и мобильный телефон. Уложив всё в свой рюкзачок, я возвращаю сумку шофёру с озадаченным лицом.

— Не волнуйтесь, Майкл. Передайте Нику мои слова, и он всё поймёт. Хорошего дня, — кидаю я, и разворачиваясь, иду к своему корпусу.

Моя улыбка моментально сходит с губ, и я возвращаюсь в свои переживания. Правильно ли я поступила, согласившись на эту авантюру с Марком? Хотя родители счастливы, согласны на все мои ночёвки вне дома, даже не спрашивая, предохраняюсь ли я. Нет, это им неинтересно, для них главное только то, что я и Марк вместе. Выгода. Она всегда есть и будет, и я решила, что раз они так себя ведут, то и я буду поступать так, как вижу нужным только для себя.

— Мишель, — меня под руку хватает Амалия, и я вновь надеваю беззаботность и улыбаюсь ей.

— Привет.

— И тебе. Вчера не получилось поболтать, но ещё пятнадцать минут до пар, и я хочу всё знать. Как? Почему? Зачем? — Выпаливает она вопросы.

Я с секунду смотрю в блестящие от ожидания глаза девушки, и внутри нет желания врать.

— Ами, я тебе скажу правду, ладно? Только, пожалуйста, никому, — предупреждаю я её, и она, нахмурившись, кивает, пока мы направляемся в наш корпус.

— Между мной и твоим братом ничего нет. Вообще, ничего и вряд ли будет. Мы соврали, чтобы от нас отстали. Вот и всё, — отвечаю я.

— Но... ты... он... вас же обоих тогда не было, — медленно говорит она.

— Да. Я была с одним человеком, а он развлекался. И мы хотим продолжать так жить, ведь по-другому... в общем, ты видела, как был зол мой отец. Да и ваш не особо рад, что Марк переезжает. А так все довольны и счастливы, — поясняю я.

— Блин, а я надеялась, родственниками станем, — грустно вздыхает она.

— Подругами быть тоже неплохо, — улыбаюсь я.

— А кто он? Ну, тот, с кем ты встречаешься? Вы спите вместе, да? То есть у вас есть секс? — Тихо спрашивает она.

— Я не могу сказать кто он. Но да... наверное, встречаемся. Всё сложно между нами, но мне нравится он. И да, мы спим, то есть у нас есть секс.

— Почему не можешь? — Мы останавливаемся, чтобы сдать одежду в гардероб, и девушка обиженно выпячивает нижнюю губу.

— Потому что мы так решили. Он, как бы сказать, не любит, чтобы о нём говорили, обсуждали его и лезли в личную жизнь. Он несколько замкнут в своём мире. Хотя и я такая же. Мы две одинокие души, которые пока вместе, — нахожу я объяснение, отчего Амалия

сдвигает брови.

— Он знаменитость?

— Нет, наоборот, он старается быть всегда в тени. И я не могу... не хочу говорить о нём. Ты и так знаешь больше чем другие, — я подхватываю рюкзак и вешаю его на плечо.

— А ты в него влюблена? — Она снова берёт меня под локоть.

— Да, в него невозможно не влюбиться. С каждым днём, с каждой встречей я открываю новые грани его души.

— И они прекрасны, ну да, ну да. Принц на белом коне, прямо для принцессы, — язвительно произносит она, а я хмыкаю.

— Нет. Не все его грани прекрасны, Ами. Есть чернота, но в нём... понимаешь, он прячет много света в себе, боясь показать, а я не могу не заглянуть глубже. Мне хочется знать его всего. И плохое, и хорошее. Я не могу сказать, что его пороки мне нравятся, но ведь если ты влюбляешься в человека, то принимаешь его полностью, кем бы он ни был.

— О, даже так? Но это хорошо, Мишель, хорошо, что он неидеальный. Потому что такие парни обычно бывают полными козлами и недостойными ничего в этом мире. Я сохраню твою тайну, и Марку тоже не скажу, что я в курсе ваших игр, — обещает она, когда мы останавливаемся у моей аудитории.

— Спасибо. Тогда до встречи, — целую её в щёку и приобнимаю за плечи.

— Только не утони в пороках своего тёмного рыцаря, Мишель. Выплывать будет очень сложно, — напоследок говорит она, и я ловлю себя на мысли, словно она понимает, кто тот самый неправильный принц моих фантазий.

Мне хочется спросить, откуда ей известно про нас, но Амалия уже идёт по коридору, направляясь в свою часть университета.

Или же это она так чувствует? А может быть, знает таких мужчин? Ведь каждая душа и сердце — это потёмки, в которых можно заплутать и потеряться без своего личного источника света.

Над головой звенит звонок, и я сбрасываю с себя наваждение и вхожу в аудиторию, поднимаясь на свободное место, и располагаюсь на стуле.

Из-за полной погруженности в жизнь Ника, я, оказывается, теперь отстаю по трём предметам, которые нужно в срочном порядке нагонять. Никогда я так не забывалась, чтобы иметь хвосты и брать дополнительные задания. Мне это не нравится, но и поступать иначе я не могу.

На паре по мировой экономике, когда я усердно записывала лекцию и одновременно делала задания по финансовой математике, изучая прошлые главы учебника, мой телефон проснулся.

Ник: «Мишель, добрый день. Насколько я знаю у тебя сегодня три пары. Буду ждать тебя у входа»

Сообщение от него вызывает во мне улыбку, но я спохватываюсь, что мне просто кровь из носа необходимо зайти в библиотеку и взять пропущенный материал.

«Привет. Да, верно, но я задержусь. Примерно на час», — отправляю.

В эти минуты мне становится страшно, потому что он может плюнуть на меня и мои нужды. Вернуться к своим демонам и позволить им забрать его, разорвать тонкие нити, которые начали нас связывать.

Я сцепляю руки в замок под партой, гипнотизируя экран «BlackBerry». Не понимаю, откуда этот бешеный стук сердца и поглощающая душу паника? Неужели, так над людьми

издевается эта неприятная любовь?

Появляется конвертик, и я быстро щёлкаю по нему.

Ник: *«Хорошо, крошка, тогда поужинаем вместе. Заеду за тобой в 17:30. Идёт?»*

Мне хочется рассмеяться от глупостей, которые бушевали ранее в голове.

«Конечно, как раз к этому времени освобожусь. До встречи». — Отправляю сообщение и возвращаю всё внимание... пытаюсь вернуть всё внимание на профессора, но через какое-то время я снова выпадаю из курса. Не могу не думать обо всём, что происходит в моей жизни сейчас.

Недавно, совсем недавно, я училась, жила по правилам родителей. А сейчас? Сейчас я с ним. А он? Он с каждой встречей открывает мне тёмные тайны своей жизни, и не знаю, смогу ли я принять их все. Как мне удастся перепрограммировать Ника? Как? Ведь он доминант, он должен быть непоколебим в своих жизненных ценностях. Раньше мне казалось, что невозможна такая любовь и отношения. Но сегодня я смотрю на эту форму жизни иначе, только Ник не только доминант, он ещё и садист. Могу ли я верить ему? Когда я с ним, то все вопросы улетучиваются, а когда порознь, то сразу реальность обрушивается на меня сильнейшим ледяным водопадом.

Мне всё же удаётся абстрагироваться от раздумий про будущее и Ника, вникнуть в предметы. Даже на обед я не пошла из-за того, что мне приходилось записывать дополнительные материалы, которые диктовали профессора. При этом повесили на меня ещё один доклад об истории экономики. И к концу занятий с кипящими мозгами, выжатая как лимон, брела в библиотеку, где собирались такие же, как и я, прогульщики и отстающие. В итоге места за компьютерами не было, и я села за стол, чтобы работать с книгами.

Мне кажется, что я так не училась никогда в жизни, пальцы от быстрых заметок болели, как и вся рука, а попа стала плоской от долго сидения, а точнее, ерзанья на неудобном стуле.

Только мысль о том, что я через пять минут увижу Ника, немного помогала передвигать ногами и не сорваться домой, чтобы заснуть долгим сном.

— Привет, — говорю я, устало плюхаясь на пассажирское сиденье «Астон-Мартина».

— Привет, Мишель, выглядишь...

— Ужасно, так и скажи, — слабо улыбнувшись, я повернулась в сторону Ника и вся тяжесть от формул и финансовых статей улетучивается вмиг.

— Нет, не ужасно, но не мешало бы тебе отдохнуть, — смеётся он, а я наслаждаюсь его блестящими глазами, ароматом одеколона, полностью им.

— И я голодная, — добавляю я.

— Значит, поехали ужинать, — говорит он, продолжая смотреть на меня.

Это странно. Он не отводит взгляда, словно ждёт чего-то от меня. А я уже придумываю себе объяснения вроде того, что выгляжу я отвратительно.

— Ник? — Зову его, и он моргает, концентрируясь на моём лице. — Что с тобой?

— Эм... нет, ничего. Поехали, — он отворачивается и заводит машину, выезжая с парковки.

— Куда едем? — Интересуюсь я.

— Там, где сможем поговорить и накормить тебя.

— Как прошёл твой день? — Меняю я тему.

— Хорошо. Узнал, что Шторм занял два призовых места, — гордо произносит он, а я улыбаюсь.

Мне больше не хочется говорить, только раствориться в его ауре. Это не объяснить

словами, скорее всего, эту лёгкость внутри можно лишь прочувствовать. Когда он близко, то все трудности кажутся мелочью, весь мир отходит на второй план. И остаётся Ник. Я могу расслабиться только с ним, впитывать в себя его кристаллические молекулы силы, чтобы они придали мне уверенности, когда его не будет рядом.

Мы паркуемся у незнакомого мне ресторанчика практически на окраине города. Ник выходит первым, помогая мне покинуть салон машины. Его рука такая горячая, что я снова отдаюсь всем своим душевным порывам. Мной движет только болезненное желание трогать его, прикоснуться к нему и стать ещё ближе.

Неожиданно для него я останавливаюсь прямо у входа, и моя рука скользит по его талии, а нос уже утыкается в его шею, вдыхая мужской аромат кожи.

— Мишель? Что такое? — Тихо спрашивает он.

— Ничего, просто замолчи и дай мне немного приторной сладости чувств, — шепчу я, обнимая его сильнее.

— Крошка, — его рука медленно поглаживает меня по спине, а вторая так и держит в своих тисках мою ладонь.

Я скучаю. Каждую минуту и секунду проживаю, словно в другом мире, а когда появляется он, то яркие краски тут же наполняют окружающее меня пространство.

— Всё, думаю, хватит, — говорю я, отстраняясь от него, ловлю насмешливо изогнутую бровь и полуулыбку.

— Пошли, — качая головой, Ник ведёт меня внутрь ресторана, встречающего нас тёплым домашним интерьером.

Посетителей немного, в основном столики пусты, и разговоры ведутся полущёпотом. Нас проводят к угловому столику в тени. Тут нет гардероба, приятно и спокойно. Цены не такие завышенные, как в центре и модных местах. Но я уверена, раз Ник привёл меня в это место, значит, оно стоит того, чтобы его узнали.

— А теперь хочу знать, что вчера было? — Спрашивает Ник, после того, как мы сделали заказ.

— В каком смысле? — Непонимающе смотрю на него я.

— Как отреагировал твой отец на опоздание? — Подсказывает он.

— Нормально, — пожимаю я плечами, но Ник скептически приподнимает брови и складывает руки на груди, ожидая другого ответа.

— Орал, злился, потом успокоился. Я сказала ему, что занималась у Сары, — нагло вру я.

— И он так просто съел наживку? — Прищуривается он.

— Не просто, а прочёл нотацию. Но я же сейчас тут с тобой, это означает, что я вольна передвигаться по городу и не под домашним арестом. Поэтому я всё уладила, тебе не о чем переживать, — заверяю я его, а он отводит глаза и упирается взглядом в свой пустой бокал.

— Не нравится мне это, Мишель. Можешь ко всем моим порокам приплюсовать параноика, но что-то ты мне не говоришь, — Ник наблюдает за мной исподлобья, но я стараюсь не выдать нервного напряжения в груди, продолжая улыбаться и делать вид, что он действительно всё раздувает.

— Ваш заказ, — произносит официантка, ставя перед нами закуски, разливая по бокалам воду, и уходит, оставляя нас наедине.

— Приятного аппетита, — говорит Ник.

— И тебе, — я беру приборы и накалываю спаржу.

— Мне нужно уехать... сегодня. Мы поужинаем, затем я тебя отвезу к твоей машине, а сам уеду из города, — неожиданные новости отрывают меня от салата, и я поднимаю голову.

— Хм, а почему ты мне это говоришь? — Откладываю приборы.

— Потому что у меня хорошая память, и последний раз, когда я уехал, ты была как минимум обижена тем, что я не поставил тебя в известность. Так что сейчас делюсь с тобой, и вроде так поступают партнёры в отношениях.

— Спасибо. Я не знаю, могу ли спросить, но всё же. Куда ты едешь? У тебя... ну... ты снова чувствуешь зависимость от... ты понял, — вздыхаю я, ощущая себя полной идиоткой от его улыбки на мои слова.

— Нет, — качает он головой. — Нет, Мишель. И ты можешь спрашивать. Я еду по другой причине.

— Какой? Что-то с Эмбер или Люси?

— Нет. Я еду в один реабилитационный центр, расположенный в десяти километрах от Торонто, — я слышу, как сложно ему говорить об этом, и сглатываю от продолжения.

— Реабилитационный центр? То есть ты проходишь какое-то лечение? — Шепчу я, придвигаясь ближе, полностью сбита с толку новыми открытиями его мира.

— Нет, это мой центр. Я открыл его, когда мне было девятнадцать. Сначала просто выкупил дом, сам отремонтировал его, нанял практикующего психолога, туда могли приходить все желающие. А потом начал расширять площадь и облагораживать это место.

— Твой центр, — повторяю я его слова, переваривая информацию. — А на чём он специализируется?

— «Кризисный центр помощи пострадавших от домашнего насилия». «Say No». Так называется это место, — Ник поднимает голову на меня, и в его глазах нет ни единой эмоции. Они жёсткие, холодные и заледеневшие.

Я не могу подобрать слов, чтобы хоть как-то прокомментировать его ответ. Только в груди становится больно из-за него... вместе с ним.

Тишина за столом начинает давить на меня, а я смотрю в его глаза, как и он в мои, продолжая резать меня острыми кристаллами. Я знаю, что он разозлился, не желая говорить об этом, но всё же ответил. Он ждёт от меня реакции, но я даже не слышу шума вокруг, только сердце, стучащее, как молот, в ушах.

Перед нами ставят горячее блюдо и разрывают наш зрительный контакт. Аппетита больше нет. Как только удаляется официантка, мне снова открывается обзор на Ника, откинувшегося на спинку кресла и наблюдающего за мной.

— Прости, — единственное, что удаётся мне произнести.

— За что? — Усмехается он.

— Я хочу спросить об этом, но боюсь твоей реакции, — шепчу я, сглатывая от мрачной тени, накрывшей его лицо.

— Боишься, — полушёпотом повторяет он, и я киваю.

— Почему?

— Потому что хочу узнать твою светлую сторону, Ник. Но ты так редко открываешь её, что после... сразу же наступает чёрная. И я боюсь этого, если будет это снова, то лучше ничего не знать, — отвечаю я.

— Сначала я купил дом, обычный одноэтажный дом. Сам его мыл, чистил, ремонтировал, покупал мебель, всё необходимое на первое время. Нашёл парня, который только окончил колледж и не мог найти работу. Он психолог. Я предложил ему работать со

мной, поселил в доме. Мы вместе раздавали листовки прохожим, клеили их по всему Торонто, чтобы люди знали, что теперь у них есть место, где они могут спрятаться. Мы давали только телефон, а когда нам звонили, мы сами ехали и вытаскивали людей из говна, привозили, отмывали, кормили и Аэрон начинал с ними работать, — он замолкает, чтобы освежить горло, пока я стараюсь даже не дышать, внимая его словам.

— Шли года, в это место я вкладывал все свободные сбережения, которые оставались после помощи матери с сестрой, оплаты университета и побочного бизнеса. Когда улетел в Лондон, я уже выкупил пятьсот квадратных метров земли. Шло строительство другого здания, стены, за которую никому не пробраться. Через год мы закончили. Центр набирал популярность среди бедного населения, пытались просто использовать наши запасы, кто-то пробовал воровать. С тех пор, мы открыли филиалы в каждом городе Канады. Туда может прийти любой и рассказать о своих проблемах, кому-то помогут прямо там, а кого-то направят сюда. Сейчас у нас огромная площадь, можно сказать, небольшой городок, где проживает и лечится в данный момент около трёх тысяч человек. Как только становится лучше, мы помогаем им вернуться в нормальный мир, приставляем к этим семьям наблюдателя. Работа, жильё, если желают переехать, то мы помогаем во всём. И сегодня туда привезли новых людей, одна из них семья... женщина с двумя детьми: мальчик и девочка. Мальчику девять лет, и он стал инвалидом из-за жестокости его отца. При избиении был повреждён позвоночник, но и на этом этот ублюдок не остановился. И я еду туда, чтобы организовать перевод этого ребёнка в клинику для точного диагноза. Вот так, — заканчивает Ник, поднимая на меня голову.

— Мишель, прекрати, я не для того рассказал тебе это всё, чтобы ты плакала, — он сжимает от злости губы, а я даже не чувствую горячих слёз, скатывающихся по лицу. Я до сих пор пребываю под впечатлением от его рассказа.

— Прости, — шепчу я, отворачиваясь от него и вытирая пальцами мокрые глаза.

Только вот не могу остановить поток слёз, они текут... текут, капая на мои пальцы. Мне больно, мне трудно дышать от любви к этому мужчине, от осознания насколько у него добрая душа.

— Прости, я сейчас, — я подрываюсь с места, чтобы убежать от него и справиться с непрошенными эмоциями и жалостью, но и Ник тоже встаёт, перекрывая мне путь, хватая за руку и притягивая к себе.

Упираюсь взглядом в его кромку свитера на шее и так сильно жмурюсь, что ощущаю давление в глазах. Но солёные слёзы собираются на губах, и я облизываю их.

— Мишель, здесь нет причин плакать. Почему это тебя так расстроило? — он, применяя силу, поднимает мой подбородок, заставляя открыть глаза и смотреть в его. А я не могу... слёзы заставляют помутнеть взгляд и из горла срываються жалостливые всхлипы.

— Потому что... ты... Господи, Ник, ты же... хороший... такой хороший, — сипло и надрывисто произношу я.

— Нет, Мишель, не обожествляй меня из-за того, что я занимаюсь этим. Так я замаливаю свои грехи, и не хочу, чтобы ты плакала. Я хочу только одного — прими меня, крошка, такого, какой я есть. Потому что благородство это не про меня.

— Но... но, Ник. Ты ведь помогаешь им. Ты же делаешь это не для пиара, не для того, чтобы тебе поклонялся весь мир. Ты делаешь это, потому что ты внутри... вот тут, — я кладу руку на его грудь, — тут ты прекрасен, как бы ты ни уверял меня в своём садизме. И я принимаю тебя, да несколько эмоционально, иногда неправильно... но я принимаю. Сегодня

я слишком устала и прости за слёзы, чувствую себя полной дурой. Но когда слышу о том, как издеваются над детьми... возвращаюсь, понимаешь? Я возвращаюсь в тот день, когда ты мне это говорил. И я... просто неконтролируемо.

— Мишель, — его взгляд скользит по моему заплаканному лицу, опускаясь к пересохшим губам. Подушечкой большого пальца он, сминая мои губы, проходится по всему контуру и возвращается обратно, встречаясь со мной глазами.

— Если бы ты была дурой, то я бы никогда тебе не позволил узнать о себе так много. И мне нравится твоя эмоциональность, она показывает мне всю твою чувственность, женственность и беспокойство. За меня. Слишком много информации на тебя свалилось в последнее время, я ведь говорил, что моё прошлое не такое как у Грея. Оно другое, и я не хочу, чтобы ты страдала из-за меня. Но я понимаю, что у меня родилось желание рассказывать тебе всё, потому что в твоих глазах я не увижу отвращения ко мне. Но сейчас нам надо окончить ужин, посему сходи в дамскую комнату, приведи себя в порядок и возвращайся. Возвращайся ко мне, я буду ждать.

Он наклоняется, оставляя поцелуй на моём лбе, и я слышу его тяжёлый вздох. Его руки, нежно и в то же время так сильно обнимают меня, и я задыхаюсь от полноты спектра любви к нему. Он удивительный, и я до сумасшествия хочу избавить его от маски, за которую он привык прятаться из-за своих страхов прошлого. Справлюсь ли я? Не знаю. Но попытаться-то я могу.

Сорок первый шаг

Я киваю и, отстраняясь от него, иду на поиски уборной. Приходится просить о помощи официанта и мне указывают путь. Как только я вхожу туда, то тут же открываю кран с холодной водой и плещу себе в лицо, поднимая голову, смотрю в зеркало.

Почему он отрицает существование в себе хороших черт? Он уверен, что его не за что хвалить, не за что им восхищаться. Почему? Какие грехи он замаливает? Этих девушек, которых чуть не убил?

Глубоко вздыхаю, приказывая не думать об этом. Обтерев лицо полотенцем, я выхожу из комнаты, двигаясь к нашему столику. Сажусь в кресло, и Ник отвлекается от своих мыслей, поворачиваясь ко мне.

— Всё хорошо? — Уточняет он.

— Да, всё хорошо, — кивая, беру в руки приборы, чтобы показать ему, что не хочу бояться его. Хотя аппетита нет, я всё же пробую уже остывшие равиоли с грибами.

— Почему ты так хочешь найти во мне что-то светлое? — Спрашивает он.

— Потому что я знаю, что это в тебе есть, Ник, — уверенно встречаю его взгляд.

— А если нет, Мишель? Если всё это лишь прикрытие, чтобы я выглядел не таким жутким?

— Вряд ли человек будет тратить тысячи, даже могу предположить миллионы, чтобы помогать людям. И ещё, вряд ли человек, делающий это только, чтобы отбелить себя, едет ради мальчика, чтобы самолично проследить за всем. Отрицай, что ты имеешь доброту, отзывчивость и делаешь это нехотя. Только вот ты обманываешь себя, убеждая, что ты злой и жестокий. Продолжай, но я буду решать сама, как видеть тебя, — чётко отвечаю я.

— Ты так веришь в меня, — качая он головой, задумчиво смотрит мимо меня.

— Нам всем нужен человек, который будет верить в нас. Иначе для чего партнёры?

— Только для секса, — хмыкает он.

— Прекрасно, — стараюсь быть равнодушной, но его слова ударяют по внутренностям, что они сжимаются, отвергая съеденную пищу.

— Если ты поел, то, может, отвезёшь меня? — Спрашиваю, вытирая рот салфеткой и, откладывая её.

Он молчит, только смотрит на меня, впиваясь взглядом в мои глаза. Борьба. Вечная борьба с ним. Он заявляет, что это только секс, хотя сам говорит, что я нужна ему. Врёт. Хочет обезопасить себя, только вот я это вижу. И во мне ещё больше вскипает желание противостоять его тёмной стороне. Я с вызовом поднимаю подбородок и скрещиваю руки на груди, изгибая вопросительно бровь. Он усмехается одним уголком губ, а затем качает головой, отводя взгляд.

— Ты упёртая, да? Хорошо, сдаюсь, Мишель. Между нами больше чем секс, это я должен был сказать? — Произносит он.

— Нет, ты должен это знать. И впредь, если решишь снова вывернуть всё так, когда я с тобой общаюсь нормально, то встану и уйду, Ник. Да, знаю, что ты против чувств и якобы их не испытываешь. Но у тебя есть слабости, и я вижу их. Поэтому ненавижу, когда ты такой. Мне хочется врезать тебе, — зло произношу я.

— Уйдёшь? Прямо так возьмёшь и уйдёшь? — Издевается он.

— Да. Хватит, Ник. Серьёзно, это ненормально. Ты хороший человек, и мне плевать на

твою жизнь. У нас отношения, так будь хотя бы немного честен со мной в них, — заявляю я.

— Я наелся, — он пропускает мои слова мимо ушей, подзывая официанта. Не могу побороть в себе раздражение от его изменившегося настроения. Ему смешно, он играет в какие-то игры сам с собой. А мне противно на это смотреть.

Как только он расплывается, я подрываюсь с места, яростно натягивая на себя пальто, и, не дожидаясь его, иду к выходу.

— Злючка, — смеётся он, догоняя меня и открывая дверцу машины. Я смеряю его надменным взглядом, и опускаюсь на сиденье пристёгиваясь.

Мы выезжаем, молча, как и продолжаем путь так же. Да, я злюсь. Ведь открыта для него, я рискую отношениями с родителями ради него. А ему, мать его, весело! Чёрт бы его побрал. Придурок!

Я громко фыркаю, с яростью поправляя ни в чём не повинное пальто.

— Хватит пыхтеть, крошка, — подаёт голос Ник, едва сдерживаясь от хохота.

— Я не чайник, чтобы пыхтеть, — язвительно отвечаю.

— Ты очень горячий чайник. Как мне нравится, когда ты так заведена. Трахнул бы прямо сейчас, — он продолжает насмехаться.

— Задолбал, — разворачиваюсь и ударяю его ладонью по плечу, что он резко тормозит.

— Мишель! — Он возмущённо поворачивается ко мне, а я хочу снова ударить его.

— Что, Мишель? Задолбал ты со своим хорошим настроением, когда мне его испортил, — бурчу я.

— Ты решила податься в садисты? — Он уже открыто смеётся.

— Придурок! — Крича, ударяю его снова по плечу. — Как же ты меня бесишь сейчас!

— Ну всё, крошка, — он перехватывает мою руку, только замахнувшуюся для нового удара.

— Не всё, — пытаюсь вырвать её, но он крепче сжимает запястье.

— Крошка, какая ты буйная, — улыбаясь, он целует мою ладонь.

— А ты лгун, — фыркаю я.

— Нет, всего лишь говорю всё так, как сам вижу. И если наши мнения расходятся, то это не ложь, а разное видение ситуации. Я знаю кто я, Мишель. Но ты пока и не догадываешься, насколько бываю жестоким, поэтому я не придаю значения твоим словам. Напомню тебе, я садист. Я обожаю причинять боль, — его голос спокоен и это начинает немного охлаждает меня.

— Да будь, кем хочешь, — прикрываю глаза от усталости, резко накатившей на меня.

— Но я же здесь. Рядом с тобой, а не в том месте, где могу получить своё личное наслаждение, верно? Так что успокойся, Мишель, — он снова целует мою ладонь и отпускает её.

Тру запястье, отворачиваясь и не желая больше обсуждать эту тему. Просто сил нет на спор с ним о его же душе. Я для себя всё решила, а он пусть что хочет, то думает и говорит. Только я буду верить в другое.

Мы в тишине доезжаем до университета, где я, не говоря ни слова, сама успеваю выйти из машины.

— Даже не попрощаешься? — За спиной раздаётся голос Ника.

— А ты заслужил? Вряд ли, Николас, — отвечаю не поворачиваясь.

Быстрым шагом дохожу до своей машины и сажусь за руль. Я вижу, что машина Ника до сих пор стоит там же, где и была. Не могу думать. Пошло оно всё.

Завожу мотор и выезжаю с парковки. Всю дорогу бросаю взгляд в зеркало заднего видения, замечая его машину.

— Придурок, — цежу я, но на губы непроизвольно улыбаются, что уже хихикаю, прибавляя газа.

Мне не удаётся оторваться от него, только когда я въезжаю на подземную парковку.

Я, поднимаясь в лифте домой, достаю телефон и набираю ему сообщение.

«Ты больной маньяк, преследующий меня»

Снова хихикнув на послание, я вхожу в квартиру, слыша разговор родителей в гостиной.

— Привет всем, — говорю я, прислоняясь плечом к косяку.

— Привет, Мишель, — улыбается мама.

— Ты сегодня поздно, — замечает отец. — С Марком была?

— Нет. Занималась, и сейчас пойду продолжу. У меня доклад, который надо сдать послезавтра. Ещё тесты и семинары. Доброй ночи, — монотонно перечисляю я и, не дожидаясь ответа, разворачиваюсь, поднимаясь к себе.

Раздевшись, принимаю душ и возвращаюсь в спальню. Заметив в телефоне конвертик, я, улыбаясь, беру его и подхожу к столу, попутно бросая рюкзак на ноутбук.

Ник: «Маньяк всё же переживает, чтобы его вспылчивая и обиженная жертва не натворила глупостей»

— Идиот, — качаю головой, откладывая телефон.

Я действительно стараюсь заниматься до полуночи, пока глаза уже не видят текста, а пальцы не гнутся.

Усталость берёт своё, и я проваливаюсь в сон, только утром прочитав новое послание.

Ник: «Ещё обижаешься?»

Я решаю не отвечать на сообщение и полностью отдаюсь учёбе. День проходит сложно, для меня сложно. Приходится полностью отрезать все переживания, все свои чувства и погрузиться в два теста, которые пришлось сдавать уже вечером.

Мой день сурка повторяется, только вот теперь сообщения от Ника уже кричат.

Ник: «НЕ ОТВЕТИШЬ, Я ТЕБЯ ОТЛУПЛЮ!»

«Маньяк не в духе?», — отвечаю я, перечитывая доклад.

Ник: «Мишель, чёрт бы тебя побрал, я придушу тебя, серьёзно! Я в городе, и сегодня ты со мной обедаешь или ужинаешь»

Разрешаю себе написать ему сообщение только после успешной сдачи предмета.

«Я не могу, у меня полно занятий. Как-нибудь в другой раз, маньяк»

Полдня от него не было ничего, и я продолжаю грызть гранит науки, это возвращает меня в привычный ритм и успеваемость. Но дома я снова раскрываю учебники, чтобы на завтрашнем тесте показать хороший результат.

Телефон пикает, и я отрываюсь от чтения.

Ник: «Если ты решила показать характер, то это глупо, Мишель. И теперь это меня сильно раздражает»

«Ник, я занимаюсь. Ты хочешь, чтобы меня отчислили из-за тебя?»

Я фотографирую стол, заваленный книгами и конспектами, и отправляю ему. Сообщение приходит, когда уже ложусь спать.

Ник: «Нет. Я просто хотел удостовериться, что ты прекратила свои обиды»

«Я не обижаюсь, остыла. Плевать, думай, что хочешь», — отправив послание, закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Утром, не найдя ни одного сообщения от него, фыркаю и спускаюсь к завтраку.

— Доброе утро, — говорю маме, пьющей зелёный чай.

— Доброе, дорогая. Я забыла тебе сказать, что сегодня вечером мы идём в оперу с Ллойдами. Немного развеемся. Они нас пригласили, — сообщает она, а я цокаю, кивая Лидии, ставящей передо мной глазунью.

— Во сколько? — Спрашиваю я, принимаясь за еду.

— В шесть мы уже выходим.

— Мам, у меня занятия до пяти. Я не пойду, — качаю головой, и в этот момент входит сестра.

— О, какие люди появились, — тянет она, садясь рядом.

— Затухни, — фыркаю я.

— Мишель, — возмущается мама.

— Что? — С вызовом смотрю на неё, откладывая приборы. — Наелась. Хорошего дня.

Я встаю, подхватывая рюкзак, висящий на стуле, и иду к дверям.

— Мишель, отец сильно разозлится, если ты не пойдёшь. И, неужели, не соскучилась по Марку? — Замечание матери заставляет меня остановиться.

— Вот только ради него и пойду, — цежу я, вылетая из столовой, на ходу хватая пальто, и в лифте уже одеваюсь.

Никуда не хочу. Хочу увидеть Ника, просто одним глазком на него посмотреть. Словно он чувствует мои мысли, в машине раздаётся телефонный звонок от него.

— Привет, — отвечаю я.

— И тебе доброе утро. Какие планы на сегодня?

— Иду в оперу с семьёй. А у тебя?

— Вообще-то, встретиться с тобой, — произносит Ник раздражённо.

— Не могу. Может быть, завтра? — Предлагаю я альтернативу.

— Мишель, скажи, все ещё злишься на меня?

— Нет, Ник, я уже не злюсь. Очень хочу увидеть тебя, но должна пойти. Прости, — тихо говорю, паркуясь у университета.

— Хорошо, я решу эту проблему, — бросает он и отключает звонок.

— Как? — Спрашиваю я гудки в телефоне. Набираю снова его номер, но он занят.

Бросаю взгляд на часы и выхожу из машины, торопливо направляясь в аудиторию. Я пытаюсь дозвониться до него целый день, и в три часа уже злая, отправляю сообщение:

«Ник, что ты задумал? Ты понимаешь, что пугаешь меня этим?»

Сообщение, на удивление, приходит моментально.

Ник: «Не бойся, крошка. Ты увидишь меня»

Это означает, что и он будет там? Он увидит меня с Марком и решит, что я с ним?

— Вот чёрт, — шепчу, понимая всю глупость сложившейся ситуации.

Лечу домой, не зная, что мне ожидать от этого вечера. Выбрав чёрное платье в пол, надеваю его и быстро укладываю волосы, нанося минимальный макияж.

— Вот видишь, что творит с тобой влюблённость, — улыбается мама, когда я сбегая по ступенькам вниз в назначенное время.

— Ага, — киваю я. — Привет, пап.

— Привет, как занятия? — Спрашивает он, помогая надеть мне пальто.

— Хорошо, всё сдала. А где Тейра? — Замечаю, что сестры нет.

— Она занимается, у неё два предупреждения, поэтому Лидия будет следить за ней. Ты

знала, что она прогуливает? — Обращается ко мне отец.

— Нет, — качаю я головой.

— Вот теперь знаешь. Вы же сёстры, Мишель, прояви заботу. У неё сейчас такой возраст, что ей необходимо...

— Вообще-то, это твоя дочь, а не моя, — перебиваю его, сжимая от злости за эти нравоучения клатч. — Поэтому я буду заниматься собой и своими занятиями.

— Мишель, — возмущённо говорит мама.

— А что? Разве я неправа? Ты тоже могла бы её воспитывать, а то один пропадает на работе, а другая на гольфе, — нагло заявляю я опешившим родителям.

— Если ты не в курсе, Мишель. Всё это, — отец зло размахивает руками, показывая на лифт, — оплачиваю я. И не тебе мне высказывать такое! Что за поведение? Откуда это?

— Прости, — но в моём тоне нет ни капли извинений. Отец отворачивается, мама поглаживает его по плечу, но он сбрасывает её руку.

Мы в таком непонятном настроении выходим из лифта и садимся в лимузин. Я достаю из клатча телефон, проверяя на наличие сообщений, но ничего.

Что он придумал? Вот ещё нервов мне сейчас не хватало? Я и так готова кричать и материться на всех.

Мы встаём в пробку, опаздывая на представление. И нам удаётся войти в здание оперы через пятнадцать минут после начала.

— Добрый вечер, Марк, — говорит отец, ожидающему нас парню.

— Добрый, — кивает он и улыбается мне.

Отвечаю ему быстрой улыбкой и передаю своё пальто отцу, забирающему номерок. Мы чуть ли не бежим к нашим местам. Я могу вздохнуть, когда мы рассаживаемся по сиденьям, и Амалия шепчет мне приветствие. Мне хочется уйти отсюда, но я пытаюсь хотя бы понять, о чём идёт речь внизу. Но даже сконцентрироваться не могу, потому что мои мысли все крутятся вокруг Ника.

В сумочке вибрирует мой телефон, и я достаю его, торопливо открывая от героя моих раздумий сообщение.

Ник: «Я в центральной ложе. Жду тебя, крошка»

Несколько слов, и я расцветаю внутри, запихивая «BlackBerry» в сумочку, и наклоняюсь к Марку.

— Я отойду, срочно надо, — бросаю ему свой клатч и быстро обхожу места, выскакивая в коридор. Оттуда по памяти я несусь к его ложе, пока сердце бешено скачет внутри.

Не успеваю открыть дверь, как меня хватают за руку и затягивают в тёмное пространство, закрывая на ключ дверь. Ник оборачивается ко мне и с силой толкает меня к стене. Сердце стучит сумасшедше, а его блестящие глаза, в которых освещаются огни со сцены, запускают тонкие нити горячительного напитка по венам.

— Два дня, крошка. Два грёбанных дня я тебя не видел, — шепчет он, проводя рукой по моим ключицам и хватая меня за шею, приподнимая лицо к его, отчего я только улыбаюсь.

— Я тоже скучала, Ник, — отвечая, запускаю пальцы в его волосы, притягивая к себе. Меня не волнуют больше его замашки садиста, глупая обида, обстоятельства, ведь он даже не применяет силу, лишь показывает свои владения. А я его. Полностью.

Его губы опускаются на мои скулы, и он покрывает их поцелуями. Его рука отпускает моё горло, и Ник пальцами стягивает бретельки платья, обнажая грудь.

— Хочу тебя, Мишель. Сейчас, — его яростный сексуальный шёпот заполняет мой

разум. Зубы обхватывают сосок, и я выгибаюсь, издавая стон, крепче сжимая его волосы руками.

К чёрту всё. Экстремальный секс? Согласна.

— Так трахни меня, — с вызовом отвечаю, когда Ник поднимает на меня голову, уже стягивая пиджак с себя.

Его губы изгибаются в зазывной улыбке, а пальцы медленно проходят по груди, щипая возбуждённый сосок.

Закусанная губа, и голова запрокидывается назад, пока тело оживает, пульсируя невероятным желанием и пустотой одновременно.

— Уверена? — Он обдаёт мою шею горячим дыханием, оставляя влажный поцелуй на ней.

— Да, — мои руки тянутся к его брюкам, и я дотрагиваюсь до его члена, сжимая его в ладони.

— Не будешь потом обижаться? — Его пальцы тянут молнию на спине, и платье падает к моим ногам.

— Нет, — улыбаюсь я, массируя его орган, и он отрывает мою руку от увлекательного занятия, вглядываясь в глаза.

Резко разворачивает меня к себе спиной, прижимая обнажённой грудью к бархату, обитых стен, скрывающих нас от любопытных глаз. Моё тело накаляется от его рук, ласкающих бёдра, опускающихся по животу в трусики.

— Уже влажная, — довольно шепчет он, проводя языком по шее и прикусывая кожу. Я могу только закусить губу с той же силой, с которой он круговыми движениями массирует мой клитор.

Растворяюсь в аромате возбуждения вокруг нас, схожу с ума от его губ и зубов, касающихся кожи, от его пальцев, проникающих в меня. Стон срывается с губ, и я выгибаю спину, только бы вошёл глубже.

Мои пальцы крепче впиваются в отделку, и я сжимаю её, пока по телу проносятся волны терпкого желания, окутывая разум. Я чувствую бедром его твёрдый член и трюсь об него, а его пальцы уже быстрее двигаются во мне, заставляя подстроиться под эти движения.

Я не слышу ничего: ни оперной певицы со сцены, ни аплодисментов, только его дыхание рядом. Чувствую его руки во мне, а другой он расстёгивает брюки и опускает их вместе с боксерами. Меня трясёт от безудержного животного осознания, что я буду заниматься сексом в том месте, где недалеко сидят родители, что нас могут увидеть, когда пронзительный луч пробежит по ложе.

Но ничего, только он.

— Ник, — выдыхаю я, ощущая, как его пальцы выходят из меня, и он отодвигает трусики, подхватывая мою ногу под коленом и на весу прижимая её в стене.

— Как же я хотел тебя, крошка, — рычит он в моё ухо и одним мощным ударом заполняет меня.

— Да, — стону я, получая массу впечатлений, концентрирующихся в пульсирующем естестве.

— Извращенка, — он выходит из меня, и новый удар, что я запрокидываю голову на его плечо.

Его рука обхватывает мою шею, и он сжимает её, но я не чувствую боли, только нетерпимое желание дойти до пика. Мелкие иголки покалывают ноги, а он сильнее

трахает меня, заставляя стонать, чуть ли не сливаясь с голосом певцом.

Водоворот дыхания, исполнения со сцены, аплодисментов, его стонов — наполняют меня до отказа. Мои пальцы до боли впиваются в ткань, и я двигаюсь вместе с Ником, обнимая его внутри. Становится невероятно жарко от его хрипов в моё ухо, от зубов на мочке уха, от его руки, сжимающей моё горло, что я уже сиплю, отвечаю на это животное совокупление.

Перед глазами темнеет, и я слышу, словно через вату в ушах, свой голос:

— Ещё, пожалуйста, ещё, Ник... сильнее...

Я чувствую его, каждый миллиметр его упругого члена, скользящего во мне. Неужели, можно быть ещё мокрее? Рваные движения, и я теряюсь в своих ощущениях. Внизу живота всё сводит от спазмов. Мне кажется, что можно умереть от волн наслаждения, прокатывающихся по телу.

Толчок. Его дыхание. Голос певицы. Толчок. Мой стон. Его рука сдавливает нежную кожу. Толчок. Взрывы в теле. Громкие аплодисменты вокруг. Мой крик с его именем сливается в шуме. Тело сотрясает в конвульсиях, что мне кажется, я сейчас рухну на пол от оргазма. Его гортанный рык, и я уже покачиваюсь на ласковых движениях Ника, вздрагивающего во мне и отпускающего горло, обнимающего за талию. Он просто впечатывает меня в стену, и я чувствую невероятную пульсацию внутри. Мои стенки обнимают его член крепче, не желая выпускать, и я судорожно выдыхаю, теряясь в пространстве.

— Боже, Мишель, — шепчет он, целуя меня в висок.

Мои руки трясутся, а перед глазами цветные огни, уши наполнены шумом, а губы покусаны и иссушены.

Ник медленно выходит из меня, отпуская ногу, и она чуть ли не падает, едва успевая найти равновесие на высокой шпильке. Я чувствую, как он прикасается к моим чувствительным складкам и стирает подтверждение нашей близости. Кукла, я не могу дышать, только упираюсь лбом в бархат стены и пытаюсь прийти в себя, пока повсюду включается свет, возвращая меня в реальность.

— Можешь стоять? — спрашивает Ник, поправляя мои трусики.

— Да, вроде бы, — шепчу я, поворачиваясь и прислоняясь спиной в стене.

Наблюдаю, как он натягивает трусы и брюки, поправляя рубашку и бабочку. Я стою перед ним с оголённой грудью, в одних трусиках и туфлях, даже без чулок. Мои ноги дрожат, мне необходимо сесть, но в то же время я должна быть в другом месте, ведь родители сейчас пойдут на антракт вместе с Ллойдами. Только эти мысли заставляют меня опуститься и подхватить валяющееся на полу платье.

— Я помогу, — с улыбкой предлагает Ник.

— Спасибо, — откуда-то берётся румянец на щеках, скорее всего, что я до сих пор чувствую аромат нашего секса вокруг нас.

Он расправляет платье и надевает его на меня, разворачивая к себе спиной, застёгивает молнию. Обойдя меня, он поднимает мой подбородок, глядясь своими дьявольскими глазами в меня.

— Не обижена? — спрашивает он.

— Нет, мне понравилось, — уверяю его, понимая, что совершенно не лгу.

— Мне тоже, не мог дольше терпеть. А теперь иди, я позвоню тебе или же напишу, — он быстро целует меня в нос и осматривает мою шею.

— Всё хорошо, — заключает он, подталкивая меня к двери. Но я не желаю уходить и плевать на всё. Сейчас мне хочется только остаться с ним или уехать, хоть что-то сделать рядом с ним.

Ник открывает дверь и выглядывает.

— Никого нет, иди, — он снова толкает меня, но я упёрто стою, смотря на него.

— Крошка, что такое?

— Ничего, я дрожу... я... Ник... я такая же, как ты. Извращена тобой и не хочу меняться, — шепчу я.

— Потому что ты моя, Мишель, — в его голосе столько нежности, что я подхожу к нему и обнимаю его за шею, оставляя на щеке поцелуй. Как же я скучала по нему эти дни. Вдохнуть его одеколон, смешавшийся с естественным запахом и понять, что его мне не хватает каждую секунду, каждого проклятого дня.

Отстранившись, я всё же прислушиваюсь к голосу разума и делаю шаг в светлое пространство.

— Мишель, — зовёт меня Ник я, оборачиваясь, ловлю его взгляд во мраке ложи.

— Я скучал. И да, между нами больше, чем просто хороший секс, — говорит он.

— Боже, — смеюсь, ощущая себя настолько влюблённой и лёгкой, что снова делаю обратный шаг к нему и оказываюсь в его руках, обнимающих меня.

— За тобой поисковую экспедицию отправят, — с улыбкой говорит он, заправляя локон за моё ухо.

— Это будет весело. Буду ждать от тебя сообщения, — и снова я дарю ему поцелуй только уже в кончик носа, отчего он морщится.

Смеясь, выхожу из ложи, направляясь на поиски родителей. В фойе, где полно людей, я останавливаюсь у зеркала. И вижу девушку с горящими глазами, красными щеками, как и шеей, припухшими губами и дышащую страстью. Только подмигиваю ей, продолжая свой путь.

Мне кажется, что каждый человек, мимо которого я прохожу в курсе, что у меня был офигенный секс, пока они все наслаждались представлением.

— Мишель, — окликает меня Марк, стоя недалеко у бара, в окружении родителей.

Подхожу к ним, и он передаёт мне мою сумочку, на что я киваю.

— Простите, было очень душно, мне необходимо было подышать, — объясняю своё отсутствие и горящую кожу.

— Да, что-то не так с их системой охлаждения...

Дальше я не слушаю Адама, он возвращается к новой теме для обсуждения с родителями.

— Ты больная? — Шепчет Марк мне на ухо, обнимая за талию.

— В каком смысле? — Удивляюсь я, поворачиваясь к нему, что наши лица оказываются близко.

— Да от тебя несёт сексом, — кривится он.

— У тебя богатое воображение, — пожимаю я плечами, снимая с себя его руку, и подхожу к Амалии, появившейся с бокалом шампанского.

— О, ты читаешь мои мысли, — говорю я, перехватывая напиток и залпом выпивая его. Пузырьки лопаются на языке, и я улыбаюсь, пьянея моментально. Хотя сейчас я опьянена Ником и нашим сексом.

— Ни фиги себе жажда. У тебя температура? — Спрашивает она смеясь.

— Да, повышена... очень, — тяну я, находясь под воздействием недавнего приключения.

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Прекрасно, — я смеюсь, чувствуя себя слетевшей с катушек от любви и страсти в теле.

— Мда, тебе полезно ходить в оперу, — хмыкает она.

Мы продолжаем стоять, обсуждая наряды находящихся здесь представителей женского пола. Мой взгляд останавливается на движущемся сквозь толпу мужчине. Он словно чувствует мой взгляд и замирает оборачиваясь. Ник улыбается, подмигивая мне. И я прячу довольный взгляд, опуская голову, при этом улыбаясь, как глупая дура.

— Нет, с тобой точно что-то произошло, — говорит Амалия, наблюдая за мной.

— Да всё нормально просто я, наконец-то, сдала долги по учёбе и теперь свободна, — пожимая плечами, ищу глазами Ника, испарившегося среди толпы.

От последующих копаний в моём состоянии меня спасает звонок, оповещающий о продолжении представления. Я подхожу к Марку, недовольно встречающего меня взглядом. Он обнимает меня за талию, демонстрируя родителям наши отношения, а они только перешёптываются, довольные нашими псевдоотношениями.

— Мишель, не делай так... это опасно, понимаешь? — Шепчет Марк, пока мы идём в сторону наших мест.

— Отвали, серьёзно. Это тебя точно не касается, — отрезаю я.

— Наживёшь ты себе проблем, — качает он головой, а я зло сжимаю губы.

— Следи за своими, начни жить, ты же этого хотел. И да, секс в опере это прекрасно. Попробуй, видно, у тебя нехватка этого, — язвительно произношу я, изображая на губах милую улыбку.

— Зато у тебя с этим передоз, — фыркает он.

— Марк, да что с тобой? — Удивляюсь его настроению.

— Ничего, — бурчит он, помогая мне сесть, и сам плюхается рядом.

— А честно? — Наклоняюсь к нему.

— Ничего, сказал же. Отвали теперь ты, продолжаем изображать голубков, — он раздражённо передёргивает плечами, а я цокаю, поворачиваясь к Амалии и улыбаясь ей.

Я даже не слежу за тем, что происходит на сцене. Мой взгляд блуждает по залу и останавливается на тёмной ложе. На губах расцветает улыбка, а рука тянется к горлу, всё ещё горящему и ощущающему захват Ника.

Да, меня возбуждает его жёсткость вперемешку с нежностью. Я не могу смотреть на него, не могу оторваться от него, и не хочу этого делать. Пусть всё идёт так, как это прописано где-то.

Разве имеет значение, где любить его? Нет. Никакого. Это делает вас ближе. Ты доверяешь партнёру полностью, зная, что он не подвергнет тебя опасности. И это облегчает жизнь, когда ты передаёшь свою судьбу в его властные руки. Я уверена, что Ник почувствовал эту перемену во мне, поэтому позволил себе большего. А я хочу этого большего, возможно, тогда он поймёт, что тоже может разрешить себе чуточку сладостной нежности.

Сороковой шаг

— Доброе утро, — говорю всему семейству, собравшемуся за завтраком в столовой.

— Доброе, — улыбается мама. Отец даже не обращает на меня внимания, вспоминая вчерашний день и, видимо, до сих пор пребывая в состоянии раздражения. Тейра переписывается с кем-то и тоже не поднимает головы.

— Мишель, что будешь? — спрашивает Лидия, когда я вешаю рюкзак на стул и сажусь за стол.

— Только сок и фруктовый салат с йогуртом, — отвечаю я.

— Пять минут, — бросает домработница, скрываясь на кухне.

— Итак, не хочешь ни за что извиниться? — интересуется отец, всё так же изучая газету.

— Нет, — пожимаю плечами.

— Мишель, — мама с укором смотрит на меня, а я только усмехаюсь.

— Да?

— Вчера ты сбежала и даже не предупредила нас, — продолжает она, а я цокаю, потому что нечего мне сказать.

— И?

— Ты считаешь, такое отношение допустимым? — Папа бросает газету на стол, опрокидывая кофе, и вскакивает с места, шипя проклятья.

— Мы с Марком просто уехали. Ты же этого хотел, так что ты тут сцены устраиваешь? — Равнодушно смотрю, как мама пытается не испачкаться и тоже подскакивает, а отец осматривает идеальный костюм.

— Вы могли бы хотя бы нас предупредить! А взяли и исчезли, — он уже повышает голос.

— И что дальше? Исчезли, чтобы потрахаться, — я отчего-то извращено наслаждаюсь злым выражением лица отца, испуганной мамой и смешком от сестры.

— Мишель Пейн! Ты совсем с ума сошла?! Тебе сколько лет? — Отец орёт так громко, что мои уши начинают звенеть.

— Девятнадцать. И да, сексуальная жизнь у меня очень красочная. Не стоит переживать об этом, как и том, что внуков я вам не планирую, — заявляю я.

— Тогда вы женитесь! Это что такое? Как Марк может так вести себя... ты... уму непостижимо! В какие неприятности мы ещё из-за тебя влипнем? — Орёт он, активно жестикулируя руками.

— Никакой свадьбы. Я встречаюсь с Марком, вы этого все хотели. Мы проводим время вместе, и это тоже было в ваших планах. Так, чёрт бы вас подрал, что вы ещё хотите от нас? Хватит уже указывать. Мы оба понимаем, что делаем и нам хорошо вместе. Было намного лучше, пока ты не заставил его признаться, — я не могу сдержать гнев и цежу каждое слово с ненавистью на себя за эту ложь.

— Но это неправильно! — Отец опускает кулак на стол, что приборы звенят.

— А что правильно, а папа? Правильно поливать грязью людей, и наслаждаться слухами? Или же правильно предлагать меня каждому встречному мужчине, лишь бы он помог тебе? А может быть, вот это правильней — желать своей дочери только роль проститутки? Я слышала, как ты после оперы разговаривал с этим придурком о том, что

если у нас с Марком ничего не выйдет, то ты с удовольствием поможешь ему со мной. И я знаю этого человека, папа. Это Роберт Глэм, он работает на Ни... на Вуда! При этом ты очень красноречиво пообещал ему просто продать меня за акции компании «W.H.»! Это правильно? Ни хрена это ненормально! Я взрослая и решать буду только я, но никак не ты. Когда деньги затмили твой разум? Когда ты стал таким? — Кричу, выплёскивая весь гнев, всё отвращение за вчерашнее и тоже поднимаюсь на ноги.

— Что? Ты всё неправильно поняла...

— Да ладно? Всё я поняла верно! Это твои слова. Твои! Откуда у тебя такая ненависть к Николасу Холду? За что? За то, что он поставил тебя на место, когда ты пытался его унижить?

— Это не твоё дело! Я делаю всё, чтобы ты продолжала свою роскошную жизнь! А Роберт обещал помочь! Да что ты знаешь? Ничего! Этот Холд никто, приживалка на шее Вуда, а лезет везде. Сам про себя распространяет слухи, пытается быть первым и главным. С его подачи все начали думать, что он глава корпорации. А оказывается, нет. И я ещё был любезен с ним! Да кто этот сосунок такой?! Он скользкий, отвратительный тип. Да я уверен, что он связан с криминалом. Он посоветовал Вуду отказать нам, хотя мы предложили самые выгодные условия. И почему это ты так его защищаешь?

— Не защищаю! Я смотрю на всё с другой стороны. Он не тот человек, который будет про себя говорить или же распространять слухи. И ты должен быть любезен, это этикет, которым вы тыкаете носом каждому! Ты не знаешь его, чтобы оскорблять! И если он так посоветовал Райли, значит, это его решение. А Вуда никто не заставлял выполнять его слова, верно? Так, может быть, причина всех проблем не то, что они не хотят вливать свои сбережения в вашу компанию? Ты просто им завидуешь, что они в свои года имеют больше, чем ты сейчас! И не смотри так на меня, потому что я права. Я полностью права, и ты не имеешь никакого права меня вмешивать в это! Я неутешительный приз. Я человек, которого ты задолбал со своими мнимыми манерами. Если раньше было терпимо, то сейчас невыносимо слышать, в кого ты превратился! Это не мой папа! Не мой! И да, на этих выходных я буду с Марком! Лучше с ним, чем тут с вами изображать образцовую семью без любви и уважения! И мне плевать на твои взгляды и планы! Я всё сказала, — срываю рюкзак со стула и уже намереваюсь уйти, как слышу уже более спокойный голос отца.

— Мишель, я не хочу ругаться с тобой, потому что ты ещё юна, чтобы понимать всю ситуацию. Я спишу твою вспыльчивость на гормоны и женскую сущность. Но не желаю, чтобы ты общалась ни с одним из этих мужчин. Теперь они мои враги, они топят нас. А, значит, и тебя. Я не против твоих отношений с Марком, и даже желаю вам счастья. Только будь благоразумной.

— Я всегда благоразумна, — отвечаю не поворачиваясь.

— Тебе напомнить? — Усмехается отец.

— А напомни, что же я такого сделала? Я следовала твоей указке, встречаясь с Теренсом. Не пила и не курила, также не употребляла ни одного запрещённого препарата. Я только защищала свою жизнь, когда он пытался меня избить до смерти за дозу. Так напомни мне, пожалуйста, кто в этом виноват? Кто насильно толкал меня туда и даже не слышал меня?! Ты кричишь о нашем положении, только вот в тот день все показали тебе средний палец. С меня довольно твоих советов, у меня есть своя голова на плечах, и я буду общаться с теми, кто мне нравится. Хоть с бездомными, и тебя это не должно волновать. Хорошего дня, — бросаю я тишине позади и иду в сторону холла, чтобы подхватить своё пальто и

направиться в университет.

Не понимаю, что произошло в наших отношениях с отцом. Неужели, я стала смотреть на него, как Ник? Но его слова, довольный голос Роберта вчера меня настолько разозлили, что не смогла терпеть больше. Мне хотелось ударить их, накричать и сказать, насколько они глупы. Они так ненавидят Ника, потому что не знают, как ему удаётся подчинить себе Райли. Они ничего не знают! Не знают, насколько он замечательный и умный. А обсуждают его, словно он террорист их банковских счетов.

Да, мне стало обидно, что моего любимого человека втапывали в грязь за его спиной. А в лицо, уверена, этот Роберт будет улыбаться и пресмыкаться. Слизняки. Ненавижу их.

Адреналин в крови подскочил до немыслимой отметки, что едва не попала в две аварии на дороге. Пришлось посидеть в машине, чтобы немного успокоиться.

«Привет, я соскучилась», — набираю сообщение Нику и бросаю телефон в рюкзак, отправляясь на пары.

Я не знаю, что будет дальше, но внутри меня разрывает. Мне необходимо поговорить с кем-то, и перед парами я решаю поискать Амалию, но её не было. Позвонив ей, узнала, что она заболела и дома.

— Привет, — отстраненно говорю Саре, садясь на своё старое место по центру аудитории.

— Эм, привет, Миша, — отвечая, она удивлённо смотрит на меня.

— Как дела? — Спрашиваю я, доставая конспект.

— Нормально. Ты как? — Она ещё больше распахивает глаза, не ожидая от меня диалога. Но, может быть, хватит нести в себе эту обиду? Ведь я скучаю по ней, она необходима мне.

— Отец достал, не понимаю, что он хочет от меня, — вздыхаю я.

— Я так... только уточняю, ты простила меня? Я, правда... честно, Миша, не была там. А с Николасом...

— Забудь, я пережила это. Мне просто нужно было время, чтобы обдумать всё. И сейчас хочу попробовать снова дружить, но знаю, что как раньше у нас не будет ничего. Ты давила на меня, а я не могу... не хочу больше терпеть этого, — говорю я.

— Хорошо. Может быть, пойдём вечером куда-нибудь? — Предлагает она.

— Скорее всего, я не смогу, у меня планы.

— С кем?

— С Марком, — вру я. Пока рано открывать все карты, да и не могу, это запрещено.

— О, он прикольный. Хотя не в моём вкусе, — смеётся она, и я киваю, не зная, о чём говорить дальше.

Пары начинаются в своём сумасшедшем темпе, но я до сих пор не могу отойти от разговора с отцом. Помню, как Роберт смотрел на меня, когда я была с Люком. И это неприятно, словно его скользкие пальцы лапают меня.

Кривлюсь от отвращения, бросая взгляд на молчаливый телефон. Уже прошло три часа, а от Ника нет ни одного сообщения. У меня нет вариантов, не могу даже придумать оправдание для него. Может быть, вчера он добился своего, заставил меня сказать, что мне понравилось, и исчез? Но я не чувствую грязи в себе, совершенно не ощущаю этого. Мне кажется, что вчера в его руках я была настоящая, без каких-либо запретов. И его слова... они же были.

«У тебя всё хорошо?», — в два часа дня отправляю новое сообщение Нику, так как уже

места себе не нахожу, сидя в кафетерии, пока Сара набирает обеды.

— Держи, — она ставит передо мной салат, и я киваю ей в знак благодарности.

— Скажи, помнишь, ты говорила, что предпочитаешь жёсткий секс, — начинаю я, а подруга прищуривает глаза, медленно кивая. — Так вот у тебя есть табу? Ну, то, что ты никогда не позволишь мужчине?

— Конечно, они у всех есть. И ты спрашиваешь... Миша, ты что переспала с кем-то? — Шепчет она, придвигаясь ко мне.

— Хм, да. С Марком, и, в общем, он посмотрелся оттенков и его попёрло. А я даже не знаю, как на это реагировать. У тебя были настоящие Доминанты? — Спрашиваю я.

— Блять, Миша, и я не знала об этом. Это же событие века! И как? Тебе понравилось? — Она с горящими глазами закидывает меня вопросами, а я цокаю, так и не получив ответа.

— Понравилось, и я задала вопрос. Мне это нужно знать, — напоминаю ей.

— Настоящие Доминанты? — Уточняет она, и я киваю. — Да, был такой. С ними легко, смысл этих отношений в том, что ты полностью доверяешь партнёру. В самом начале вы обговариваете свои табу, и ты перестаёшь думать о том, что что-то неправильно. Он об этом думает, он знает всё. И по мне, так это самые возбуждающие отношения. Он твой хозяин. А игры могут быть разными, — произносит она, каждый раз вижу, как подбирает слова.

— А, к примеру, секс в общественных местах. То есть он сказал тебе нагнуться в туалете, и ты подчинилась. После этого не чувствуешь себя использованной?

— Нет, — смеётся она. — Нет, это же всё происходит по обоюдному согласию. Ты хочешь его, а он следит за тем, чтобы никто вас не увидел. И это... само чувство опасности очень возбуждает.

Я замолкаю, сравнивая наши ощущения. Да, тогда в туалете секс был невероятным, как и каждый с Ником. Но он принудительно меня возбудил, чтобы я подчинилась. А вчера... я сама бежала к нему.

Мы заканчиваем обед под расспросы Сары о моём первом разе, и мне пришлось врать о красоте, которая сейчас кажется мне приторной. Ведь мой первый раз был идеальным. Грубым и в то же время нежным.

Последняя пара прошла уже в моих душевных метаниях. Ник так и не ответил мне, и я была готова сорваться и ехать к нему, чтобы закатить истерику. Но, когда подъехала к комплексу, то ощутила в груди неприятное чувство. Глупость. У него ведь могут быть дела, а я как идиотка разорусь из-за этого.

Пришлось развернуть машину, и смиренно ожидать хоть отголоска чувств, которые я вчера ощутила от него. Мне необходимо отвлечься, занять эти промежутки времени, и я вспоминаю, что в багажнике до сих пор лежит фотокамера. Решив, что это самый верный способ прекратить нагнетать внутреннюю обстановку, направляюсь в ближайший парк.

Давно уже я так не расслаблялась. Мне нравится смотреть на мир через призму фотоаппарата, словно могу волшебным образом изменить всё, заставить время остановиться и запечатлеть это.

Неожиданно на меня налетает велосипедист, и я с громким криком падаю вместе с ним на землю. Камера вылетает из моих рук, и я даже не ощущаю физической боли, а только пытаюсь не разреветься после того, как до моего слуха долетает скрежет и бьющееся стекло.

— Прости... прости. Я задумался и... прости, — парень быстро поднимается с меня, запрыгивая на велосипед, и бросает меня, лежащую на земле и с разбитой камерой рядом.

Я сажусь, собирая осколки, и всё же слёзы, скопившиеся за весь день, скатываются по щекам. Обида на отца, на Ника, моя безответная любовь, тупик... везде тупик. Даже с ним. И я одна. Словно это не камера разбилась, а что-то серьёзней и внутри меня. Ведь сейчас я уже жалею... чертовски жалею о том, что вчера так повела себя. Я поступила ужасно по отношению к самой себе, а сейчас... чувствую себя настолько униженной, что только и успеваю смахивать слёзы. Я нахожусь в непонимании его поведения. Почему он пропал? Почему даже не объяснил ничего? Почему я заставляю себя испытывать отвращение к самой себе? Но его нет! Нет!

Не знаю. И от этого становится мрачнее, мне ничего не остаётся, как брести к машине и сложить всё, что удалось собрать от фотоаппарата, в сумку. Может быть, я смогу починить его?

Мне кажется, что день сегодня не задался с самого утра. Словно я расплачиваюсь за то, что вчера была счастлива.

Припарковав машину у дома, я вылезая из неё и неторопливо иду к входу, смотря себе под ноги и пиная камушек.

— Мисс Пейн, — меня окликает знакомый голос, и я оборачиваюсь, а сердце уже набирает обороты от одного пришельца из его жизни.

— Майкл... что вы тут делаете? Где Ник? — Прочистив горло, нервно спрашиваю я.

— Он немного занят, но просил вам передать вот это, — мужчина указывает на несколько пакетов в его руках.

Душа поёт от счастья, ведь это одежда. И это означает, что у нас будет выход куда-то. А я дура уже придумала столько себе, всё оказалось проще. Ник честен, пора бы это уже запомнить. Он не трус, не убежит от меня, не объяснив своих решений.

— Спасибо, — беру пакеты и, улыбаясь своим мыслям, несусь домой.

Как же хорошо, что мой разум вовремя включился, и я не совершила глупость заявиться к нему и показать, какой истеричкой он меня сделал. Иначе бы чувствовала себя маньячкой. Хотя такая и есть. Я помешалась на Нике и своих переживаниях. И теперь, крепче сжимая в руках пакеты, я готова прыгать от радости.

Зайдя в квартиру, не обращая внимания на приветствие Лидии, поднимаюсь к себе и бросаю свою ношу на постель.

Так, теперь надо решить с Марком, ведь он обещал меня прикрывать. Даже после вчерашнего, когда я сбежала, он пошёл со мной, чтобы удостовериться, что я благополучно доберусь до дома. И это меня раздражало, как и его бурчание о моём характере, на что я высказалась. И сейчас, набирая его номер, надеюсь, что он уже отошёл и больше не злится. Пока идут гудки, я открываю пакеты в поиске конверта и, найдя его, кладу рядом с собой.

— Марк, привет, — говорю я в трубку.

— Привет, что тебе? — Он до сих пор недоволен после вчерашнего вечера, на что я закатываю глаза.

— Скажи всем, что мы будем выходные вместе. Я буду у тебя с пятницы по воскресенье. Если что-то изменится, я тебе напишу. О'кей?

— О'кей.

— Спасибо, — пою я, уже собираясь нажать на красную кнопку, как слышу его голос в трубке.

— Мишель, только будь аккуратна. Я постараюсь меньше попадаться на глаза людям, только по ночам. Но ты... тоже. Я не хочу, чтобы всё рухнуло из-за твоей тупости.

— Задолбал, серьёзно. В чём твоя проблема, Марк? Мы договорились, так прекращай вести себя, как папочка. Ты или помогаешь мне, или пошёл в задницу, — озлоблено цежу я.

— В задницу-то я не против пойти, не пробовал. И я помогаю, но всё же...

— Всего хорошего, Марк. Потрахайся, — перебиваю его, выключая телефон.

Придурок. Бесит меня эта его забота и выдумки о плохом исходе. Я отмахиваюсь раздражённо от этих мыслей и бросаю взгляд на пакеты и конверт с письмом.

— Мишель, я могу войти? — Раздаётся стук в дверь, и я в спешке сбрасываю пакеты на пол, задвигая их под кровать.

— Да, конечно, — отвечаю я, вставая и встречая маму немного удивлённо.

— Мне бы хотелось с тобой поговорить, — мягко произносит она, входя в мою спальню.

— Если ты о том, что было утром, то я не собираюсь извиняться, — отрезаю я, складывая руки на груди.

— Я и не прошу. Я лишь хочу просить тебя быть немного мягче с отцом, он переживает, и я уверена, что ты слишком бурно среагировала на его разговор с тем мужчиной. Скорее всего, всё было не так. И он не хочет тебе участи той, о которой ты думаешь. Он просто хочет видеть тебя счастливой, — улыбается она, а я кривлю нос, словно чувствую гниль вокруг себя.

— Тогда пусть оставит меня в покое, мам. Скажи, почему он так ненавидит Ника? — Спрашиваю я, а она глубоко вздыхает и отрицательно качает головой.

— Я не знаю, Мишель. Даже предположить не могу, но всё изменилось после нашей поездки в Оттаву. Всё крутится вокруг бизнеса, твой отец пытается... очень пытается хоть как-то спасти компанию. Половину штата распустили, и он паникует, но ему ведь нельзя показывать страхи. Он плохо спит, в последнее время жалуется на сердце, и, Мишель, немного пожалей его. Если компания обанкротится, то и мы останемся на мели. Наши затраты превышают достаток сейчас. И, скорее всего, если так всё будет продолжаться, то нам придётся продать квартиру в Нью-Йорке.

— Но как? Почему всё настолько плохо? Ведь мы не вкладывали финансы ни в недвижимость, ни в акции, никуда. Как такое произошло? — Шепчу я, переваривая её слова.

— Не знаю, я в этом не понимаю, но наша светская жизнь обязывает иметь всё самое лучшее.

— Так урежьте эти траты. Тейра переживёт без новой коллекции Шанель.

— Мы не можем, как на нас посмотрят люди, Мишель? И так они уже тыкают пальцами в нас, за спиной шепчутся. Мы не можем так низко упасть.

— А что, сосать палец, но носить дорогую одежду и платить за членство в клубах, намного лучше? — Возмущаюсь её словам. — Переживём.

— Ты не понимаешь, — качает она головой.

— Нет, не понимаю. Зачем вы так стремитесь туда? Неужели, не проще жить теми, кто вы есть?

— Потому что я оттуда, если ты забыла. И я не хочу опускаться, ведь это означает мои родители, были правы! Всё! Больше не хочу говорить об этом. Будь с отцом мягче, а остальное не твои заботы, — я первый раз слышу, как мама повышает голос, и её лицо преобразается в ужасную маску.

Она разворачивается и выходит из моей спальни, оставляя меня опешившую и непонимающую ничего. Я даже не знаю, как... что сказать самой себе на эти новости. Мне всего девятнадцать, и я могу пойти подрабатывать. Мне плевать на слухи и разговоры за

спиной. И мама может пойти работать, в конце концов! Что за чёрт происходит вокруг меня?

Тридцать девятый шаг

Опускаюсь на постель, глубоко вздыхая. Я не имею никакого права вмешиваться в эти дела между отцом и Ником, но всё же семейные узы поработают душу, и я уже ищу слова, чтобы попросить Ника немного помочь отцу. Но я тут же отрезаю эти мысли. Нельзя. Не могу.

Сейчас словно стою между отцом и ним, не зная, куда сделать шаг. Может быть, поговорить с Ником? Хотя бы немного понять суть их проблем. Хотя могу ли я? Он только начал доверять мне, и это будет равняться моей меркантильности.

Я бессильна в данной ситуации, и пока буду наблюдать. А если будет плохо, то тогда обращусь к Нику. Я знаю, что он поможет хоть как-то, но поможет.

Вспомнив о том, что под кроватью валяются пакеты, опускаюсь на пол, заглядывая под неё и доставая вещи.

Мои пальцы вскрывают конверт, и я улыбаюсь, рассматривая его резкий почерк. Я словно ощущаю его силу, которую он вдохнул в меня. Чувствую в себе невероятный подъём благодаря ему. Раньше бы я смолчала, ушла и покорила. Но сейчас готова отстаивать своё, защищать или, же биться за это до победного окончания. Теперь я начала ставить свои желания превыше всего. И это всё... новая я проснулась только из-за Ника.

Улыбаюсь, возвращаясь к письму.

«Крошка, сегодня я бы хотел тебя пригласить на первое наше настоящее свидание. Майкл передаст тебе вещи, которые я выбирал для тебя. Надень это для меня, потому что я вижу тебя именно так.

В семь вечера за тобой заедет Майкл, не бери никаких вещей, только документы, телефон и то, что тебе необходимо. Я надеюсь... планирую, что мы проведём эти дни вместе. Если у тебя будут с этим проблемы, то я решу это.

И, Мишель, даже не думай обижаться из-за вчерашнего. Для меня это было иначе, чем в тот раз. Ты была полностью моей, и это подтолкнуло меня к одному очень важному решению.

Я буду ждать тебя, даже если ты решишь не прийти.

Н.Х.»

Закусываю губу от всплеска эмоций внутри. Их так много, что не знаю, какой отдать предпочтение. Моё сердце наполнено, и сейчас даже не думаю о том, чтобы переживать из-за его реальной роли садиста. Я просто отодвигаю эти мысли, желая быть с ним вот таким.

Уже не удивляюсь, finding пару новых чулок и бельё всё чёрного цвета. Следом я достаю платье в стиле бюстье из чёрного гипюра, покрывающего бежевую основу на тонких бретелях. Бархатные туфли и дизайнерская сумочка.

Раскладывая всё это на постели, смотрю на наряд и качаю головой от слишком пошлых мыслей, рождающихся в ней.

В течение двух часов готовлюсь, словно этот вечер должен быть поворотным в моей жизни. Я так чувствую, сердце не может успокоиться, а руки трясутся, когда накладываю макияж. Да, меня будоражит лишь понимание того, что увижу его. Неужели, это происходит

со всеми, кто пребывает в моём состоянии? Я не знаю, но дышать так легко и в тот же момент сложно. Паника, затопляющая душу и заставляющая тщательнее осматривать свои волосы, уложенные объёмными волнами, сводит меня с ума. Переживать: вдруг не понравлюсь? И последние полчаса носиться по спальне, словно птица в клетке: то хватаясь за телефон, то снова, проверяя, всё ли я взяла. Раз десять подкрасить губы и дышать, потому что с каждой секундой, приближающей меня к выходу, я боюсь упасть в обморок от нехватки кислорода.

Мне кажется, что я так не волновалась никогда. Но этот трепет в груди заставляет меня взять себя в руки и нервно улыбнуться своему отражению. На секунду закрыть глаза и через мгновение выпорхнуть из спальни, летя на встречу к Нику, стучать нетерпеливо туфлей в лифте и кусать губы, сжимая в руках сумочку.

— Добрый вечер, мисс Пейн, — с улыбкой говорит Майкл, открывая мне двери.

И я забираюсь в машину с необузданной радостью, ожидая увидеть его. Уголки губ медленно опускаются, и я готова расплакаться оттого, что его нет. Нет, чёрт возьми. А я же так хотела посмотреть в его глаза, утонуть в их теплоте и шоколаде, ощущая на губах привкус сладости. Хотя бы обнять его, и все невзгоды и переживания уйдут. А я одна. Снова одна.

— А где Ник? — Сдавленно спрашиваю я водителя, когда мы выезжаем от моего дома.

— Он ожидает вас, и мы как раз направляемся туда, — отвечает он.

— Куда туда?

— Увидите, мисс Пейн, но могу сказать, что мистер Холд весь день практически пробыл там, — слышу улыбку в голосе Майкла и сама расцветаю изнутри.

Пока мимо меня пробегают дома, люди и яркие фонари, я откидываюсь на сиденье, размышляя, какую власть надо мной имеет Ник. Ведь после разговора с матерью я была подавлена, потеряна и готовая на новую глупость. А сейчас? Сейчас я улыбаюсь, забыв напрочь обо всём и предвкушая эту встречу.

Замечаю, что мы выезжаем из города, но молчу, пытаюсь понять, где же назначена встреча.

— Нам долго ещё? — В нетерпении интересуюсь я по прошествии часа с начала нашего пути.

— Примерно полчаса, — отвечает Майкл, и я вздыхаю, смотря на местность через окно машины.

Куда же мы едем? Я ведь и понятия не имею, что придумал Ник. Но осознание того, что он готовился и думал обо мне, даёт сильный толчок внутри и надежду, что всё может быть лучше. Возможно, у меня получится помочь ему, преодолеть его страхи и тёмную сторону. Ведь вместе мы сможем всё, а одна... без него... я потухну, забуду, как жить, и я даже не представляю будущего без этого человека.

Машина останавливается перед резными воротами, и я достаю из сумочки зеркальце и помаду, чтобы подготовиться. Я уже привыкла к тому, что сердце не умеет спокойно биться, когда я в предвкушении встречи с ним. Я уже привыкла, что становлюсь глупой и полностью влюблённой из-за него. Я привыкла, что мои губы сами улыбаются, а глаза светятся от любви к нему.

Мы выезжаем, и я быстро всё убираю обратно, кручу головой и вижу огни.

— Боже, — выдыхая, замираю от красоты этого места.

Ресторан, в котором я не была ни разу, оформленный в классическом стиле, предназначенный для состоятельных персон. Да, он кричит о том, что тут счёт не меньше,

чем на триста долларов.

Майкл паркуется перед дорожкой, ведущей к главному входу через зелёную арку. Он открывает мне дверь и помогает спуститься.

— Идите, он вас ждёт, — Майкл указывает на двери, и я киваю, пытаюсь дышать.

Неожиданно миллионы огней вспыхивают по всей площади прохода. Они переливаются золотыми нитями, освещая мне путь, а на земле разбросаны перья. Они самые. Обычные белые перья на красной дорожке.

— О, Господи, — шепчу я, впитывая в себя всю романтику, и прикрывая рот рукой, тихо смеюсь.

Глаза непроизвольно увлажняются, и я делаю шаг. Самый верный шаг в жизни на эту мягкую дорогу, ведущую к моему любимому.

Надо мной вспыхивают огоньки и потухают, когда я прохожу под ними, словно отрезая мне путь к бегству. Но разве хочу я этого? Нет.

Ноги дрожат от волнения, ведь всё вокруг настолько прекрасно, что я чувствую невероятные импульсы в теле, как будто парю в воздухе, и даже предобморочное состояние.

Передо мной открывают дверь, и я вхожу в полуосвещённое пространство, где мне помогают снять пальто и указывают на зал, где меня ожидают.

Один глубокий вдох, и ещё больше волнений.

Бывает ли чувство, когда ты просто теряешься и не знаешь, как реагировать на всё? Наверное, бывает. Ведь зал, где играет классическая музыка, освещённый канделябрами под потолком, выглядит так, словно сошёл с какой-нибудь исторической картинки.

Я опускаю голову, отрываясь от этого любования фресок на потолке, и вижу его. Ник стоит рядом со столиком. Единственным столиком в зале. Ждёт меня в идеально пошитом тёмно-синем костюме, спрятав руки в карманах брюк.

Мне хочется побежать к нему, упасть на его грудь и расплакаться от чувств, признаться во всём и пообещать всё что угодно, лишь бы он всегда был рядом. Но я лишь иду, слишком медленно и неуверенно, смотря на его лицо. От него веет силой, уверенностью и мужщиной. Настоящим мужчиной с твёрдым характером, что аура вокруг него накаляется. И я чувствую эти воздействия на себе, кожа моментально покрывается мурашками.

Останавливаюсь рядом с другим концом стола, неотрывно наслаждаясь его улыбкой и быстрым взглядом, проскользившим по моей фигуре. Его глаза блестят от увиденного, и я не могу дышать больше.

— Ник, — немного кивнув, произношу севшим голосом от всего, что я вижу здесь.

— Мишель, — отвечает он, шире улыбаясь.

— Я...у меня слов нет, — издав нервный смешок, я ожидаю от него хоть какой-то помощи не знаю в чём... для чего, но жду.

— Этого я и добивался. Тебе нравится? — Он делает шаги ко мне, такие медленные и хищные, что я сглатываю от напряжения внутри.

— Очень, — шепча, кладу сумочку на стол.

— Не волнуйся, всё хорошо, — уверяет он, остановившись напротив меня.

— Да, но это сладость, Ник, — указываю рукой вокруг себя, до сих пор находясь в потрясённом состоянии.

— Если тебе будет легче, то я ничего не делал. Это всё организаторы и деньги, я лишь следил за ходом, чтобы получить то, что я хотел.

— Если ты хотел получить шоковое состояние... моё. То у тебя это получилось

прекрасно, — улыбаюсь я.

— Тогда приступим к ужину, — он обходит меня, отодвигая стул, и я опускаюсь на него.

— Крошка, признаюсь, первый раз в жизни я тоже волнуюсь, поэтому нас здесь таких двое, — наклонившись к моему уху, шепчет он.

Мне хочется смеяться и плакать, сумасшествие творится в груди, пока я перевариваю слова Ника, располагающегося напротив меня.

— Я писала тебе, — говорю я.

— Да, я знаю, видел, — спокойно отвечает он.

— Я думала, что...

— Нет, даже и не пытайся, — перебивает он меня. — Не придумывай ничего себе, потому что это неправда. Я был занят и не хотел испортить сюрприз, поэтому написал тебе о вчерашнем в письме.

Я, опуская голову, ищу подходящие слова, но ничего, только ещё больше волнения. Я словно ужинаю с ним впервые, и до этого вечера между нами ничего не было.

— Мне стоит переживать о завтра с тобой? — Спрашивает он.

— Нет, — быстро отвечаю я, поднимая взгляд на него. — Нет, я всё уладила. До понедельника я твоя.

— Моя, — повторяет он и улыбается. — Хорошо, тогда начнём, — Ник поднимает руку, в тот же момент двери за ним открываются и входят двое мужчин, несущих тарелки и бутылку шампанского.

Передо мной ставят устрицы, закуски, разливают горячительный напиток, а я сквозь пламя свечей между нами смотрю на него. Ник тщательно следит за руками официантов, и кивком головы приказывает им удалиться, оставив нас наедине.

— Пока мы не приступили, я бы хотел тебе кое-что отдать, — медленно произносит он и нагибается, поднимая над столом белый пакет.

— Что это? — Спрашиваю я, когда он передаёт мне увесистый подарок.

— Посмотри, — предлагает Ник, и я немедленно раскрываю его, с моих губ вырывается шумный вздох удивления.

— Ник, я... это же... — не могу подобрать слов, рассматривая новую профессиональную камеру и аксессуары к ней.

— Сегодня ты разбила свою, хотя тебе следует быть внимательней. Надеюсь, ты не ушиблась, но плакать из-за этого не стоило. Это всего лишь вещь. И я подумал, что ты будешь рада приобрести новую, — объясняет он, а я резко вскидываю голову.

— Ты продолжаешь следить за мной?

— Не я, мои люди. Так мне спокойней, Мишель. Я знаю, где ты, что с тобой всё хорошо, и ты цела. Это для моего же комфорта, потому что я отвечаю за тебя. И не желаю сейчас спорить об этом. Хочешь, поорём друг на друга завтра, но не сейчас, — произносит он, и я киваю.

— Я не могу принять это, Ник. Это очень дорого и я...

— Нет. Мишель, прошу тебя, возьми. Это самое малое, что я могу тебе дать. Я богат, если ты это забыла. И сделай мне приятно, прими мой подарок. Хоть что-то прими от меня, не возражая, не споря со мной. И я разрешу тебе себя сфотографировать. Я хочу увидеть улыбку на твоём лице, блестящие глаза от смешанного возбуждения и насладиться этим фантастическим видением. Прошу, крошка, подари мне это глубокое чувство, — тихо говорит он, а я не могу уже терпеть переизбыток сильных эмоций, и мои глаза щиплет от

скопившихся слёз.

Не думая больше, я ставлю пакет на пол и встаю, быстро обходя стол, наклоняюсь, чтобы обнять его.

— Спасибо, — шепчу я, целуя опешившего Ника в щёку. — Спасибо за всё, даже если это и слишком фантастически.

— Крошка, — он одной рукой обхватывает мою талию, усаживая себе на колени.

— Правда, я такого не ожидала и мне очень... миллион раз очень нравится твоя ненависть к ванили, которая вытекает в такое, — я всматриваюсь в его лицо, сейчас выражающее новые прекрасные чувства. Он улыбается такой мягкой и гордой улыбкой, что я снова обнимаю его за шею, вдыхая восхитительный запах его одеколона, ощущая кожей мягкую щетину, в которую я влюблена.

— Это всё для тебя, крошка. Ты заслужила это, а я лишь исполняю, — он поглаживает меня по спине, крепче прижимая к себе.

— Ты тоже этого заслуживаешь. Ник, — закрываю глаза, из которых выкатывается слеза и впитывается в его волосы.

— Но я голоден, Мишель, и если мы не поужинаем, то мне придётся откусить от тебя кусочек, — он откидывает мои волосы назад, впиваясь зубами в кожу на плече, из-за чего вздрагиваю и смеюсь.

— Каннибал, — качаю головой, вставая с него и возвращаясь на место.

Сказка, это моя нереальная сказка, в которую я даже и не предполагала ступить. Я не могу и кусочка проглотить, полностью растворившись в этой ночи. А Ник с аппетитом ужинает. Я не могу отвести взгляда от него, а он спокоен, и уверен в себе. Не могу оборвать золотые нити, окутывающие сердце, а он даже и не знает о них.

— Как твоя учёба? Я просмотрел твоё дело и, Мишель, тебе следует прекратить прогуливать, — говорит Ник, а я недовольно кривлюсь, допивая бокал шампанского.

— Я всё сдала, и сейчас не отстаю. И, вообще, это твоя вина, с тобой слишком хорошо, чтобы думать о чём-то ещё, — отвечаю я, на что он цокает, но улыбается.

— И хватит уже следить за мной. Я всё решаю по мере поступления проблем, — продолжаю я.

— Я буду следить за тобой, потому что хочу, — пожимает он плечами, промокая рот салфеткой.

— А что ты ещё хочешь? — Интересуюсь я, немного захмелев от алкоголя на пустой желудок, и в теле проснулись совершенно иные эмоции.

— Действительно, хочешь знать? — Уточняет он, а я киваю.

— В моей голове сейчас отнюдь не благопристойные мысли, потому что в твоих глазах я читаю горячую страсть. Я хочу привязать тебя к стулу и разрезать на тебе это платье, возбуждать тебя до тех пор, пока ты не будешь умолять меня взять тебя. А затем опрокинуть на стол, разорвав на тебе всё бельё, и трахать, чтобы твои крики разносились по этому залу. Ты даже не вспомнишь, что мы здесь не одни, а меня это не волнует. Я буду чувствовать, как ты насыщаешься мной, и я схвачу тебя за горло, как вчера. Ты будешь хрипеть от оргазма, а я видеть это и понимать, что так хорошо мне никогда не ещё не было. После набросить на тебя пиджак и увезти с собой, чтобы продолжить терзать твоё тело. Я ведь признал, что между нами больше чем секс. Но продолжаю уверять себя, что это только желание. Хотя сейчас, ты смотришь на меня удивлённо и в то же время уже представила весь мой рассказ, возбудившись, и я даже могу учуять твой аромат. Мне хочется сделать с тобой так много, что

я теряюсь в своих же фантазиях. Я думаю, снова и снова обдумываю всё, и прихожу к выводу, что мне... у меня не возникает желания вернуться в свой мир. А теперь, когда ты прикусываешь губу и твои щёки покраснели, я знаю, что это от тех же мыслей, что и у меня. Но сейчас я могу тебе лишь предложить потанцевать со мной. Потому что я убью любого, кто увидит тебя в момент страсти, пусть даже партнёром буду я. Ты моя, и я передумал насчёт Марка. Я не желаю, чтобы он ни на шаг не подходил к тебе. Ты моё наслаждение, и больше ничьё. Вчера я сдержался, когда он обнимал тебя, но более нет. Я заявлю на тебя свои права, если замечу ещё раз подобное.

Ник встаёт, предлагая мне руку, а я горю... разум уже затуманился, не впуская опасения из-за моей лжи. Я не думаю, не планирую, лишь вкладываю свою ладонь в его, и он поднимает меня, обхватывая за талию.

Он начинает двигаться, хотя я не слышу музыки, но она играет. Сейчас я тону в его шоколаде, ощущая, как тело с каждым стуком сердца накаляется всё больше. Приятные, несколько щекотные, прикосновения волн страсти в теле, и я кладу руки на его шею, придвигаясь ближе.

Мой взгляд опускается на его губы, такие манящие, запретные и сладкие, что я облизываю свои, словно находясь под гипнозом этой магии вокруг.

Его тело такое горячее, даже сквозь ткань. Его ладонь опускается на ягодицу, массируя её, а следом поглаживая. Мои губы приоткрываются от разрядов, пролетевших по телу, и я теснее прижимаюсь к нему, чтобы ощутить, что не я одна сошла с ума от желания.

— Прекрати это делать, — шепчет он, а я поднимаю голову, встречаясь с его потемневшими глазами.

— Что? — Хрипло отвечаю я, дыша так прерывисто и быстро.

— Возбуждать меня, — поясняет он, проводя свободной ладонью по моей щеке и зарываясь в волосы, хватаясь за них и оттягивая вниз.

— Но я ничего не делаю, — едва слышно отвечаю, когда голова запрокинулась, а комната закружилась передо мной.

— Делаешь. Постоянно это делаешь со мной. Я теряю контроль, позволяя себе строить будущее. Ты даёшь мне эту надежду. Столько чувственности в тебе, крошка, что я не знаю, как мне дальше поступать. Я на пределе, но держусь, чтобы не развернуть тебя и не войти в тебя. Ты безумная, Мишель, и мне это так нравится, — его шёпот окутывает сознание, заставляя закрыть глаза от наслаждения.

— Я так хочу тебя. Никогда не скучал по девушке. Никогда так глупо не поступал и не подвергал её риску. И мне тоже страшно, как и тебе. Только не предавай меня... только не предавай, — его губы опускаются на мою скулу, обдавая горячим дыханием кожу.

Тихий всхлип с моих уст, и мои пальцы сильнее сжимают его шею. Грудь такая тяжёлая и чувствительная, что мне хочется, чтобы он выполнил все свои фантазии прямо сейчас. Соски затвердели под платьем, и создают дискомфорт всему телу, пока Ник ласкает одной рукой мои ягодицы, а я трюсь промежностью о его твёрдый член.

Господи, как же мне хорошо. Он целует моё лицо медленно, играючи опускаясь к мочке уха, прикусывая её и проводя языком.

— Ник, — выдыхаю я. Мои бёдра непроизвольно сжимаются, а между ними всё такое мокрое.

— Я не отпущу тебя, Мишель. Первый раз в жизни я понимаю, что глупость, совершенная мной однажды, стала моим продолжением, — шепчет он, скользя губами от уха

к уголку губ.

— И первый раз в жизни я хочу запомнить, каковы на вкус чужие губы, — быстрый поцелуй в уголок губ, и я готова рухнуть на пол от дрожащих коленей.

— Ник, я... по-моему, я не хочу расставаться с тобой, — говорю я, открывая глаза и встречаясь с тёмным миром, в котором я повязла.

Он молчит, бегая глазами по моему лицу, а я ведь хотела сказать другие слова. Но вовремя мой разум включился, и я не совершила этот поступок. Ведь он испугается моих чувств, и я потеряю его. Я не готова к этому.

— Я надеюсь на это, — наконец-то, произносит он, отпуская мои волосы и поднимая другую руку на талию.

— Но сейчас у нас свидание, хотя мне не особо комфортно вот так стоять, и не смей даже подумать о том, как твоя горячая плоть обнимет мою, как ты будешь кричать на волне желания. Я планировал всё совершенно иначе, обычный ужин, шампанское и разговоры ни о чём. А ты... чёрт бы тебя побрал, Мишель, как тебе удалось так возбудить меня, что я готов кончить, если ты сейчас дотронешься до меня?

— Мы... мы можем уйти, — предлагаю я вариант, но он качает отрицательно головой.

— Нет, этот вечер только для тебя, крошка. А секс... мы оставим его на десерт, — он отстраняется, подводя меня к столику.

— Я сейчас, — бросает он, оставляя меня одну, когда я сажусь на стул.

Смотрю на быстро удаляющуюся фигуру, прокручивая в голове каждое его слово. Они ласкают меня, придавая уверенности и надежду на будущее. Но я так боюсь думать о завтра, ведь Ник непредсказуем, и может вспыхнуть от только ему понятных вещей. А я пока буду ждать подходящего момента, чтобы не отпустить его, когда он будет отдаляться. Я знаю, что это произойдёт. Он вспомнит о своих увлечениях, ему они необходимы. Такая зависимость быстро не угасает. А искалеченная душа не исцеляется.

Уверяю себя... буду уверять и верить до последнего, что у нас всё получится. Я изгоню каждого демона, терзающего его душу. Только бы он не забрал мою. Только бы не забывать, что мы в реальной жизни, а не в фильме.

Тридцать восьмой шаг

— Всё хорошо? — Интересуюсь я, когда Ник садится напротив меня.

— Да, всё хорошо, — кивает он, но его выражение лица говорит совершенно об обратном. Он хмурится, бегают глазами по столу, затем его брови ползут вверх и снова сдвигаются, постоянно бросает взгляд на наручные часы.

— Ты о чём-то переживаешь? — Делаю ещё одну попытку добиться от него признания.

— Нет, — качает он головой, но моментально добавляет: — Да, переживаю. Есть кое-какие накладки, но это несущественно.

— Хочешь поделиться? — С надеждой задаю я вопрос и ободряюще улыбаюсь.

— Хм, нет. Поешь, а потом мы поедем, — он бросает быстрый взгляд на меня, и снова принимается за тщательное отслеживание своих мыслей, постоянно примеряя на себя всё новую и новую мимику.

От этого я уже начинаю хихикать, потому что ну он, правда, очень смешон. И я чувствую, что случилось что-то не особо важное, но какая-то часть его фантазий дала сбой.

— Прекрати, Мишель, — бурчит он, беря в руки бокал с шампанским.

— Я не хочу есть, мне достаточно. Поэтому я готова ехать, — пытаюсь утихомирить смешки, отвечая, встаю со стула.

— Нет, — резко говорит он, чуть ли не крича. И я, замирая, удивлённо смотрю на него.

— Николас Холд, что, чёрт возьми, здесь происходит? — Уже требовательно возмущаюсь я, теряя терпение от его поведения.

— Посидим ещё. Так надо. Хочешь шампанского? — Он вскакивает с места и подхватывает бутылку.

— Ну, давай, — сажусь обратно, наблюдая, как он уверенным движением наполняет мой бокал и передаёт его мне.

Я отпиваю шипучий напиток, с прищуром смотрю на него, но он делает вид, что ничего не случилось и спокойно садится на стул.

— Ник, ты же понимаешь, что это несколько странно? — Тихо произношу я.

— Может быть, — вздыхает он и откидывается на стуле.

— Есть причины, чтобы я волновалась?

— Нет, никаких причин, всего лишь небольшая заминка, — цокает он.

— Хм, ладно. Чем займёмся? Пригласишь меня потанцевать, пока мы ждём чего-то ещё? — Предлагаю я.

— А, к чёрту. Поехали, — он недовольно выпускает воздух через губы, что это выходит у него, как у лошади. Я уже не могу сдержаться, и открыто хохочу.

— Прости... прости, но это... блин, — я смеюсь, закрывая лицо ладонями.

— Да, это глупо, даже мне не комфортно, поэтому прекращай. Я ведь прочитал... и Райли придурок, — он встаёт и предлагает мне руку, а я, продолжая тихо смеяться, вкладываю свою ладонь и поднимаюсь.

— Почему Райли придурок? — Интересуюсь я, пока мы идём к гардеробу.

— Насоветовал. Я ни разу не ходил на свидания, Мишель. Ни разу в своей грёбаной жизни, а сейчас чувствую себя полным кретином, потому что... забудь, — мотает он головой и отстраняется, кивая мужчине за стойкой.

Пока мы одеваемся, я тщательней наблюдаю за ним, совершенно счастливая, ведь он

старался ради меня первый раз. И это словно глинтвейн в венах, такой же терпкий и горячий, проносится прямо к сердцу и обволакивает его своими пряными объятьями.

— Ой, твой подарок, я забыла, — вспоминаю, резко разворачиваясь в сторону зала, и несусь туда за пакетом.

— Господи, Мишель, Майкл сейчас заберёт, — кричит Ник мне в спину, но я уже добегаю до стола и подхватываю пакет, возвращаясь с довольной улыбкой.

— Ни за что, это моё, подаренное тобой, и для меня это... не знаю, очень ценно, поэтому только я его и понесу, хотя тяжёлое, — говоря, подхожу к Нику.

— Может быть, я помогу? Всё же негоже девушке носить тяжести, — с улыбкой предлагает он, и я киваю, передавая свою драгоценность в его руки.

— Пошли? — Беру его за свободную руку, но он уворачивается от меня, и кладёт её на мою талию.

— Вот так лучше, — комментирует он, пока мы выходим из ресторана, снова проходя под светящейся аркой.

— Перья прикольные, всегда лепестки роз, но перья круто, — говорю я, наступая на уже практически чистую дорожку.

— Это всё оформители, я же говорил, что не романтик. И это их...

Он не успевает договорить, как над нами происходит взрыв и освещает нас разноцветными огнями. От неожиданности я вскрикиваю и хватаюсь за пальто Ника, а он кривится.

— Вот, как всегда. Всё через задницу, — вздыхает он, когда ещё один залп фейерверка происходит над нами.

— Это ведь... это, — я поднимаю голову, наслаждаясь цветами в небе, и улыбаюсь.

— Да, только вот это должно было начаться, как мы будем отъезжать, — недовольно говорит он.

Даже ответить ему не могу, смеясь от безграничной любви и счастья, вокруг меня воздух даже искрит от моих эмоций. Отрываюсь от него, быстро выходя туда, где будет лучше видно. Ещё один залп алых огней, и они рисуют в воздухе звезду. Следующий просто рассыпается на нас белоснежными хлопьями, тающими в ночи. Новые и новые рисунки в небе, и я уже прыгаю, хлопая в ладоши, словно ребёнок, никогда не видящий салюта. Но ведь сейчас это иное. Только для меня. Ради меня. Такие вещи имеют особенный привкус и осадок. Личный. Необъяснимо вечный и любимый.

Когда всё оканчивается, я поворачиваюсь к Нику, стоящему на том же месте под зелёной аркой, и с улыбкой наблюдающего за мной.

— А ещё будет? — В возбуждении интересуюсь, держа ладони сложенными рядом с грудью.

— А надо? Эм... я не знаю... если хочешь, то я сейчас... — теряется он и делает шаг назад, но я быстро подбегаю к нему, обнимая его за талию и останавливая.

— Нет-нет, не надо. Достаточно... боже, как это было здорово, Ник. Спасибо, — шепчу я, поднимая на него голову.

— Не за что, Мишель, — пожимает он плечами, но я скептически выгибаю бровь.

— Серьёзно, не за что. Это не я, это всё Райли подсказал, ну и оформители. Они ещё хотели какой-то баннер пустить, но на этот пережжённый сахар меня не хватило, — торопливо объясняет он, а я жмурюсь, снова начиная смеяться, и утыкаюсь носом в его шею.

— Ну, всё, крошка, прекращай, — он обхватывает меня одной рукой за талию и отрывает

от себя.

— Мне, правда, понравилось, и пусть, что это не твои фантазии. Но ведь ты рядом, поэтому ты романтик, — пою я, а Ник закатывает глаза, подталкивая меня к подъехавшей машине.

— Закрыли тему, — фыркает он, отпуская меня, подходит к Майклу, передавая ему пакет.

— Надо тебе вечно испортить всё, — бросаю я, поднимаясь на ступеньку. Шлепок по ягодице заставляет меня вздрогнуть и податься всем телом вверх, ударяясь макушкой о машину.

— Ник, — стону я, потирая ушибленное место и располагаясь на сиденье.

— Так тебе и надо, Мишель, — пожимает он плечами, садясь рядом и закрывая дверь.

— Злой доминант, — укоряю его.

— Иди сюда и я покажу тебе, каким я могу быть злым доминантом, — хитро предлагает он, расставляя руки.

— Рискну, — придвигаюсь к нему, кладя сумочку позади себя, и устраиваюсь удобнее в его руках.

— Риск благородное дело, крошка, — шепчет он, целуя меня в волосы.

— Поехали, Майкл, — уже громче он даёт распоряжение, а я закрываю глаза, вздыхая так блаженно, насыщая своё тело его ароматом.

Машина, мерно покачиваясь, везёт нас в новое приключение, ведь каждая встреча с ним для меня открытие. И сегодняшний вечер я никогда не забуду, как и его. Я улыбаюсь от своих мыслей, провожу щекой по груди Ника, и он крепче обнимает меня. Диалог без слов. Да, я знаю... должна помнить, что он не ванильный романтик, а совершенно его противоположность. Но разве могу ли я сейчас анализировать? Нет. Даже не хочу, потому что мне так хорошо.

Открыв глаза, бессмысленно гляжу в окно, но понимаю, что мы направляемся куда-то в ином направлении. Я, хмурясь, смотрю на пейзажи, пробегающие за окном.

— Ник, а куда мы едем? — Удивлённо спрашиваю я, поднимая голову на него.

— Домой, — с улыбкой отвечает он.

— Но это не дорога в город, — говорю я.

— Верно, мы едем не в город, но мы едем домой. Я ведь говорил тебе, что принял одно важное решение. Так вот оно и есть. Сегодня я хочу тебе показать своё убежище, которое прячу ото всех.

— Твой дом, — я понимаю его, а он приподнимает брови в немом вопросе.

— Райли упоминал о нём, и о том, что никто не знает, где он находится, — объясняю я.

— Говорливый Райли, — усмехается он. — Да, верно. Это моё место, скрытое ото всех. Только для меня, а теперь и для тебя. Я хочу показать тебе его, увидеть тебя там и запомнить этот момент.

— Ник, — кладу голову на его плечо, улыбаясь и снова не ощущая земли. Только он.

— А нам долго ехать? — Спрашиваю я.

— Примерно ещё час, нам надо обогнуть часть города, — отвечает он. — Хочешь, отдохни пока, я разбужу тебя.

— Нет, я не устала, — улыбаюсь я.

— Но устанешь, ведь я до сих пор помню наш танец, — его шёпот вновь обволакивает меня, возбуждая каждую клеточку моего тела, и я прикусываю губу, уже воображая себе

новое открытие в мире секса.

Когда всё стало настолько неважным для меня? Я не смогла уловить этот момент, но мои вожжи, удерживающие жизнь, плавно исчезли из моих рук, и отданы ему. И ведь я ни о чём не жалею, совершенно ни о чём. Да и надо ли это сейчас, когда он так мягок и открыт? Надо ли ворошить прошлое? Нет, конечно, нет. Лишь бы всегда вот так быть рядом с ним, слышать стук его сердца и тонуть в сладости бытия. Любовь, умеет ли она слышать мои молитвы, которых я никогда не произнесу вслух? Сможет ли она помочь мне заставить его ответить мне взаимностью? Не знаю, и не хочу знать.

— Мишель, мы подъезжаем, — меня по волосам поглаживает Ник, и я открываю глаза, понимая, что всё же задремала из-за таких тёплых объятий.

Поднимаю голову с его груди, когда перед нами открываются электрические ворота, открывая взору газон с фигурками, фонтан и дом. Вот он. Я замираю, словно ступаю на тропу неизведанного и тайного. Его тайного мира.

— Майкл, ты не нужен нам сегодня. Завтра, как договаривались, — говорит Ник, открывая дверцу и помогая мне выйти. Я вешаю сумочку на плечо, улыбаясь ему, когда он берёт меня за руку и распахивает дверь.

— Хлопай, — предлагает он, и я с удовольствием это делаю. Свет над нами тут же включается, заставляя зажмуриться от яркости, на что Ник только издаёт смешок, хлопая второй раз, и освещение становится мягким.

— Ты помешан на хлопках, — качаю я головой.

— А как же. Я люблю шлёпать, — он подмигивает мне, беря за руку, и мы проходим стеклянную лестницу, ведущую на второй и нижний этажи.

Первое, что мне бросается в глаза — это красный рояль, затем то, что всё выполнено в бело-серо-красных оттенках. Кожа и мрамор. Я кручу головой, наслаждаясь этим свободным глянцевым пространством, словно тут никто и не жил. Место подготовили для сдачи или же продажи. Искусственные цветы в вазах, подушки, огромное количество удивительных светильников из хрусталя, — всё это больше подходит семейной паре, но никак не одинокому доминанту. Хотя чёткие линии и строгость интерьера, говорят мне о том, что здесь живёт мужчина, постоянно держащий себя в рамках.

— Красиво, — подаю я голос, отрываясь от мраморной серой барной стойки и серебристых кухонных шкафов.

— Тоже не моя заслуга, — улыбается Ник и кладёт руки на мои плечи, подхватывая пальто и снимая с меня вместе с сумкой, бросая всё на диван.

— Здесь гостиная, на нижнем этаже бильярд, тренажерный зал, крытый бассейн, на верхнем — спальни. Три спальни, не знаю зачем так много, но планировка располагала. В общем, вот, — он разводит руками, и я улыбаюсь ему.

— И это твоё убежище. В чём его особенность? — Интересуюсь я, смотря на стеклянные стены, открывающие вид на зелень перед домом.

— Пошли, покажу тебе, правда, это лучше сделать утром, но всё же, — он берёт меня за руку, обходя гостиную, затем библиотеку, каминный зал, и мы останавливаемся в ещё одной комнате для отдыха, и он подводит меня к стеклянным дверям. За ними я вижу открытый бассейн с лежаками и площадку для тенниса, баскетбола и футбола, а дальше бескрайняя зелень.

— За этим всем есть озеро, оно принадлежит мне. Его видно со второго этажа. Оно огибает остров, который появился по преданиям ещё в эпоху, когда правила боги. Это было

убежище Зевса, куда он приводил женщин и наслаждался ими, — рассказывает Ник, а я ещё шире улыбаюсь.

— И ты в это поверил? — Хихикаю я.

— Нет, конечно, но мне понравилось, — пожимает он плечами. — И там всегда зелено, даже когда идёт снег, он там сразу тает, словно только на этом кусочке земли тепло держится круглогодично и не позволяет заморозить это место. Там живёт надежда на лучшее. Не знаю. Хотя, конечно, есть научное объяснение...

— Нет, не надо науки. Это действительно очень привлекает, — перебиваю я его.

— Хочешь, что-нибудь выпить? — Интересуется он.

— Нет, я хочу тебя, — честно отвечая, поворачиваюсь к нему.

— Меня? И что же ты хочешь от меня? — Его губы растягиваются в игривой улыбке, а я кладу руки ему на шею, запуская пальцы в волосы, и придвигаюсь к нему.

— Трахни меня, — шепчу я.

— Заманчиво, только у меня есть одно условие, — он пробегает пальцами по спине и находит замочек от платья.

— Слушаю.

— Ты сейчас примешь ванну, которую я тебе подготовлю, — он тянет замок вниз, а затем отрывает бретельки платья с характерным треском, на что я закусываю губу, ощущая, как низ живота стянулся в приятном спазме, а платье полетело к ногам.

— Принесу тебе вина, и ты расслабишься. Согласна? — Его руки сжимают мои ягодицы, и я киваю.

— Тогда пошли, крошка, — одним движением он присаживается и подхватывает меня, укладывая на плечо.

— Ник! — Визжу я, одновременно смеясь и качаясь на его плече, пока он идёт в обратном направлении.

— Молчать, женщина, ты теперь в моей власти. И я, как Зевс, буду мучить тебя, изводить, пока ты не утолишь свой ненасытный голод, — громко говорит он, чуть ли не бегом поднимаясь по лестнице, а я крепче хватаю его за пиджак.

— А потом умертвишь меня оргазмом? — Смеюсь я.

— О нет, ты мне ещё нужна. У меня огромная фантазия, умирать ты будешь часто, но обещаю, что тебе это понравится, — его зубы впиваются в моё бедро, отчего я вздрагиваю и утыкаюсь носом в его спину.

— Боже, ты больной, — шепчу, смотря в пол на шикарный персидский ковёр, затем на паркет и уже на белоснежный кафель, где меня опускают на него.

Ник отходит от меня, направляясь к ванне, и открывает воду, настраивая поток, и бросая туда ароматические средства. Я даже не хочу замечать, что эта ванна очень похожа на ту, которая в его квартире. На великолепный пейзаж за окном, только на него, зажигающего свечи и предлагающего мне искупаться.

— А ты? — Спрашиваю я, снимая туфли.

— У меня есть дела, поэтому ты пока отдохни, а я скоро, — говорит он, разворачиваясь и оставляя меня одну.

Даже уже не интересуюсь, зачем и почему он так поступает, только следую его просьбам, стягивая чулки и трусики, аккуратно складывая всё на тумбе.

Погрузившись в воду, я укладываю волосы за ванную и вдыхаю аромат шоколада и роз, закрывая глаза, улыбаюсь себе.

Невероятно, что по прошествии недолгого времени я смогла так полюбить этого мужчину. Почему он скрывает ото всех себя настоящего? Зачем прячется за маской садиста? Ведь он другой. Да, я понимаю, что сегодняшний день — это исключение из его правил, но всё же не могу отогнать от себя мысли, что он чувствует... умеет это делать и сегодня показал мне это.

Я вздыхаю, затопляемая эмоциями, и глубже погружаюсь в воду.

Тридцать седьмой шаг

— Мишель, вино, как и обещал, — из расслабленного эйфорического состояния меня выводит грудной голос Ника, и я открываю глаза, поворачивая к нему голову.

Он уже переделся и стоит в джинсах и футболке, босой и дикий, держащий бокал, играя вином.

— Спасибо, — говорю я, беру его в руку и отпивая напиток, наполненный мускатом и цветами. — Мне долго тут загорать?

— Нет, ещё минут десять, и я приду за тобой, — обещает он, быстрым шагом выходя из ванной.

Он точно что-то задумал, и я внутри вся трепещу, жадно выпивая вино и отставляя пустой бокал на подоконник слева. Алкоголь моментально впитывается кровью, освобождая голову от ненужных мыслей, и я снова закрываю глаза, покачиваясь на приятных волнах из фантазий.

Не слежу за временем, а лишь пребываю в полной прострации из ароматов вокруг и в самой себе. Слышу, как открывается дверь, и открываю глаза, садясь в воде. Ник подходит с шёлковым белым халатом и повязкой на глаза такого же цвета.

— Ник, а зачем это всё? — Тихо спрашиваю я, когда он подхватывает полотенце и предлагает мне руку.

— Для того чтобы твоя кожа стала чувствительней. Для того чтобы ты узнала новые грани собственного тела, а я увидел твой ответ, — он помогает мне вылезти на коврик и мягко обтирает меня полотенцем.

— Для того чтобы я трахнул тебя, как ты этого и просила, — продолжает он, отбрасывая полотенце на пол, и подходит к мраморным раковинам, оставляя меня стоять полностью обнажённую.

— Для того чтобы узнать друг друга ближе, — он достаёт из шкафчика прозрачную баночку и подходит ко мне, открывая её, и выдавливая розоватую жидкость себе на ладонь.

— Для того чтобы не дать мне очнуться в реальном мире, — он распределяет масло между ладонями и обходит меня, кладя руки на плечи и массирующими движениями втирая в моё тело ароматное средство.

— Для того чтобы ты перестала стесняться меня, ведь мы одни. Ты и я. И ничего нет плохого в том, чтобы я видел тебя постоянно обнажённой. Мне очень это нравится, — он проходит по грудям, заставляя меня томно вздохнуть, а соскам затвердеть под его мягкими ладонями.

— Для того чтобы я сам узнал, каково это, когда ты пробуешь что-то новое, — шепчет он, опускаясь к моему животу и огибая руками поясницу.

— Для того чтобы я всегда помнил насколько у тебя красивая кожа, — он садится на корточки, лаская мои бёдра и втирая масло в ноги.

— Для того чтобы никогда не захотел оставить на нём свой след, — он встаёт и обтирает руки полотенцем.

— Для того чтобы хоть немного, но поверил в честность и искренность женщин, — он подхватывает халатик и помогает надеть мне его.

— Для того чтобы я хоть немного стал живым для тебя, — ещё тише произносит Ник, надевая мне на глаза повязку.

— Только для тебя, — его едва уловимый шёпот доносится до уха, когда он закрепляет резинку от маски между волосами.

— А сейчас ты моя, — он целует меня в висок. В душе рождается столько тепла, что я не могу даже двинуться, ощущая его так близко и такого одинокого. Мне хочется защитить его ото всех, кто бы его ни обидел или же желал это сделать.

Доверяю. Полностью вверяю ему моё тело, как и душу. Люблю.

Ник подхватывает меня на руки, и я обнимаю его шею руками, ощущая, что его торс уже оголённый. Мой разум полностью подчинился сладострастным фантазиям, разгоняя по венам бурлящие потоки желания.

Он ставит меня на ноги и одним движением тянет за пояс, развязывая его и сбрасывая с меня халат.

— Ты помнишь стоп слово? — спрашивает он, помогая мне забраться на постель и лечь на спину.

— Да, — шепчу я.

— Скажи, — требует он, поднимая одну мою руку, и надевает на неё что-то мягкое и бархатистое, затягивая на запястье.

— Теренс, — отвечаю я, понимая, что это наручники со стальными цепями, соединяющие меня с резным изголовьем, звякающие об него и крепко удерживающие меня на месте.

— Отлично. Не больно? — спрашивает он, резко схватив мои руки и потянув на себя.

— Нет, — мотаю я головой, осознав, что это обычные проверки перед тем, что он задумал.

— Я сейчас. Пока расслабься, — бросает Ник, и слышу его удаляющиеся босые шлепки по полу.

То улыбаюсь, то хмурюсь, делая движения нервно и напряжённо. Как расслабиться, если я голая, моя кожа горит от горячей воды, а простыни такие прохладные и шёлковые, что мурашки покрывают мою кожу?

Но стараюсь начать дышать ровнее, спокойнее, уверяя себя в том, что он знает, что делает, и я ему полностью могу довериться. Но всё же это некомфортно.

Только более или менее успокоившееся сердце снова набирает обороты при звуке возвращающихся шагов Ника.

— Очень красивое зрелище, — говорит он, и слева от меня кровать тяжелеет.

— Я тебе верю, — шёпотом отвечаю, волнуясь с каждой секундой всё больше.

— Ты должна знать, насколько твоё тело красиво. Даже этот пирсинг начинает мне нравиться, — его голос уже рядом и горячее дыхание ласкает шею.

— А как ты сейчас дрожишь, совершенно не представляя, что я буду с тобой делать, — я сглатываю вязкую слюну от его мучительно эротичного тембра голоса. Чувствую, как Ник садится на мои бёдра сверху, сдвигая их вместе, и зажимая между своими ногами. Он голый, совершенно обнажён, и его мошонка ласково проходит по моему лобку и упирается в клитор.

— Единственное правило, крошка, никаких резких движений. Не бойся, я хочу доставить тебе наслаждение сегодня, показать насколько боль бывает приятной, — его слова проникают в мой разум, и он безвольно подчиняется ему, заставляя голову кивнуть, а пальцами сжать цепь, готовясь к новому.

Пытаюсь прислушаться, но из-за сильного шума в ушах и оглушающего сердцебиения, отдающегося в них, я не могу понять, что происходит.

Неожиданно сосок вспыхивает в огне, и я выдыхаю от боли с ощущением жжения на чувствительной коже, одновременно всхлипывая. Моя спина непроизвольно выгибается, но я не успеваю отойти от шока, как холодная... ледяная шероховатая поверхность слизывает смесь с моего соска, проникая под покровы и растекаясь по телу приятной судорогой.

— Боже, — на выдохе говорю я, когда всё прекращается, а я облизываю пересохшие губы.

— Я ведь говорил, что секс мы оставим на десерт. Хочешь попробовать? — Слышу сквозь своё шумное дыхание голос Ника и киваю.

Его горячий палец прикасается к моим губам и до носа доносится аромат шоколада. Я раскрываю губы и обхватываю ими его палец, проводя по нему языком, и жадно слизываю такой десерт, то всасывая его, то выталкивая из себя. В голове тут же рисуются картинки его члена вместо пальца, и я издаю обиженный стон, когда он вынимает палец из моей хватки.

— Жадная, чёрт, какая же ты жадная, — страстно шипит он, хватая меня за горло, но я лишь улыбаюсь, ощущая, как его эрегированный орган упирается в мой живот, а я сама между бёдрами уже увлажнилась.

— Ещё, — прошу я, облизывая губы.

Его рука резко отрывается от моей шеи, и он проводит по ней к лицу, грубо иссушая мои губы своими пальцами. Но я загораюсь от этой животной грубости, только снова увлажняю губы кончиком языка.

Моя грудь часто вздымается от потрясения организма, да и всего, что я знала. С каждой секундой тело всё больше и больше требует ласки или же...

— О, господи! — С губ скрывается восхищённый крик, когда новая порция огня опалает чувственный сосок, требуя отдаться этому лавинному потоку, впитывающемуся в кожу и проникающему в кровь, растворяясь и несясь с умопомрачительной скоростью к клитору, наполняя его желанием.

— Ник, — мои руки крепче сжимают ставшие горячими цепи, пока ледяной острый язык слизывает с соска шоколад. Ник всасывает в себя грудь, а я могу отдышаться от ярких вспышек за закрытыми глазами. Моя кожа стала, словно одна эрогенная зона, а неизвестность оттого, где вспыхнет новое пламя, ещё больше зажигает меня внутри, снаружи... везде... где я чувствую его.

Ник приподнимается с меня, напоследок прикусив сосок зубами, вырывая из меня сдавленный писк. И новая порция восхитительно болезненного огня течёт на живот и замирает в районе пупка. На лбу выступает пот, мои ноги непроизвольно вздрагивают, но Ник их удерживает. Мышцы живота активно сокращаются, а кожа горит под шоколадом, заставляя полностью отдаться сумасшедшим ощущениям контрастного душа, последовавшего за этим.

Его язык описывает круги вокруг моего пупка, стирая с меня горячительную жидкость, заменяя её резаными и в то же время такими приятными холодными поцелуями, опускающимися тягучей волной и импульсами во мне, сосредотачиваясь в недрах моего тела, желая выплеснуться.

Ник зубами цепляет колечко и резко тянет на себя, заставляя вздрогнуть от боли, а затем расслабиться и снова сотрясаться в приятных судорогах от его языка, заливающего ранку.

Он скользит по моим ногам, говоря что-то мне, но я не слышу его... не могу... только стону или же вздыхаю. Громко, так громко, что оглушаю саму себя.

Он руками ласкает мои бёдра, проводя до колен и затем в обратном направлении.

— Ник, пожалуйста, — шепчу я, мечась на подушке от его неторопливых движений пальцев, пробегающих по лобку.

— Рано, крошка, ещё так рано, — доносится до меня его приглушённый шёпот, и он рывком открывает мои ноги, разбрасывая в стороны.

Моё горло саднит от сухости, а я не могу больше терпеть этой пустоты в себе, судорожно сжимаясь и пытаюсь хоть как-то принести себе разрядку. Его руки исследуют мои рёбра, а прохладные губы ласкают нежную кожу бёдер, то кусая её, то зализывая. Я утонула... продолжаю тонуть в своих столах, его пальцах, скользящих по мне от клитора и внутрь меня, и снова вверх и вниз. Агония, в которой пребываю, становится просто сумасшедшей, больше не понимаю, где я, кто я и зачем я. Все мысли разом вылетают из головы, только чувства. И они все накаляются именно в той самой точке... в нескольких, и мне кажется, что я могу разорваться от необходимости его члена в себе.

— Пожалуйста... Ник... прошу... мне плохо... войди... в меня... — как в бреду шепчу я, но ничего... никакой помощи.

Он лишь проникает двумя пальцами в меня, лаская изнутри каждую стенку моего влагалища. Мне хочется плакать от накалившихся нервных окончаний по всему телу, как неожиданно его губы смыкаются на клиторе, и я замираю, а в следующий момент сжимаю его пальцы в себе, исполняя протяжный стон облегчения от его языка, описывающего круги вокруг возбуждённой жемчужины. От его пальцев, начинающих совершать медленные фрикции в меня. Растворяться в накалённом воздухе, извиваясь всем телом, подставляя себя под его рот, жадно впивающийся в мой клитор. Его зубы прикусывают его и это отдаётся звёздами в глазах и вскриком, нитями боли по всему организму, сменяющимися на уже более яркие и сочные, летящие в обратном направлении к его рту. Его пальцы уже быстрее трахают меня, и я чувствую, как моё анальное отверстие ласково поглаживают, описывая круги вокруг него, но мне так хорошо, что я даже не придаю этому значения.

Ник отрывается от моего клитора, продолжая работать пальцами, издающими пошлые, но такие ещё более возбуждающие хлюпающие звуки. Его рот проходит по моему животу, оставляя влажный след, поднимаясь выше, и я носом втягиваю собственный терпкий аромат, приоткрывая губы и быстро дыша в его рот.

— А сейчас... Мишель, сейчас постарайся так и лежать, — шепчет быстро он, но я не могу даже кивнуть, потому что моё тело отдаётся его руке, пытаюсь вогнать его пальцы глубже, ведь сейчас этого недостаточно.

Первое, что я чувствую, как ледяная вода капает на язык и вздрагиваю от спасительной влаги для организма. Его рука полностью освобождает меня из своего плена и мокрыми мазками поднимается по телу, пока ледяные прикосновения к иссушенным губам не дают дышать, и я так и замираю. Тело пульсирует изнутри, терзаясь в огне. Лёд проходит по контуру моих губ, а пальцы Ника впиваются в мои волосы, заставляя немного выгнуть шею, и цепи от этого действия натягиваются сильнее, тянут мои запястья, сдавливая вены, и заставляя меня задохнуться от острых болезненных покалываний в них.

Ледяная вода капает с моих губ, стекая по лицу, пока я даже не двигаюсь, несмотря на его член, удобно расположившийся у моей разгорячённой плоти. Хотя соблазны... боже, какой соблазн потереться об него, увлажнить собой и вобрать в себя...

— Это твой десерт, — шёпот наполняет меня, когда в мой рот падает замороженная клубника, и я, улыбаясь, жую её и насыщая тело водой.

Ник отпускает мои волосы, и голова безвольно падает на постель. Он продолжает

ласкать моё тело, проводя по нему кусочками льда, незамедлительно тающие на разгорячённой коже. Соски до сих пор горят от шоколада и прикосновения льда становятся ещё глубже, ещё ярче до сильнейших спазмов во мне.

Я балансирую на грани наслаждения, возбуждённая на пределе, что меня трясёт изнутри. Губы искусаны, а тело выгибается навстречу ко рту Ника, опускающегося к бёдрам. Он руками сильнее раздвигает их и удерживает, в это время его губы трутся о мой клитор, и он просыпается, моментально насыщаясь пульсирующей кровью, заставляющей меня задыхаться чаще... сводя с ума сердце, уже уставшее так громко биться. Но Ник продолжает терзать меня губами, языком, проникающим в меня, зубами, прикусывающими кожу.

Я нахожусь в опьянённом предобморочном состоянии, когда всё тело одеревенело, лишь могу всхлипывать и молить его о пощаде, потому что больше не вытерплю этого. Ведь ещё чуть-чуть, если бы он подольше ласкал меня языком.

Обжигающие объятия растекаются по моей промежности, накаляя клитор до немыслимой отметки.

— Чёрт! Ник! Чёрт! — Кричу, пока тело подкидывает от боли и сладости внутри, а все нервные окончания извращённо просят больше.

Холодный язык проникает в меня, быстро вылизывая шоколад и едва уловимое прикосновение кончика языка к полыхающему клитору, как меня бросает из стороны в сторону, а тело взрывается в настолько ярком оргазме, что я срываю голос, выкрикивая его имя. Ник с силой придавливает мои бёдра к постели. Но меня трясёт от сильнейших конвульсий внутри, от прибоя наслаждения бьющего меня о скалы, и затем я падаю на постель, полностью расслабляясь. Душа вылетела из тела, оставляя меня одну, хрипло стонущую и дышащую настолько поверхностно, что боюсь задохнуться.

Туман в голове, а шум... боже как громко... я не могу пошевелить ни пальцем, продолжая получать уже более спокойные волны оргазма, проходящие по телу и вздрагивая на каждую.

— Какая ты вкусная, крошка, — с моих глаз срывают повязку, но я не могу открыть их, только ловлю кислород ртом, и пытаюсь сказать... но мыслей нет, одна нега вокруг.

— Открой глаза, Мишель, — требует Ник, поглаживая меня по бёдрам и устраиваясь между ними.

Я медленно подчиняюсь, и его глаза кажутся такими яркими, что я моргаю, чтобы прийти в чувство. Но они действительно стали, словно драгоценные камни: блестящие, дорогие и такие ценные. Я облизываю губы, ощущая на них привкус клубники, и слабо улыбаюсь ему.

— Молодец, — шепчет он, убирая с моего лба прядь прилипших волос.

— А ты? — Сипло спрашиваю я.

— Я? А ты готова для второго раза? — Интересуется он, приподнимаясь на локте и одной рукой, закидывая мою ногу себе на поясницу.

Головкой своего члена проводит по слишком чувствительному клитору, и я вздрагиваю, когда он останавливается у входа.

— Да, — беззвучно произношу я, и его глаза загораются ярким золотым огнём. Ник одним резким движением наполняет меня, я стону от смеси боли от ещё горящего влагалища и насыщения всех моих точек внутри.

Мне кажется, что не могу больше возбудиться, и лишь пытаюсь не умереть от переизбытка распираания внутри. Но с каждой секундой его медленных толчков, я

прикрываю глаза, ощущая слабое покалывание в ногах, поднимающееся нитями и распространяющееся по всему телу.

Ник приподнимается с меня и обхватывает мои ноги, сдвигая их вместе, продолжая находиться во мне, и кладёт на левое плечо, крепко хватаясь за мои бёдра.

Его хитрая улыбка и блеск глаз возбуждают ещё сильнее, принося уже явственное сжатие мышц внизу живота, и мягкие стоны, слетающие с губ. Он ещё выше приподнимает меня, и я цепляюсь за цепи, натягивая их на себя, потому что следующий толчок вырвал из меня крик и шипение... боль, как тысяча иголок пронзила меня изнутри, словно это мой первый секс с ним.

Ник облизывает губы, замирая во мне, и наблюдая за моей реакцией. Он с силой делает новый толчок, и я выдыхаю от очередного будоражающего ощущения. Что это? Но боль тут же сменяется тёплой рекой, уносящей в своём течении, и я закрываю глаза, наслаждаясь наполненностью внутри.

Горящее жжение пронзает правую ягодицу, а уши наполняются звуком шлепка, и я вскрикиваю, сжимаясь, и открываю глаза, встречаясь с дьявольским блеском в глазах Ника, начинающего быстро трахать меня, не давая возможности вздохнуть от огня, полыхающего на коже. Странная боль внутри постепенно угасает, и теперь я хочу глубже, а саднящая ягодица уже просит о новой порции, что я теряюсь, не зная, как я до сих пор нахожусь в сознании. Импульсы внутри активнее сжимают мышцы, лаская член Ника, не сбавляющего скорости и разрывающего меня на миллионы кусочков.

— Ещё... Ник... ещё, — сухими губами говорю я, готовясь к хлопку и крепче сжимая руками цепи.

Но он ничего не выполняет, а лишь сжимает мои ноги, входя в меня на полную длину и делая восьмёрку бёдрами. Его глаза неотрывно следят за моими вздохами и бессвязными словами, то и дело слетающие с губ, когда он возобновляет резкие фрикции, грубо трахая меня. От осознания того, что он видит все мои желания насквозь, меня трясёт от мёда, разлетевшегося по венам и мощным потоком ворвавшегося именно в тот район, где ранее я испытывала болезненные ощущения.

Оргазм, словно цунами, накрывает меня, неожиданно придавливая своей мощью, как и Ник, не давая мне вздохнуть, падает на моё тело, раздвигая бёдра и сжимая меня в своих руках, хрипя моё имя. Конвульсии настолько сильные, что я впиваюсь зубами в его плечо, продолжая имитировать половой акт, а затем утыкаюсь носом в его шею, вдыхая новый порочный аромат, пропитавший мою душу.

Чувствую в себе каждый несильный толчок Ника, его напряжённое тело, горячее дыхание, сжигающее мои волосы в пепел, как и меня, уже расслабляющуюся и теряющую нить с настоящим.

— Боже, — я могу едва шевелить губами, получая долгий поцелуй в щёку и затем слыша его прерывистое дыхание.

Умираю от наслаждения, ощущая, как все жизненные функции замедляются, теряя сознание.

— Мишель, даже не думай, — Ник быстрым движением выходит из меня, отцепляя руки, и они безвольно падают на постель.

— Не могу... это... сил нет, — шепчу я.

— Знаю, крошка, знаю. Но тебя надо искупать, чтобы смыть шоколад, — говорит он, подхватывая меня на руки, как куклу, повисшую в его руках.

Я не могу открыть глаза, даже когда он опускает меня в прохладную воду, остужающую тело, до сих пор помнящее эту сладкую муку. Чувствую, как он забирается сзади, придерживая меня, и поливает водой.

— Моя крошка, — шепчет он, обмывая моё тело, а я устраиваюсь на его плече.

Меня уносит нежный поток, но сознание продолжает бодрствовать, когда Ник вытаскивает меня и усаживает на что-то прохладное. Моя голова падает на его плечо, а я вздыхаю слишком громко.

— Мишель, надо вытереть тебя, а потом я отнесу тебя в постель, — тихо говорит он, обтирая меня, придерживая за талию.

— Не могу, — облизываю губы, издав стон усталости, а он тихо смеётся, отбрасывая мои волосы назад, вновь поднимая меня на руки.

— Это было лучше, чем любая сессия, которую я проводил, — его шёпот ещё больше растворяется в сознании.

Он кладёт меня на мягкую постель и укрывает одеялом.

— Спи, крошка, спи. А завтра...

Не успеваю услышать обещание, отдаваясь полностью темноте.

Тридцать шестой шаг

Медленно открыв глаза, глубоко вздыхаю и улыбаюсь каждой мышце, тянущей в теле. Перевернувшись на бок, я не нахожу рядом Ника и уже сажусь на постели, осматривая спальню в бело-серых тонах. Опустив ноги на пол, поднимаюсь, даже не удивляясь, что я обнажена. Мой взгляд цепляется за панорамное окно, где в тумане утра могу рассмотреть озеро вдаль. Воспоминания слов Ника вспыхивают в голове, и я улыбаюсь им. Только вот где он сам?

Пройдя к двери, нахожу ванную комнату и не перестаю улыбаться предусмотрительно приготовленной одежде для меня, белью и новой зубной щётке. Приняв душ с моими любимыми средствами, я переодеваюсь и тихо выхожу из спальни в коридор. Мои босые ступни приятно утопают в мягком ковре, пока я иду к лестнице. Спускаясь, слышу приглушённый голос Ника, и уже быстрее сбегаяю на первый этаж.

Замираю, найдя глазами Ника, разговаривающего по телефону, сидящего на диване в джинсах и тонкой кофте с ноутбуком на коленях. Картинки вчерашнего вечера проносятся перед глазами, и моё тело отвечает им невероятной теплотой. Не могу прекратить наслаждаться им, таким домашним и необычным. Вчера он сказал, что принял решение, важное для него решение, и я чувствую, что что-то изменилось. Хотя пока не понимаю что именно, но определённо внутри меня поют птицы, а я начинаю глубже дышать, переполненная мечтами.

— Мишель, — красивый баритон... такой любимый зовёт меня, и я концентрируюсь на Нике, отложившего телефон и ноутбук, и с мягкой улыбкой смотрящего на меня.

— Доброе утро, — заминаясь, не зная, как вести себя сейчас, отвечаю, подходя к нему.

— Доброе. Как ты себя чувствуешь? — Интересуется он, протягивая мне руку, и я быстрее сокращаю между нами расстояние и хватаюсь за неё.

— Хорошо, спала как убитая, — признаюсь, а он тянет меня на себя и усаживает на свои бёдра так, чтобы я оседлала его.

— Ты рано встал? — Спрашиваю, обнимая его за шею и, утыкаясь носом в ещё влажные волосы, дурманные весь разум, отчего я закрываю глаза и отдаюсь приятным потокам в теле, журчащим по венам.

— Полчаса назад, — отвечает он, проводя ладонью по моей спине и забираясь под кофту.

— Мог бы остаться или разбудить меня, как тогда, — шепчу я, проводя губами по его уху и прикусывая мочку.

— Мог бы, только дал тебе время немного прийти в себя, — он играет пальцами на моей коже, и она отвечает ему, посылая мурашки по позвоночнику.

— Мишель, я голоден, — шепчет Ник, а я шире улыбаюсь, покрывая его шею мягкими и глубокими поцелуями.

— Я тоже, — отвечая, провожу руками по его плечам, карябая ногтями кофту на груди, опускаюсь к молнии джинс.

[Купить полную версию книги](#)